

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Ли Вэньлу

**Нормативная составляющая коммуникативного поведения
в русской языковой традиции (на материале фразеологии)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор О. А. Михайлова

Екатеринбург – 2018

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования	13
1.1. «Коммуникативное поведение» и аспекты его изучения в современной лингвистике	13
1.1.1. Понятие «коммуникативное поведение» в ряду смежных понятий	13
1.1.2. Аспекты изучения коммуникативного поведения	19
1.2. Фразеологизм как источник знаний о национальной культуре	37
1.2.1. Базовые понятия фразеологии	38
1.2.2. Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии	44
1.2.3. Методика лингвокультурологического комментария фразеологизмов..	49
Выводы.....	51
Глава 2. Культурно-речевой аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении	55
2.1. Фразеологические единицы о функциях языка	55
2.2. Фразеологические единицы о коммуникативных качествах речи	64
Выводы.....	90
Глава 3. Нравственно-прагматический аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении	94
3.1. Коммуникативные позиции адресанта и адресата.....	94
3.2. Этические максимы коммуникативного поведения адресата и адресанта..	101
Выводы.....	126
Глава 4. Речедеятельностьный аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении	129
4.1. Максимы коммуникативного поведения говорящего	130
4.2. Максимы коммуникативного поведения слушающего	156
Выводы.....	161
Заключение.....	164

Список использованной литературы	171
Список использованных словарей и справочников.....	196
Приложение 1.....	200
Приложение 2.....	257

Введение

Взаимодействие людей, их коммуникация являются основой существования человека в обществе. Люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир. В рамках отдельной национальной культуры выделяется коммуникативная культура, которая определяет коммуникативное поведение нации – нормы и традиции общения. У каждого народа существует собственная коммуникативная программа, которая несет в себе своеобразный «культурный код» – национальные культурные ценности, принципы, неписанные правила, стереотипы общения в данной лингвокультурной среде.

Коммуникативное поведение отдельного человека обусловлено целым комплексом факторов: психологическими качествами личности, местом рождения и обучения, особенностями воспитания, окружающей социальной средой, а также и национальной общностью, к которой он принадлежит. Коммуникативное поведение человека – это составная часть его социального поведения.

Коммуникативное поведение нации регулируется правилами, основанными на нормах морали и национально-культурных традициях, а также коммуникативными качествами речи. Нормативные составляющие коммуникативного поведения выступают в качестве эталона, на который ориентируется коммуникант при вступлении в контакт. Они способствуют стабилизации взаимоотношений между коммуникантами и эффективному достижению цели общения. Если эталонные нормы речеповедения адресанта и адресата совпадают, можно говорить об успешности коммуникативного акта и эффективности общения.

Правила общения в определенной лингвокультурной среде складывались исторически и как неписанный закон закреплялись и сохранялись в языковой традиции. Представления, связанные с бытом и культурой людей, культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия отражаются во фразеологическом фонде языка. «Фразеологизм закрепляет в

образе устойчивые окультуренные представления и превращается в символ происходящего, становится стереотипом ситуаций, является эталоном тех или иных качеств реалий. Фразеологизм хранит в глубине своей внутренней формы исходные модели восприятия человеком мира, или архетипы» [Ковшова 2014: 115], правила и нормы речевого поведения, обладающие культурной ценностью для говорящего и слушающего. И, как следствие, фразеологические единицы выполняют важную воспитательную функцию в обществе, так как формируют этические нормы, регулируют коммуникативное поведение людей, учат этикету. Изучение национального фразеологического фонда и фразеологизмов как знаков языка, культуры и коммуникации позволяет понять, какие «вербализованные смыслы оказываются наиболее важными, отражающими лингво-менталитет определенного этноса» [Воркачев 2003: 10].

Актуальность избранной темы заключается в исследовании фразеологии как особого кода культуры, в обращении к нормам коммуникативного поведения, которые являются важнейшим элементом культуры, в выявлении универсального и национально специфического в коммуникативном поведении русских. Такой подход определяется необходимостью расширения лингвистических исследований в русле лингвокультурологической парадигмы.

Степень разработанности проблемы. Изучение коммуникативного поведения находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей, начиная со второй половины 20 в. В рамках исследуемой проблемы можно выделить несколько тематических полей, являющихся объектом теоретического осмысления.

Во-первых, труды отечественных и зарубежных специалистов, представляющих различные направления коммуникативной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Бахарева, М. М. Бахтин, И. Н. Борисова, Т. А. ван Дейк, Е. М. Верещагин, Т. Г. Винокур, Б. Н. Головин, Г. П. Грайс, В. В. Дементьев, В. И. Жельвис, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, Л. В. Куликова, Р. Лакофф, Н. А. Лемякина, А. Н. Леонтьев, Дж. Лич, М. Л. Макаров, Н. В. Моторина, Дж. Л. Остин, Г. Г. Почепцов, Ю. Е. Прохоров, Э. Сепир,

Дж. Серль, И. А. Стернин, Н. И. Формановская, Ю. Хабермас, О. В. Хворостова, О. Н. Шаповалова, Л. П. Якубинский, 顾曰国 (Гу Юэго), 赵冬升 (Чжао Дуншэн) и др.).

Второе важное для нашей работы теоретическое поле связано с исследованиями по общим вопросам фразеологии (Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. П. Жуков, Е. А. Иванникова, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, И. С. Торопцев, А. И. Федоров, Н. М. Шанский и др.); а также с исследованиями фразеологизмов и паремий в лингвокультурологическом аспекте (Б. М. Ажнюк, Р. Р. Аллаярова, Т. И. Бочина, Е. М. Верещагин, М. Л. Ковшова, Н. О. Козина, Н. В. Курбатова, Т. Г. Рацен, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семененко, В. Н. Телия, Ф. Ф. Фархутдинова, С. Г. Шулежкова и др.). Паремии как источник народных представлений о той или иной стороне действительности неоднократно были объектом описания [См. обзор в: Сперанская 1999; Бочина 2003].

Третье проблемное поле – исследования, посвященные правилам речевого поведения человека в разных лингвокультурах на материале фразеологических источников. Они стали объектом специального исследования сравнительно недавно.

Первый опыт описания речевого поведения по данным восточных пословиц представлен Ю. В. Рождественским [Рождественский 1978]. В работе Л. В. Христолюбовой дан семантический анализ устойчивых единиц с семьей речи, содержащих характеристику коммуникативного акта [Христолюбова 1992]. А. Н. Сперанская на материале пословиц и поговорок реконструировала кодекс бытового общения [Сперанская 1999]. В статье Л. В. Балашовой описаны особенности вербальной коммуникации, отраженные в идиоматике русского языка [Балашова 2003]. Речевое поведение изучается в сопоставительном аспекте: языковой статус пословичных поведенческих регулятивов, связанных с оценкой речевой деятельности человека в английском и башкирском языках [Латыпова 2003]; когнитивные нормы коммуникативной способности, зафиксированные в английских и русских паремиях [Пикалова 2005]; лингвокогнитивные

особенности репрезентации речевого поведения, представленного в паремиологической системе балкарского и русского языков [Куготова 2013]; англоязычные фразеологические словосочетания невербального поведения [Маякина 2006]. В диссертационном исследовании Бай Юй рассматриваются возрастные, гендерные и статусные особенности коммуникативного поведения, отраженные в русских и китайских афоризмах [Бай Юй 2016] и др.

Однако в настоящее время наименее изученной является проблема коммуникативного поведения, обусловленная традициями национальной культуры. Не описана специфика нормативной составляющей вербального и невербального коммуникативного поведения в идиомах и поговорках различных этносов.

Научная новизна работы заключается комплексном анализе фразеологизмов русского языка, вербализующих коммуникативное поведение, в описании целостной системы норм русского коммуникативного поведения, отраженных во фразеологии (на фоне китайских соответствий). Новым является аспектный подход к исследованию материала: выявлены культурно-речевой, нравственно-прагматический и речедеятельностный аспекты норм коммуникативного поведения, отраженных во фразеологии. Расширен объем материала: для анализа были привлечены идиомы и поговорки.

Объектом исследования являются русские фразеологические единицы, характеризующие коммуникативное поведение. В отечественной лингвистике не существует единого понимания фразеологизма. В частности, принципиально различаются широкое и узкое понимание фразеологии (подробнее см. раздел 1.2.1), определяющее разный объем фразеологического множества. В данной работе мы понимаем фразеологию широко и включаем во фразеологическую систему все устойчивые единицы – идиомы, фразеологизмы разных типов, поговорки (пословицы и поговорки).

Предмет исследования составляет нормативная составляющая коммуникативного поведения, зафиксированная в русской фразеологии.

Цель диссертационной работы состоит в выявлении и комплексном описании норм и правил, регулирующих собственно коммуникативное поведение

в русской лингвокультуре и закреплённых языковой традицией.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) Провести выборку фразеологических единиц, характеризующих коммуникативное поведение, из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок русского языка и других лексикографических справочников.

2) Разработать процедуру лингвокультурологического описания содержания фразеологизмов.

3) Систематизировать корпус фразеологических единиц и классифицировать все описываемые ими коммуникативные ситуации.

4) Выявить и описать представленные в русской фразеологии правила коммуникативного поведения с учетом культурно-речевого, нравственно-прагматического и речедетальностного аспектов.

Для реализации поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы**: классификационный и описательный методы; статистический метод; метод компонентного анализа и методика лингвокультурологического анализа. Применялся сопоставительный метод.

Материал был получен методом сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок русского языка и других лексикографических справочников. В их числе: «Большой фразеологический словарь русского языка» (Телия 2009); «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (Бирих, Мокиенко, Степанова 1997); «Учебный фразеологический словарь русского языка» (Быстрова, Окунёва, Шанский 1984); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (Федоров 2008); «Фразеологический словарь русского языка» (Молотков 1987); «Фразеологический словарь русского языка» (Тихонов, Ломов, Ломова 2003); «Фразеологический словарь современного русского языка» (Ларионова 2014); «Школьный фразеологический словарь русского языка» (Жуков 1980); «Большой словарь русских поговорок» (Мокиенко, Никитина 2007); «Большой словарь русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010); «Пословицы русского народа» (Даль 1984); «Словарь русских пословиц и поговорок» (Жуков 2003);

«Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и мелких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок» (Зимин 2012); «20000 русских пословиц и поговорок» (Михайлова 2009); «Большой китайский фразеологический словарь» (王涛 Ван Тао 2007); «Фразеологический словарь китайского языка» (李一华 Ли Ихуа, 吕德申 Люй Дэшэнь 1985); «Большой словарь китайских пословиц» (温端政 Уэнь Дуаньчэнь 2011); «Словарь китайских пословиц» (周津琦 Чжоу Цзинци 2006) и др.

Общее количество проанализированных фразеологических единиц – более 1700.

Для повышения точности и доказательности исследования привлечены лексикографические источники (этимологические и толковые словари). Паремнологический материал в некоторых случаях сопровождается фразовым материалом, извлеченным из произведений художественной литературы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в разработку проблемного научного поля коммуникативистики и фразеологии. Наблюдения и выводы позволяют углубить существующие представления о нормативной составляющей русского коммуникативного поведения; уточнить национальные особенности вербального и невербального коммуникативного поведения, зафиксированные в русской фразеологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться в лексикографии для обновления и дополнения толкований фразеологических единиц. Полученные данные могут быть полезны при составлении лингвострановедческих словарей. Кроме того, они могут быть использованы в преподавании курсов и спецкурсов по культуре речи, теории коммуникации и лингвопрагматике. Результаты также могут применяться на практических занятиях по русскому языку как иностранному и при подготовке спецкурсов по лексикологии, паремнологии и лингвокультурологии.

Степень достоверности результатов определяется большим количеством

проанализированного научного материала; использованной методикой анализа, адекватной целям, задачам и рассматриваемому объекту. Научные положения, выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены убедительными данными. Обеспечиваются привлечением достаточного количества научных источников различного характера (среди них – научные работы по коммуникативистике, фразеологии, лингвокультурологии).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Во фразеологической системе русского языка выделяется группа фразеологических единиц с общим значением *коммуникативное поведение личности*. Зафиксированная во фразеологических единицах нормативная составляющая и отмеченные в них отступления от нормы в процессе общения позволяют выявить традиционные нормы русской коммуникации.

2. Фразеологизмы содержат систему правил, определяющих культурно-речевой, нравственно-прагматический и речедеятельностный аспекты коммуникативного поведения.

3. Нормативные требования к самому процессу общения и качествам хорошей речи в русском наивном сознании совпадают с риторическими “классическими” требованиями правильности, точности и ясности, логичности, выразительности, уместности, чистоты, содержательности, краткости.

4. В ФЕ зафиксированы традиционные установки русской коммуникативной культуры, связанные с этическими ценностями. Нравственные ценности реализуются в максимах правдивости, искренности, скромности, доброжелательности, уважительности – универсальных этических нормах для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

5. В речедеятельностном аспекте максимы для говорящего и слушающего специализированы. Во фразеологических единицах зафиксированы следующие конкретные максимы, предписывающие необходимое коммуникативное поведение говорящего: максима количества, максима ответственности, максима гармонизации общения. Коммуникативное поведение слушающего регулируется максимой очередности, максимой слушания, максимой адекватной оценки

собеседника и его высказывания.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 4-х глав, заключения, списка использованной литературы и списка использованных словарей и справочников. Работа включает 2 Приложения.

Во **Введении** обоснована актуальность и научная новизна выбранной темы, оценивается степень ее разработанности, формулируются цель и задачи, дается характеристика теоретической базы исследования, определена теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Теоретические основы исследования»** определяется понятие коммуникативного поведения, рассматриваются различные аспекты изучения коммуникативного поведения, а также раскрываются теоретические проблемы фразеологии, описывается методика лингвокультурологического комментария фразеологизмов.

Во второй главе **«Культурно-речевой аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении»** рассматриваются представленные во фразеологии функции языка и коммуникативные качества речи.

В третьей главе **«Нравственно-прагматический аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении»** дается характеристика этических максим, лежащих в основе коммуникативного поведения участников коммуникации.

В четвертой главе **«Речедеятельностный аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении»** рассматривается специфика максим, регулирующих коммуникативное поведение говорящего и слушающего.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (Москва, 2016, 2017 гг.); на Международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2016, 2017

гг.); на XVI Международной научно-практической конференции «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, 2017 г.); на XIV Студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (Москва, 2017 г.); на VI Международной научно-практической интернет-конференции «Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы» (Екатеринбург, 2017 г.); на I-й Международной заочной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 2017 г.); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Культура, образование, воспитание в контексте федеральных государственных образовательных стандартов» (Екатеринбург, 2016 г.); на Международной научно-практической интернет-конференции «Русский язык: человек, культура, коммуникация – V» (Екатеринбург, 2016 г.). По теме диссертации опубликовано всего 15 работ, в том числе три статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Глава 1. Теоретические основы исследования

Цель данной главы – обосновать теоретическую базу исследования, сформировать терминологический аппарат, соответствующий задачам работы.

1.1. «Коммуникативное поведение» и аспекты его изучения в современной лингвистике

В связи с происходящими в последние десятилетия процессами глобализации в науке наблюдается повышенный интерес к проблемам межкультурного взаимодействия. Различные аспекты коммуникации рассматриваются в исследованиях разных научных областей: культурологии, этнопсихологии, лингвистики, межкультурной коммуникации, социологии и др. Активно развивается самостоятельное направление – коммуникативистика, одним из центральных понятий которой является понятие «коммуникативное поведение». Однако значение термина остается достаточно расплывчатым, потому что коммуникативистика находится в процессе становления, нет чётких научных традиций описания данного объекта, отсутствует единый подход к определению коммуникативного поведения, требуют дальнейшей разработки «терминологический аппарат», а также «модели его системного описания», не представлены «методы и приемы изучения коммуникативного поведения» [Прохоров, Стернин 2006: 11–12].

1.1.1. Понятие «коммуникативное поведение» в ряду смежных понятий

Общепринятого и однозначно понимаемого термина для обозначения

данного понятия в лингвистике не существует. Как синонимичные используются термины «коммуникативное поведение» [Стернин 1989], «речевое поведение» [Казарцева 1998], «интенциональное поведение» [Борисова 2001], «языковое поведение» [Седых 2004] и др.

Чтобы уяснить содержание понятия коммуникативного поведения, необходимо рассмотреть его исторический фон, на котором формировалась современная теория коммуникативного поведения.

В лингвистической историографии принято считать, что одним из основателей того, что понимается под коммуникативным поведением, был известный американский антрополог и лингвист Э. Сепир. По его мнению, «язык приобретает всё большую значимость в качестве руководящего начала в изучении культуры», и некоторым образом «система культурных стереотипов каждой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего дух данной цивилизации» [Сепир 1993: 261]. В связи с этим ученый полагал, что мышление и поведение человека определенной лингвокультурной общности моделируется ее языком и культурой [Там же].

Впоследствии Бенджамин Уорф развил идеи Э. Сепира, в результате чего была сформулирована общая гипотеза Сепира-Уорфа о том, что язык, мышление и культура народа теснейшим образом связаны, что мышление и культура народа в значительной степени определяются его языком, а язык является ключом к их пониманию [Уорф 1960].

Из этой гипотезы следует, что и коммуникативное поведение реализуется в соответствии с нормами определенной лингвокультуры. «Коммуникативное поведение детерминировано культурой», которая определяет его «стандарты и границы креативности индивидуума» [Карасик 2007: 334]. Каждый коммуникативный акт представляет собой «подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества» [Там же]. Для изучения коммуникативного поведения важно, что личностная изменчивость в культурном аспекте связана с нормами коммуникативного поведения, «отражающими культуру общности и коммуникативный опыт личности и представляющими собой личностное

преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм» [Стернин 2000б: 7].

Другая важная теория, послужившая базой для изучения коммуникативного поведения, – теория речевых актов, разработанная Дж. Л. Остином [Austin 1962] и Дж. Р. Серлем [Searle 1969]. Наблюдая за определенными условиями использования слов в общении, ученые определили, что речевой акт включает в себя пропозицию, локуцию, иллокуцию и перлокуцию [Остин 1986]. При этом иллокутивный речевой акт определяется как управляемое определенными правилами интенциональное поведение личности, и данные правила являются необходимым и достаточным условием для совершения коммуникативного взаимодействия [Там же].

Далее, обобщая имеющиеся исследования речевых актов, а также теорию концептуализации социальных действий Макса Вебера, немецкий философ и социолог Юрген Хабермас выделил два типа поведения: *коммуникативное и стратегическое*. Ю. Хабермас показывает, что коммуникативное поведение ориентировано на достижение взаимопонимания между коммуникантами, т. е. на упорядоченное установление нормативной коммуникативной среды, устойчивого взаимоотношения и устойчивой структуры между людьми [Хабермас 2001].

Одним из наиболее значимых научных трудов по теории поведения явилась работа А. Кребера и К. Клакхона, посвященная теории паттернов поведения в культуре. Согласно взглядам авторов, культура состоит именно из «паттернов поведения», т. е. не только из «норм или стандартов поведения», но и из «идеологий, оправдывающих или рационализирующих определенные отобранные способы поведения личности» [Кребер, Клакхон 2000: 189]. При этом паттерны поведения строятся на основе культуры, которая включает в себя «широкие общие принципы отбора и упорядочения» [Там же]. Таким образом, по мнению ученых, поведение выступает как выражение общих паттернов, составляющее основу традиции.

Термин «коммуникативное поведение» вписан в парадигму единиц с общим значением ‘общение’. В научной литературе употребляются практически как

синонимы термины «общение», «коммуникация», «речевое общение», «речевое поведение», «языковая коммуникация», «речевая деятельность». Как отмечает И. П. Сусов, языковая коммуникация имеет множество терминов: «речевая коммуникация», «вербальная коммуникация», «речевое общение», «вербальное общение», «речевая деятельность», «речь» [Сусов 2005: <http://topuch.ru/uchebnik-modificirovano-v-avguste-2005-g-oglavlenie/index.html>].

Нам представляется, что необходимо выделить в каждом понятии его дифференциальные признаки.

Общение представляет собой взаимоотношение и взаимодействие двух или более участников, находящееся в обмене между ними информацией. Общение понимается как обмен действиями: поступками (угощение, рукопожатие или объятие), жестами, мимикой, словами. Среди них слово в значительной степени раскрывает возможности общения. Язык позволяет не только выражать отношение к собеседнику, но и осуществлять речевое воздействие на других. Язык представляет возможность выразить мнение или мысль более ясно, четко и понятно, чем мимика или жест (см.: Л. В. Володина, В. И. Карасик, О. К. Карпухина, Е. Л. Пинтелеева и др.).

Речевая деятельность рассматривается как «активный, целенаправленный, опосредованный языковой системой и обусловливаемой ситуацией общения процесс передачи или приема сообщения» [Зимняя 1985: 34]; в этом процессе формируется и формулируется в языковых знаках мысль говорящего. А. Н. Леонтьев предлагает ориентацию речевой деятельности на: 1) «планирование речевых и неречевых действий»; 2) «формулирование плана действий в речевой форме»; 3) сопоставление и контролирование «полученного результата с намеченной целью» [Леонтьев 1974: 24–25]. Речевая деятельность связана с установлением контакта между людьми. Главное отличие речевой деятельности от речевого поведения заключается в том, что осуществление речевой деятельности обуславливается осознанными мотивами и целями, тогда как для речевого поведения характерны привычность, автоматизированность. В связи с этим речевую деятельность определяют как «мотивированное,

определяемое целями сознательное речевое проявление, а речевое поведение – как лишенное осознанной мотивировки автоматизированное, стереотипное речевое проявление» [Формановская 1989: 29].

Т. Г. Винокур, разграничивая данные понятия, пишет, что в речевом поведении взаимодействуют «лингвистические и экстралингвистические факторы», и такое взаимодействие отсутствует в речевой деятельности и речевом общении. Речевое поведение более конкретно, потому что в нем существует «ситуативный смысл» [Винокур 2005: 26].

Речевое поведение человека проявляется в процессе коммуникативного акта, и автоматизированность речевого поведения человека часто выражается в стереотипных высказываниях, речевых клише. «В основе речевого поведения лежат внутриязыковые закономерности подсистемной дифференциации стилистических явлений, внешние закономерности социальных и социально-психологических условий коммуникации» [Винокур 2005: 30]. Мы принимаем точку зрения Т. Г. Винокур, что предмет речевого поведения – «типическая коммуникативная речь в типизированных социально-психологических условиях» [Там же: 100], и понимаем речевое поведение как систему сознательных и бессознательных речевых действий участника коммуникации в определённых речевых ситуациях.

Изучение коммуникативного поведения в современной российской лингвистике связано, в первую очередь, с именем И. А. Стернина, который предложил системное описание данного феномена. Понятие «коммуникативное поведение» впервые было использовано ученым в 1989 г. в статье «О понятии коммуникативного поведения» [Стернин 1989: 279–282] и определено как «совокупность норм и традиций общения народа», объединенного его языком и культурой [Стернин 2000а: 4].

Коммуникативное поведение является «эмпирически наблюдаемым и воспринимаемым адресатом внешним проявлением коммуникативной деятельности» [Борисова 2001: 191]. Взаимосвязь и отличительные особенности коммуникативного и речевого поведения описаны в монографии «Русское

коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2006]. Ученые подчеркивают, что *«речевое поведение»* выступает как синоним термина *коммуникативное поведение*, они описывают одно и то же – общение народа, группы людей или личности как некоторую упорядоченную систему правил, но при этом термин *речевое поведение* акцентирует речевую сторону, речевой аспект общения, а термин *коммуникативное поведение* – коммуникативный, т. е. связанный с более широким набором факторов, в том числе с нормами и правилами общения. Коммуникативный аспект общения шире речевого, он включает речевой аспект общения как свою составную часть, но далеко не исчерпывается им» [Прохоров, Стернин 2006: 26–27].

Коммуникативное взаимодействие понимается как «взаимозависимое единство вербальных, невербальных, экстралингвистических и паралингвистических конститuentов» [Куликова 2006: 136–137]. Коммуникативное поведение включает вербальное и невербальное поведение, а речевое поведение – только вербальное. Особенности коммуникативного поведения реализуются как на вербальном, так и на невербальном уровне, вследствие чего различают вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Вербальное коммуникативное поведение можно определить как «совокупность норм и традиций речевого общения, связанных с тематикой и особенностями организации процесса общения в определенных условиях коммуникации» [Стернин, Стернина 2001: 13].

Невербальное коммуникативное поведение представляет собой не менее сложное явление, однако его часто упускают из виду, хотя значение невербальных компонентов общения трудно переоценить. Под невербальным коммуникативным поведением понимается использование неязыковых знаков для передачи информации в определенных ситуативных условиях общения. В область невербальной коммуникации входят прежде всего «мимика, жесты, поза, движение, взаимное расположение общающихся, физические действия и контакты» [Стернин, Стернина 2001: 13], и многие другие невербальные средства демонстрации

отношения к собеседнику в процессе общения, в том числе «знаки отсутствия говорения (молчания)» [Стернин 2003: 100].

В рамки невербального коммуникативного поведения входит «социальный символизм» (И. А. Стернин, Н. А. Формановская), или значимое бытовое поведение. Социально и коммуникативно значимое бытовое поведение – это «совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей» [Формановская 1989: 123]. А социальный символизм является «отражением в сознании людей семиотической функции, которую приобретает в той или иной культуре определенное действие, факт, событие, поступок, тот или иной элемент предметного мира. Все эти явления приобретают в сознании народа определенный символический смысл, характерный и единый для всего данного социума или для какой-то определенной группы» [Стернин 2000б: 7].

И. А. Стернин в работе «Введение в речевое воздействие» отмечает, что «при описании невербального коммуникативного поведения мы имеем дело с многочисленными невербальными сигналами – материальными, чувственно воспринимаемыми действиями коммуникантов, носящими разный характер, несущими для собеседников фиксированный, закреплённый данной культурой смысл» [Стернин 2001: 90].

Таким образом, коммуникативное поведение представляет собой систему норм лингвокультурной общности и отражение культурных ценностей во взаимосвязанном единстве вербальных и невербальных средств, т. е. оно выступает как набор действий, в основе которых лежит система ценностей, норм, правил и запретов, принятых в данной общности.

1.1.2. Аспекты изучения коммуникативного поведения

Коммуникативное поведение, будучи сложным и многогранным понятием,

изучается в разных ракурсах, с разных точек зрения. Значимыми для нашего исследования являются прагматический, лингвокультурологический и гендерный подходы.

Прагматический аспект

«Прагмалингвистика сосредоточивает внимание на отношении человека к языковым знакам, зафиксированном в языке, а также на выборе наиболее уместных единиц (при ориентации на ситуацию в целом, на адресата) для производства высказываний / текстов, с помощью которых говорящий в речевых действиях достигает поставленных целей» [Формановская 1998: 14]. Базовое, признанное аксиоматичным свойство любого коммуникативного действия – целенаправленность, интенциональность [Леонтьев 1999] – свидетельствует о прагмалингвистической природе коммуникативного поведения.

Изучение коммуникативного поведения в прагматическом аспекте предполагает выявление закономерностей «речевых поступков индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [Винокур 2005: 29].

Общество как единая, сложная система обязательно устанавливает определенные рамки поведения его членов: «Чтобы функционировать как единое целое, как сложная социальная система, общество должно установить такие рамки поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся» [Левкович 1976: 212]. Повседневное существование личности строго регламентируется предписаниями, определяющими вербальное и невербальное поведение коммуникантов. Для каждого национально-культурного сообщества коммуникативное поведение является коммуникативной ценностью, понимаемой как обусловленная важнейшими принципами национальной культуры коммуникативная категория, которая регулярно и закономерно проявляется в «языковой и речевой системе (системы языковой оценки, аспекты лексической номинации, нормы конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочная деятельность) и в общих когнитивных

отношениях человека с миром (аспекты оценочной культурно-языковой картины мира)» [Дементьев 2016: 4].

В центре внимания исследователей находятся базовые понятия коммуникативной прагматики: во-первых, понятия *коммуникативные стратегии и тактики*, во-вторых, понятие *норма*.

Коммуникативное поведение человека, как правило, обусловлено определенными мотивами. Плодотворная концепция ван Дейка, в которой дана «характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или локальным контекстуальными ограничениями на собственные (последующие) действия» [ван Дейк 1989: 274], получила широкое распространение в отечественной лингвистике и послужила толчком для развития коммуникативной прагматики [См., например: Борисова 1996; Верещагин, Костомаров 1999; Зернецкий 1988; Иссерс 1999; Клюев 2002; Кузьменкова 2010; Рытникова 1996; Сковородников 2004; Формановская 1998 и др.].

Коммуникативная стратегия и тактика всегда связаны с прагматической целеустановкой говорящего и позволяют реализовать его коммуникативную интенцию. О. С. Иссерс подчеркивает прогнозирующую функцию коммуникативной стратегии, поскольку слово *стратегия* проявляет характер «планирования действий» и «прогноза ситуации и поведения коммуникантов» [Иссерс 1999: 55]. Стратегия отражает главную цель коммуникативных действий в определенной коммуникативной ситуации, тактика – локальную цель в рамках отдельных этапов реализации стратегии. Стратегия – «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой / неязыковой задачи общения в речевом событии» [Зернецкий 1988: 40]; «основная задача, генеральная интенция в рамках данного коммуникативного процесса», а тактика – «одна из последовательно решаемых задач в границах определенной стратегической линии» [Рытникова 1996: 94].

Опираясь на индуктивный метод, позволяющий подытожить наблюдения над

коммуникативным поведением в различных коммуникативных ситуациях, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют речеповеденческую тактику как предпосылку коммуникативного поведения, она «вычленяется по признаку одного единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными и невербальными средствами» [Верещагин, Костомаров 1999: 13–14]. На глубинном уровне тактика невербальна, представляет собой «конденсированный интегральный смысл-интенцию», а на поверхностном уровне тактика вербальна и «состоит из вербальных речевых актов» [Там же: 14–15].

Осознанное использование говорящим коммуникативных стратегий и тактик всегда оказывает определенное «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению» [Стернин 2001: 72]. С точки зрения адресанта, сущность использования коммуникативных стратегий состоит в «организации своих коммуникативных обращений так, чтобы результатом было изменение значений релевантных психологических параметров реципиента в нужном направлении: усиление какого-то желания, увеличение / уменьшение его уверенности в чем-то, изменение его положительных / отрицательных оценок» [Бйм 1985: 205].

Владение коммуникативными стратегиями и тактиками относится к центральной прагматической компетенции коммуникантов. По мнению Н. И. Формановской, чем более умело владеет говорящий коммуникативными компетенциями, уместно применяет постулаты и правила общения, «тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешней он добивается своих целей» [Формановская 1998: 72].

Китайский ученый Чжао Дуншэн считает, что процесс говорения является процедурой применения говорящим определенной коммуникативной стратегии, выбора определенной коммуникативной тактики и достижения определенной намеченной цели общения. Говорящий может либо сознательно выбирать непосредственные стратегии для отражения явных намерений, либо выбирать посредственные стратегии для отражения рецессивных интенций [Чжао Дуншэн

2014: 108]. Стратегии и тактики удовлетворяют коммуникативные потребности, которые включают соответственно информирование речевого партнера, выражение личного мнения, оценок и эмоций, «желание изменить поведение речевого партнера, гармонизацию жизненных ритмов людей» [Матвеева 2010: 386].

Коммуникативные стратегии прогнозируют «выбор, учет и взаимоувязывание путей, ситуаций и средств, необходимых для достижения главной цели» [Звегинцев 1997: 110]. Следование определенной стратегии побуждает говорящего «не только отбирать определенные факты, но и давать их в определенном освещении, т. е. заставляет соответственно организовывать речь, обуславливает композицию и характер языковых средств» [Одинцов 1982: 160].

Адресант организует свое коммуникативное поведение, используя соответствующие определенные языковые и неязыковые средства для коммуникативной координации и поддержания успешности коммуникации. Правильный выбор ведет к эффективному коммуникативному взаимодействию.

Необходимо подчеркнуть, что большинство исследований, посвященных коммуникативным стратегиям и тактикам, учитывает только позицию говорящего, однако не только адресант, но и адресат реализует собственные коммуникативные стратегии: «адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление» [Арутюнова 1990: 176]. Другими словами, для успешности коммуникации важны коммуникативные намерения и их реализация всеми участниками коммуникации.

Установка на кооперацию и гармонизацию общения определяют логику коммуникативного поведения адресанта и выбор коммуникативных стратегий и тактик. Для формирования гармоничной атмосферы главной коммуникативной стратегией выступает вежливость. Вежливое поведение обуславливает выбор таких тактик, как *доброжелательное отношение, великодушие, толерантность* и т. п. [Власян 2010; Земская 1994; Ларина 2003, 2009; Харлова 2016; Хворостова 2009]. Важно отметить, что направленная на собеседника коммуникативная

стратегия вежливого речеповедения выступает как выбор сознательного снижения позиции говорящего.

В процессе межличностного общения для обеспечения и организации его гармоничного протекания коммуниканты «формируют определенную систему взаимоотношений, основанных на правах и обязанностях, систему социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов действия, само действие, ожидание, оценку и средства» [Кравченко 2001: 91]. Для демонстрации доброжелательного отношения к собеседнику в каждом лингвокультурном сообществе используются разные, национально специфичные средства, закрепленные традициями. Поэтому при прагматическом подходе к коммуникативному поведению важным становится проблема нормы.

Понятие нормы имеет многосторонний характер (Е. В. Бабаева, А. Вежбицкая, Е. П. Захарова, Е. А. Земская, Н. К. Кънева, О. А. Лаптева, Т. В. Ларина, А. Ш. Сафаргалина, И. А. Стернин, М. А. Стернина, Е. Н. Ширяев и др.), но при этом все ученые признают, что норма – это нечто должное, обязательное, общераспространенное, пропитанное культурой и традицией.

Понятие нормы во всех ее разновидностях неразрывно «связано с историей становления и развития литературного языка как языка» сознательно культивируемого и оберегаемого принятыми для него нормами [Ширяев 2000: 13]. Норма – один из ключевых компонентов культуры речи. Культура речи – это «такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Там же]. Норма касается всех трех составляющих понятия культуры речи, вследствие этого различают разные типы норм – языковые нормы, этические нормы (в том числе и этикетные) и коммуникативные нормы.

Коммуникативные нормы есть воплощение или реализация остальных норм. Как отмечает Т. В. Ларина, в процессе коммуникации вырабатываются «языки коммуникации, социальные нормы, правила общежития, нормативный этикет – все то, что регулирует социальную жизнь в данном сообществе» [Ларина 2003а: 7].

Через коммуникативные нормы другие типы норм выполняют регулятивную и оценочную функции: «Не зная совокупности этических норм и правил, действующих в пределах того или иного социума, невозможно осуществлять правильный выбор языковых средств и, тем самым, построить какое-либо «социально-конкретное» высказывание» [Сафаров 1989: 64]. Т. М. Николаева выделяет три типа отношений в определении нормы: отношение к заведенному порядку вещей, отношение к понятию должного и отношение к системе ценностей [Николаева 1983].

Таким образом, в основу определения нормы кладутся как языковые критерии, так и поведенческие конфигурации. К последним следует отнести такие, как мораль, этика, уровень воспитанности и грамотности, политкорректность.

Коммуникативное поведение каждого этноса характеризуется «коммуникативными правилами, обязательными для выполнения в данной лингвокультурной общности» [Стернин и др. 2003: 9]. В процессе общения поведение человека данного социума регулируется системой конкретных коммуникативных норм, включая правила и нормы конкретных коммуникативных актов, этикетные нормы и т. д. Реализуемые в коммуникации нормы и традиции общения позволяют рассматривать «конкретное коммуникативное поведение как нормативное или ненормативное» [Стернин 2003: 97].

Каждый участник должен соблюдать определенные коммуникативные нормы, чтобы обеспечить достижение эффективности взаимодействия и успешно строить свое коммуникативное поведение в определенных коммуникативных ситуациях. Нарушение их есть проявление неуважения к собеседнику, что вызывает его негативную реакцию, и, естественно, может снижать качество общения или даже делать общение совсем невозможным. Коммуникативные нормы способствуют достижению эффективности общения в определенной коммуникативной ситуации с учетом складывающихся «экстралингвистических факторов» [Сафаргалина 2008: 8].

О. А. Леонтович включает в коммуникативные нормы «произношение; формы обращения к собеседнику; выбор лексики; манеру вербального и

невербального поведения; параметры молчания (длину паузы, место молчания в речевой цепи); следование грамматическим правилам или отклонение от них; выбор коммуникативной дистанции и коммуникативных стратегий; модальность сообщений; использование параязыковых средств; жанрово-стилистическую вариативность» [Леонтович 2002: 196–197].

Согласно концепции Е. Н. Ширяева, коммуникативные нормы являются различными по отношению к разным функциональным разновидностям языка и их жанрам. «Для каждого жанра можно назвать некоторые общие закономерности, следовать которым необходимо, иначе можно разрушить жанр» [Ширяев 2000: 15].

Коммуникативные нормы реализуются в речевом этикете [Формановская 2002], однако в целом коммуникативное поведение не ограничивается лишь этикетом [Стернин 2002а], поскольку речевой этикет связан со «стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах <...>. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику. Коммуникативное поведение включает речевой этикет как составную часть коммуникации» [Стернин 2000а: 10]

Описывая нормы коммуникативного поведения, И. А. Стернин выделяет четыре вида норм: *общекультурные, ситуативные, групповые и индивидуальные* [Стернин 2000б: 5–7].

Общекультурные нормы коммуникативного поведения «характерны для всех членов лингвокультурной общности» [Стернин 2000б: 5] и связаны с самыми общими ситуациями «вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, гендера, сферы деятельности и т. д.». Они «в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения» [Там же] и могут получать свою специфику в различных лингвокультурных общностях. Это такие «стандартные ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие,

прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование и т. п.» [Там же].

Групповые нормы представляют специфику коммуникативного поведения «определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп коммуникантов» [Там же: 7].

Ситуативные нормы отражаются в конкретной ситуации общения. Ситуативные нормы позволяют коммуникантам организовать свое коммуникативное взаимодействие в соответствии с условиями «определенной ситуации общения» [Там же: 6]. Ситуативные нормы характеризуются экстралингвистическими условиями, т. е. данные нормы регулируют взаимодействие коммуникантов общения с учётом социально-культурного кода (социальный статус, иерархия, возраст, гендер и др.).

Индивидуальные нормы проявляют «индивидуальную культуру и коммуникативный опыт человека и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных норм в конкретной языковой личности» [Там же: 6–7], а также включают «устойчивые нарушения общих и групповых норм, характерные для данного индивида» [Там же].

Итак, коммуникативные нормы появляются как на общем национальном уровне, так и на уровне представителей определённой общности.

Коммуникативная норма не всегда является жестким, обязательным требованием. С точки зрения В. В. Красных, «общекультурные и ситуативные нормы» являются необязательным к исполнению коммуникантами в событиях разговорного диалогического взаимодействия [Красных 1998: 77–78], и возможны отклонения от норм, т. е. нормы рассматриваются не как «обязательный для исполнения кодекс, а как канон, который хотя и задает границы дозволенного, тем не менее позволяет в имеющихся рамках действовать самостоятельно, творчески» [Там же: 79].

Таким образом, изучение коммуникативного поведения в прагматическом аспекте дает возможность выявить правила построения коммуникативного

взаимодействия, условия успешного общения, средства эффективного воздействия, нормативное и ненормативное поведение.

Лингвокультурологический аспект

Изучение норм коммуникативного поведения и правил общения невозможно без учета национально-культурной специфики коммуникативных условий различных народов, так как в основе поведения лежат общенациональные традиции. Как уже было сказано, коммуникативное поведение представляет собой коммуникативную ценность, которая производна от культурных ценностей: «только под общим зонтиком культуры и ее базовых установок, с санкции соответствующих культурных ценностей, скриптов, сценариев возможно существование той или иной коммуникативной ценности» [Дементьев 2016: 4], т. е. коммуникативное поведение обусловлено принципами национальной культуры.

Носители различных языков придерживаются собственных взглядов на жизнь, на мир, и это проявляется в их коммуникативном поведении. Коммуникативное поведение представляет собой «компонент национального поведения лингвокультурной общности» и характеризуется национально-культурной спецификой, которая «во многом определяется доминантными особенностями коммуникации» [Газизов 2001: 7].

Исследования национального коммуникативного поведения в российской лингвистике активно начались со второй половины XX в. (см., например, Национально-культурная специфика речевого поведения 1977; Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР 1982 и др.). На рубеже XX–XXI вв. исследовательская группа под руководством И. А. Стернина занималась теоретической разработкой аспектов, принципов и моделей описания национального коммуникативного поведения. На основе этой теории были представлены опыты целостного описания коммуникативного поведения русского, английского, немецкого, китайского, финского, французского с выделением национально-специфических доминант [См.: Стернин 1996а; 1996б; 2000б; 2001; Прохоров, Стернин 2006].

В настоящие годы опубликовано множество трудов, посвященных описанию национальных особенностей общения разных народов и национально-культурной специфики коммуникативного поведения личности того или иного этноса [Верещагин, Костомаров 1990; Газизов 2002; Грейдина 2005; Ларина 2009; Прохоров 1997; Формановская 1989; Христофорова 1998 и др.]. Включение культуры в процесс исследования коммуникативного поведения предполагает изучение национально-культурной специфики речевой коммуникации и усвоение фоновых знаний, раскрывающих «особенности речевого и неречевого поведения» [Фурманова 1993: 30].

Представители разных народов в процессе коммуникации демонстрируют как общие, сходные поведенческие черты, так и существенные отличия в поведении. Эти отличия могут быть проявляться в манерах, стилях общения в различных конкретных ситуациях. Каждый, кто попадает в другую культуру, обязательно испытывает случаи осознания «резкого расхождения материальной и духовной культур, сопровождающиеся непониманием, даже странным чувствами, неадекватной интерпретацией или прямым отторжением с позиций собственной коммуникативной культуры», такие состояния получают название «коммуникативного шока» [См.: Прохоров, Стернин 2006: 7]. «Коммуникативный шок может привести к формированию представления о том или ином народе» как непонятном, невежливом, нетактичном и даже спровоцировать конфликт [Там же: 9]. Для выявления и разъяснения несовпадений или различий в процессе общения и во избежание межкультурных конфликтов и повышения эффективности взаимодействия необходимо исследование национально-культурной традиционной специфики общения. При этом для понимания коммуникативного поведения личности другой лингвокультуры необходимо и важно рассматривать его в рамках их культуры.

Между культурами существуют различия и в вербальном, и невербальном поведении. В процессе этого изучения необходимо учитывать так называемые стили коммуникации, несущие в себе информацию о том, как адресатам следует понимать и интерпретировать вербальное или невербальное сообщение. В каждой

культуре преобладающим является определенный стиль коммуникации, и разные культурные факторы определяют стиль коммуникации: отличаются роль рукопожатия, улыбки, «нормы соблюдения дистанции в общении, сдержанность или эмоциональная экспрессивность, четкость или двусмысленность при изложении мыслей, лаконичность или многословие и т. д.» [Микаберидзе: <http://doc.knigi-x.ru/>]. Здесь речь идет не об отдельных особенностях речеповедения, а о коммуникативных этнокультурных стилях, характеризующих коммуникативное поведение той или иной лингвокультуры в общем.

Национальный стиль коммуникации – это «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия» [Ларина 2009: 33–34].

В кросскультурной психологии выделяют следующие виды коммуникативных стилей: прямой и непрямой; вычурный, точный и сжатый; личностный и ситуационный; инструментальный и аффективный [Психология 2009].

«Прямой стиль соотносится с выражением истинных намерений человека», точностью и ясностью – «непрямой позволяет скрыть истинные цели, намерения», желания и чувства [Там же: 549].

Вычурный стиль предполагает широкое «использование экспрессивных средств языка» даже в самой повседневной ситуации. Точный стиль состоит в применении «необходимого и достаточного минимума» языковых средств для передачи информации. Сжатый стиль включает в себя «лаконичность, сдержанность уклончивость», использование пауз и «выразительного молчания» [Там же: 549].

Личностный стиль подразумевает использование языка, «отражающего социальное равенство», при этом могут не соблюдаться формальные коды поведения [Там же: 550]. Ситуационный стиль применяется, когда говорящий стремится соблюдать формальности и четко различать социальные роли

коммуникантов.

Инструментальный стиль ориентирован на адресанта и «на цель коммуникации», основная цель – быть понятым посредством вербального общения. Аффективный стиль ориентирован на адресата, «на процесс коммуникации» и на достижение «гармонии общения» в целом [Там же: 550].

Вышеперечисленные коммуникативные стили есть практически во всех этнокультурах, но в каждой из них коммуникативный стиль приобретает особенности, отражая культурные ценности народа, его традиции, коммуникативное сознание и коммуникативные нормы.

Сопоставительное описание коммуникативного поведения позволяет выявить национальную специфику коммуникативного поведения той или иной нации. Национальная специфика проявляется в следующих вариантах: 1) «несовпадении отдельных характеристик коммуникативных признаков, действий в сопоставляемых культурах»; 2) коммуникативной лакуарности – «отсутствии того или иного коммуникативного признака или факта в данной культуре при наличии ее в сопоставляемой» [Лемяскина, Стернин 2000: 15]. Знания о национально-культурных особенностях коммуникативного поведения обеспечивают возможность понимания речеповедения народа в целом и являются необходимым компонентом межкультурной коммуникации.

Человек использует модели поведения, которые были усвоены им в процессе взросления и взаимодействия с другими представителями общества. При этом личность осваивает особенности национальной культуры народа, ценности и культуру общества, национальные стили.

В Китае есть и такое суждение: 一方水土养一方人 – *досл.* «Каковы вода и земля, таких и людей они родят», где подчеркивается, что коммуникативное поведение личности теснейшим образом связывается с культурой. Определенная природа, то есть среда обитания этноса, формирует у представителей данного этноса особые качества, которые, проявляясь в культуре, в свою очередь определяют все, касающееся людей, включая и самого человека. «Каждая культура сама решает, в каких условиях какие мануальные жесты, манеры,

выражения лица или позы допустимы, а какие недопустимы, какие будут уместны в данной ситуации, а какие нет» [Крейдлин 2005: 85].

Таким образом, национальные особенности коммуникативного поведения существуют у каждой нации и проявляются в различных коммуникативных ситуациях, в которых оказываются ее представители.

Общество устанавливает «стандартизованные нормы и правила социального поведения, или этикет, который регулирует поведение индивидов в соответствии с социальными требованиями» [Газизов 2002: 7]. Нормы и правила коммуникативного поведения в каждом социуме формировались постепенно, в течение долгого времени, и они освящены традициями. Известны дореволюционные издания, в которых были изложены правила светского этикета, в частности «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон» (1889). Этот свод правил представляет нормативную составляющую коммуникативного поведения, принятого в светском обществе XIX в., но, тем не менее, опирающегося на русские традиции. Приведем важные для нашего исследования правила, изложенные в книге. «Знать светское обращение – значить уметь пленять всеми родами прекрасных качеств – вежливостью, обходительностью, самообладанием, спокойствием, деликатностью, приветливостью, великодушием» [Юриев, Владимирский 1889: 131].

Правила светского разговора включают «этическую и слоговую стороны». С этической стороны, каждый участник коммуникации обязан соблюдать правила и приличия, если желает нравиться тому, с кем говорит. 1. Говорить с тактом, т. е. никогда и отнюдь не касаться предмета, почему-либо неприятного собеседнику; «не углубляться в вопросы, из опасения, чтобы не наскучить собеседниками» [Юриев, Владимирский 1889: 140]; 2. Не хвастнуть своими знаниями, а стараться снизить до уровня развития своих слушателей; 3. Проявлять скромность и «благоразумную сдержанность» [Там же: 143]; 4. В разговоре стараться проявлять взаимное доброжелательство, благородные чувства, вызывающие уважение и доверие; 5. «При выборе темы для разговора, нужно сообразоваться с такими условиями: возрастом, полом, рангом и положением собеседника» [Там же: 146]; 6.

Лучше молчать, чем говорить слишком много, однако не надо сидеть молча и безучастно; 7. Никогда не говорить, не подумав; 8. Жесты должны не частыми и резкими и должны быть согласованы со словами; 9. Уметь слушать внимательно и почтительно столь же необходимо, как и уметь говорить. Перебить чью-нибудь речь – это «окончательная грубость» [Там же: 141]; 10. «Самые худшие недостатки в разговоре – ложь, злословие, клевета, злоба и вообще все, что служит не в пользу отсутствующих» [Там же: 143]; 11. «Грубые речи, резкие слова больше навлекают врагов и чаще убивают расположение, нежели недобрые поступки» [Там же: 147].

Со слоговой стороны, в разговоре необходимо соблюдать «общепонятные законы изящества» [Там же: 152]. Достоинства слога в светском разговоре состоят в «чистоте» (грамматическая правильность и правильное распределение слов; избежание слов чуждых современному разговорному и литературному языку; определенная и верная передача выражаемой мысли), «ясность» (точная и вполне определенная передача мысли), «краткость» (наименьшее количество слов в выражении своей мысли), «естественность» (легкая и простая передача мысли), «благородство» (избежание вульгарных выражений и избитых идей), «единственное средство» (хороший разговорный слог), «легкость» (мысль выражается с ясностью, что ум не делает никакого усилия, чтобы понять ее) [Там же: 152–154].

Очевидно, что правила светского разговора XIX в. во многом совпадают с современными коммуникативными нормами и, как будет показано при анализе материала, соответствуют традиционным нормам.

Одна из важных задач нашей работы – выявление национальных особенностей коммуникативного поведения русского народа, сложившихся под влиянием традиций. Поскольку речеповеденческие правила специфически представлены в разных лингвокультурах, для сопоставления были привлечены данные китайского языка.

Гендерный аспект

Современные исследователи теории общения уделяют большое внимание проблеме гендера, отмечая при этом значимую роль гендерного аспекта в коммуникативном поведении. «Учет гендерного аспекта вносит коррективы в процесс коммуникативной деятельности и модифицирует выбор языковых средств и форм общения, стратегий и тактик коммуникации, паралингвистические элементы общения» [Бахарева 1999: 17].

Известно, что у каждого человека существует два типа пола: биологический пол и социокультурный пол. Социокультурный пол человека выступает как система общественных норм, ценностей и реакций, которые формируют отдельные черты личности. Общественные нормы – это отражение существующих в обществе стереотипов, в том числе и гендерных. Гендерный стереотип не только отражает представление о понятиях мужественность и женственность, но и задает норму, правило или образец одобряемого и допустимого поведения мужчины и женщины. Именно «социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин» [СГТ 2002: 15]. «Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли» [Там же].

Проблема гендера связана с «социокультурными конструктами», определяющими отношения культуры и общества к мужчинам и женщинам, и «связанными с приписыванием индивидуальных определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская 2005: 112]. Итак, гендер выступает как сложная «система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка» [Клецин 1998: 178], а также культурного порядка с учетом природных особенностей.

Гендерные проблемы в языке и коммуникации находятся в центре внимания

многих исследователей. Так, в исследованиях Е. И. Горошко изучаются паралингвистические элементы мужского и женского общения, признаки ассоциативного мужского и женского вербального поведения [Горошко 1996]. Изучаются речевая компетентность женщин [Шевченко 1988]; языковая социализация личности, общение между мужчинами и женщинами в семье [Стернин 2005]; мужская и женская речь как объект специального исследования в криминалистике [Потапова 2002]; гендерные характеристики антропонимов в русском анекдоте [Слышкин 2002]; гендерная модификация выбора языковых средств и форм общения, стратегий и тактик коммуникации [Коноваленко 2003] и др.

Значительную актуальность приобретают вопросы гендерного вербального и невербального поведения: гендер в невербальной коммуникации [Крейдлин 2005]; факторы влияния гендера на мужское и женское невербальное поведение в зависимости от социального статуса [Карасик 2002]; гендерные различия в пространственном поведении [Бутовская 2004] и др.

Гендерное невербальное коммуникативное поведение – «конвенции и нормы общения, выражаемые в акте коммуникации знаковыми невербальными средствами» [Крейдлин 2005: 23]. С точки зрения Г. Е. Крейдлина, при этом речь идет о «стилях невербального поведения» [Там же], которые могут быть «свойственны мужчинам и женщинам в равной степени» [Там же: 81].

Таким образом, в настоящее время вопросы культуры и коммуникации получают интерпретацию с точки зрения гендера.

Женщины и мужчины применяют различные тактики коммуникативного поведения, что может стать причиной возникновения противоречия, непонимания, и даже конфликта в общении. «Воспитание мужчин в обществе направлено, прежде всего, на выработку» следующих качеств: «сила; терпимость к боли; умение скрывать свои чувства; умение быть спокойным, не плакать; сдержанная реакция на трудности, на эмоции окружающих, на стрессовые ситуации; умение принять решение и осуществить его, довести до конца, не отказываясь от своего плана; умение добиваться своего, активно конкурируя с другими; умение

поставить себя, заставить себя уважать, признавать; умение пробиться завоевать свое место в обществе; <...> компетентность, умение быть знатоком внешнего мира» [Стернин 2005: 6–7]. Женщины «в процессе общения с мужчинами сплошь и рядом заинтересованы, а то и просто требуют от мужчин проявления противоположных качеств: женщина хочет, чтобы мужчина был эмоциональным, показывающим свои чувства, обнаруживающим перед женщиной свою слабость; чтобы мужчина был не конкурирующим, а сотрудничающим; чтобы он был знатоком не только внешнего, сколько внутреннего мира; чтобы он был обращен больше не к своей работе, а к своей семье» [Там же: 7].

Однако различие гендерных ролей проявляется в разных областях повседневной жизни и человеческой деятельности, а неуместные стратегии и тактики, усвоенные в детском возрасте, могут вести к неправильному коммуникативному поведению и неэффективному общению. Соответственно, «Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам» [Кирилина 1999: 46].

Большое место при описании коммуникативного поведения отводится гендерным стереотипам, которые «фиксируют в языке представления о мужественности и женственности и связанных с ними моделях поведения индивидов» [Кирилина 2000: 8].

Гендерные стереотипы приписывают женщинам или мужчинам как наличие какого-либо свойства или отсутствие каких-либо свойств. При этом для русского сознания свойственна высокая степень стереотипизации женского коммуникативного поведения. Многие исследователи приводят типичные стереотипы, относительно женщин. «Наиболее часто используемые стереотипы, касающиеся женщин, в основном негативного свойства» [Виткин 1996: 14]. По словам В. З. Санникова, «женщинам приписывается и сейчас, а тем более в предшествующий период, прежде всего многословность, эмоциональность, склонность к преувеличению. Женщины чаще прибегают к эвфемистическим

высказываниям, склонны к уклончивым ответам. Женской речи приписывается отсутствие логики» [Санников 1999: 337]. А. В. Кирилина иллюстрирует женские стереотипы пословицами и поговорками: *У баб только суды да ряды* – словоохотливость женщины; *Волос длинный, а ум короткий* – отсутствие ума; *Жена ублажает, лихо замышляет* – хитрость, коварство [Кирилина 1999].

В то же время ученые признают, что стабильные гендерные особенности в коммуникативном поведении женщины и мужчины отсутствуют. «Речь может идти лишь о типичных чертах мужской и женской речи, обнаруженных тенденциях употребления языка мужчинами и женщинами» [Земская и др. 1993: 133].

Исследование народного творчества, в том числе и паремий, – это один из возможных исследовательских подходов в гендерном направлении, поскольку фразеология показывает, как должны были вести себя мужчины и женщины согласно образцам традиционного гендерного поведения, какие социальные роли они выполняли.

Таким образом, коммуникативное взаимодействие людей осуществляется при единстве вербальных и невербальных действий, определяемом в науке как коммуникативное поведение. Исследования доказывают обусловленность коммуникативного поведения национально-культурными традициями и нормами; выявляют существенные языковые, культурные и социальные характеристики, зависящие от принадлежности к мужскому или женскому полу, а также к той или иной лингвокультуре.

1.2. Фразеологизм как источник знаний о национальной культуре

Общепризнанно, что язык является хранителем национальной культуры, транслирует ее из одной этноязыковой среды в другую и осуществляет культурную связь поколений. В языке отражаются особенности менталитета,

ценности, традиции, обычаи и нравы определенного народа. В концентрированном виде национально-культурные особенности представлены во фразеологическом фонде языка.

1.2.1. Базовые понятия фразеологии

Основы фразеологии как лингвистической дисциплины, изучающей устойчивые словосочетания, были заложены швейцарским лингвистом Ш. Балли (1865-1947), описавшим в своих исследованиях систему сочетаний слов [Балли 1955; 1961].

Первое специальное исследование, посвященное русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплине, принадлежит В. В. Виноградову [Виноградов 1946; 1974]. Работы ученого послужили толчком к активному развитию отечественной науки о фразеологических единицах, и во второй половине XX в. фразеология превратилась в мощную систему знаний, у нее четко определился круг проблем. Вместе с тем остаются дискуссионными некоторые положения, в частности вопросы о существенных признаках фразеологической единицы и объеме фразеологии как науки.

Как справедливо замечает С. Г. Шулежкова, вопрос «о сверхсловных языковых единицах был одним из самых обсуждаемых в лингвистике XX столетия» [Шулежкова 2016: 376]. В современной фразеологии существует целый ряд определений фразеологизма, в основе которых лежат различные признаки данной языковой единицы. Одно из наиболее полных определений, фиксирующих существенные признаки ФЕ, принадлежит В. Л. Архангельскому: «Фразеологической единицей называется существующая в языке на данном этапе его исторического развития постоянная комбинация словесных знаков: предельная и целостная; воспроизводимая в речи его носителей; основанная на внутренней зависимости членов; состоящая минимум из двух строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в известной последовательности;

грамматически организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний или предложений; обладающая единым значением сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» [Архангельский 1964: 20].

Согласно А. И. Смирницкому, основными признаками фразеологизмов являются *идиоматичность, воспроизводимость и функциональная эквивалентность слову* [Смирницкий 1956].

В работах В. В. Виноградова включается большой диапазон словосочетаний, «выделенных по признаку их *устойчивости* – следствия семантической спаянности и смысловой взаимозависимости компонентов» [Виноградов 1946: 45].

В. М. Мокиенко относит к фразеологизмам «относительно устойчивые, воспроизводимые экспрессивные сочетания лексем, обладающие (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1980: 5].

А. И. Молотков под фразеологическим оборотом понимает «единицу языка, состоящую не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» [Молотков 1977: 26].

С точки зрения Н. М. Шанского, главный признак фразеологизмов – *воспроизводимость* «составных языковых знаков, которые не производятся, а используются в речи как готовые образования» [Шанский 1985: 21], ср.: это «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [Там же: 20].

В. Г. Гак фиксирует следующие универсальные признаки фразеологизма: «структурный (ФЕ состоят более чем из одного слова), семантический (ФЕ характеризуются переосмыслением компонентов) и функциональный (ФЕ устойчивы)» [Гак 1977: 205].

О. С. Ахманова при определении фразеологизма в качестве основного критерия соединяет такой признак, как *целостность номинации* (направленность

фразеологического образования в целом на объект номинации) в сочетании с признаком *устойчивости (воспроизводимости)*» [Ахманова 1957: 168].

Д. Б. Гудков определяет фразеологизмы как «устойчивые по структуре, готовые для воспроизведения, различные образные выражения...» [Гудков 2004: 28].

В. Н. Телия утверждает, что фразеологизмы – «общее название семантически несвободных сочетаний, слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов» [Телия 1997: 605].

В. П. Жуков рассматривает фразеологизм как «устойчивую, воспроизводимую, раздельнооформленную единицу языка, состоящую из компонентов, наделённую целостным (реже частично целостным) значением и сочетающуюся с другими словами» [Жуков 1978: 6].

Таким образом, большинство ученых признает, что облигаторными признаками ФЕ являются устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, сверхсловность.

Некоторые исследователи выделяют также дополнительные, факультативные признаки ФЕ, в частности: образность (Ю. Р. Гепнер, А. И. Ефимов, А. Г. Руднев), экспрессивность (В. М. Мокиенко, А. И. Молотков), метафоричность (А. М. Бабкин, Б. А. Ларин, А. Н. Попов), непереводаемость на другие языки (А. И. Молотков) и т. п.

С точки зрения А. И. Смирницкого, именно идиомы «обладают образностью, метафоричностью» и имеют переносное значение [Смирницкий 1956: 209]. Однако, по мнению В. Н. Вакурова, большинство ФЕ образуется путем метафорического переосмысления [Вакуров 1983], и мы согласны с ученым, что для всех типов фразеологизмов характерны экспрессивная окраска,

метафорическая и образная насыщенность.

Вторая нерешенная проблема связана с определением границ фразеологии. В настоящее время развития фразеологии «все многообразие существующих в лингвистике фразеологических теорий может быть условно сведено к широкому и узкому пониманию фразеологии» [Дубровина 1989: 4].

В. В. Виноградов, развивая учение Ш. Балли, предложил классификацию фразеологических единиц по степени семантической связанности компонентов и выводимости или невыводимости значения целого из значений составных частей. Он выделил три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [Виноградов 1974]. При этом фразеологические сращения и фразеологические единства с точки зрения слитного значения выступают как идиомы.

Сторонники фразеологии в узком смысле относят к ней лишь идиомы, т. е. устойчивые и воспроизводимые структурно-семантические сочетания слов с целостным значением и частичной. Представителями узкого понимания являются Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, Е. А. Иванникова, А. И. Молотков, И. С. Торопцев и др. Е. А. Иванникова, в частности, отмечает, что «афоризмы, крылатые слова и паремии не могут входить во фразеологию, поскольку их смысловое содержание вытекает из значений составляющих их слов» [Иванникова 1964: 80].

Широкое понимание фразеологии представлено в работах В. Л. Архангельского, В. В. Виноградова, С. Г. Гаврина, Д. Б. Гудков, М. М. Копыленко, А. В. Кунина, В. Н. Телия, Н. М. Шанского и др.

Широкий объем фразеологии можно определить как все «то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом» [Телия 1996: 58]. Это критерий узувальный – все сочетания слов. Поэтому все устойчивые сочетания слов, независимо от их характерологических признаков, – предмет фразеологии. Н. М. Шанский в дополнение классификации В. В. Виноградова выделяет также «фразеологические выражения – семантически и синтаксически членимые образования, целиком состоящие из слов со свободным значением, но характеризующиеся устойчивым составом и употреблением» [Шанский 1985: 62].

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский еще более расширяют границы и выделяют пять типов фразеологизмов: идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, синтаксические фразеологизмы [Баранов, Добровольский 2008].

По мнению В. Л. Архангельского, во фразеологический состав языка включаются «любые воспроизводимые образования, в том числе пословицы, крылатые слова, сложные названия, составные термины» [Архангельский 1964: 55].

Столь же широко понимает фразеологию Д. Б. Гудков, включая в ее состав «устойчивые по структуре, готовые для воспроизведения, различные образные выражения со структурой предложения – пословицы и поговорки, крылатые слова, клише, афоризмы, прецедентные тексты и т. п.» [Гудков 2004: 28].

«Фразеологизмы русского языка могут быть систематизированы посредством приема фразеологической аппликации, под которым понимается наложение фразеологического оборота на эквивалентное свободное словосочетание. При такого рода наложении общее (целостное) значение фразеологизма сравнивается, соотносится с лексическим значением слов, входящих в свободное словосочетание такого же лексического состава» [Жуков 1986: 80].

«Все фразеологизмы русского языка с позиции аппликации можно разделить на два больших типа:

1. На фразеологизмы, которые в синхронном плане могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава, – апплицируемые, налагаемые фразеологизмы.

2. На фразеологизмы, которые с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на свободные словосочетания из-за невозможности его образовать – неапплицируемые, неналагаемые фразеологизмы» [Там же: 81].

«Посредством метода фразеологической аппликации можно выделить следующие пять основных типов фразеологических единиц:

1. Исторически апплицируемые фразеологизмы, наделенные целостным немотивированным значением: *точить лясы, благим матом*.

2. Апплицируемые обороты, обладающие целостным немотивированным значением в современном языке: *родиться в рубашке, подложить свинью, заваривать кашу*.

3. Апплицируемые фразеологизмы с целостным мотивированным значением: *махнуть рукой, мелко плавать*. Эти обороты составляют основное ядро.

4. Неапплицируемые фразеологизмы, мотивированные, с частично целостным значением, где один из компонентов семантически соотносится с однозвучным словом свободного употребления: *под веселую руку*.

5. Неапплицируемые фразеологизмы, мотивированные, с частично целостным значением: *находить общий язык*. Все компоненты являются смыслообразующими и соотносятся со словами в их свободном употреблении» [Там же: 89].

В. Н. Телия отмечает, что «в настоящее время во фразеологии как бы сосуществуют, по крайней мере, шесть классов фразеологизмов – идиомы, фразеологические сочетания, паремии (пословицы и поговорки), речевые штампы, различного рода клише и крылатые выражения. <...> Все эти типы единиц объединяются по двум признакам: несколькословность (следовательно – раздельнооформленность) и воспроизводимость» [Телия 1996: 58].

Таким образом, признаки устойчивости, воспроизводимости, узואальное значение, а также образность отличают ФЕ от других языковых единиц. Вместе с тем широкий подход к фразеологии позволяет видеть «многопараметричность ФЕ как микротекстов, разворачивающихся в культурогенные тексты...» [Шаховский 2007: 118], вследствие чего во фразеологизмах можно выделить такой признак, как *культурная мотивированность* [Добровольский 1996: 85]. В условиях полипарадигмального состояния мирового языкознания исследователи видят и в идиоматичных, и в неидиоматичных объектах фразеологии «яркий культуроносный слой языковых единиц» [Шулежкова 2016: 378].

1.2.2. Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии

Сущность лингвокультурологического подхода к описанию ФЕ предполагает изучение объектов фразеологии как элементов культуры. Начиная с трудов В. Н. Телия конца 1990–2000-х гг. объект фразеологии «по-настоящему «очеловечивается», семантика ФЕ «добывается», раскрывается путем погружения исследовательской мысли вглубь истории культуры, предопределяющей морально-нравственные установки носителя языка и его жизненные ориентиры» [Шулежкова 2016: 378]. Лингвокультурологическая ориентация во фразеологии обусловила повышенный интерес исследователей к изучению национально-культурной специфики фразеологизмов (Б. М. Ажнюк, Р. Р. Аллаярова, Е. М. Верещагин, М. Л. Ковшова, В. Н. Телия и др.).

Фразеологизмы любого национального языка выступают как особый источник знаний о культуре данного этноса. Действительно, жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности, и потому в образы фразеологизмов «попадают» те вещи, явления, исторические события, названия природных реалий, животных, растений, имена людей и т. п., которые характерны для картины мира определенного народа. Во ФЕ запечатлена богатейшая национально-культурная информация, в ней отражены представления, связанные с бытом и культурой людей, результаты культурного опыта народа. Фразеологический состав языка – это «зеркало», в котором «лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы формируют у носителей языка особое видение мира, ситуаций» [Телия 1966: 82]. Фразеологизмы – это знаки, «отражающие особенности лингвоспецифической картины мира и, соответственно, особенности менталитета народа» [Баранов, Добровольский 2013: 38].

Для выявления культурной информации, лежащей в ФЕ, необходимо декодировать метафоры, разбирать образы, обнаружить культурный код, связать внутреннюю форму ФЕ с культурой. В. Н. Телия отмечает, что большинство фразеологических единиц обладает культурно-национальным своеобразием, «в коллективной подсознательной памяти языка сохраняется интертекстуальная связь ФЕ с тем или иным кодом культуры» [Телия 1999: 13–14]. Это связывает признак устойчивости фразеологизмов с их свойством выступать в роли «констант культуры» [Там же]. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, ФЕ «отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое» [Верещагин, Костомаров 1990: 68]. Тем не менее мы понимаем, что не все фразеологизмы могут стать источником национально-культурной информации. Существует много ФЕ, связанных с «общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание» [Маслова 2001: 84].

Культурный код – одно из самых важных понятий с точки зрения лингвокультурологии. М. Л. Ковшова отмечает, что «в культуре организуются и иерархически упорядочиваются ее коды – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в целом в картину мира, в мировоззрении данного социума» [Ковшова 2013: 170]. Интерпретация культурных смыслов во фразеологизмах осуществляется через его слова-компоненты, восходящие к «разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры» [Там же: 176]. По определению В. В. Красных, с одной стороны, культурный код универсально кодирует древнейшие архетипические представления народа, а, с другой стороны, культурные коды являются специфическими для определенной культуры, так же как «метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2002: 232].

Культурные коды образуют систему, включающую «соматический (телесный) код, пространственный код, временной (темпоральный) код, предметный код, биоморфный код и духовный код» [Красных 2002], «вербальный код, акциональный код и реальный (природно-ландшафтный, архитектурно-домообустроительный, вещный, зооморфный, соматический) код» [Гудков, Ковшова 2007: 28–29], «пищевой код» [Бочина, Сайцлэши 2015: 60].

Итак, система знаний о культурных, ментальных, языковых, предметных ценностях социума структурируется и систематизируется «с помощью единиц культурного кода, которые содержат вербальные (имена собственные и нарицательные, фразеологизмы, цитаты, афоризмы и т. д.), авербальные (природные и артефактные), ментальные (стереотипы, нравы, обычаи, традиции, обряды, ценностные ориентации, оценочные стандарты, типические представления, культурные сценарии и т. д.)» [Бочина, Сайцлэши 2015: 60].

Средством расшифровки культурных кодов в ФЕ является обращение к архетипам. Архетип как древнейшее представление народа является одним из значимых понятий в лингвокультурологии. Архетип, по определению С. Сендеровича, – «устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре» [Сендерович 1995: 154], часто архетип отражается в мифах, легендах, через которые преобразуется в образ.

М. Л. Ковшова полагает, что «проводником в пространство культуры является образ фразеологизма и происходит это потому, что в самом возникновении фразеологизма участвует уже окультуренный образ, то есть в образ вовлекаются те или иные реалии, которые уже награждены культурными смыслами; фразеобразование имеет культурную обусловленность» [Ковшова 2013: 146]. Данная информация затем как бы «воскрешается в культурных коннотациях» [Там же].

Основа культурной коннотации фразеологизма – это «наивная», или «наивнокультурная», «она транслирует установки, стереотипы, символы, эталоны и т. п., принадлежащие обыденной философии, которая активно бытует в

сознании и во многом обуславливает моральную и духовно-нравственную позицию человека в мире» [Там же: 153]. Итак, соотношение языка с культурой осуществляется через культурную коннотацию.

Образ также является специфической связью языка и культуры. Образность представляет собой «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [Маслова 2001: 44]. «Именно через образ культура входит в пространство языка, с другой стороны, образ – это своеобразное окно, через которое можно изучать культуру» [Токарев 2013: 113]. Посредством образности в представлении человека абстрактные смыслы трансформируются в конкретизированные картинки.

ФЕ обладает национально-культурной особенностью, реализуемой с помощью образного основания и культурной коннотации. «Содержанием культурной коннотации фразеологизмов является интерпретация их образного основания (внутренней формы) в знаковом культурном пространстве данной нации» [Маслова 2001: 73].

Средством описания фразеологизма в качестве знака языка и культуры является «лингвокультурологический комментарий» [Ковшова 2013: 161], который, по мнению М. Л. Ковшовой, включает два уровня – обычный и глубокий как отдельные части толкования. «В обычной связно излагаются те знания, представления и ассоциации, которые может вызывать образ фразеологизма, те культурные смыслы, которые в «сжатом» виде актуализируются в сознании. Обычная часть комментария, тем самым, призвана максимально адекватно обозначить контуры знаний, представлений, ассоциаций любого носителя языка и культуры. В этой части культурная коннотация фразеологизма описывается с помощью максим и предписаний культуры, запечатленных в образах общеизвестных пословиц и поговорок; приводятся приметы и поверья; упоминаются фрагменты библейских и литературных текстов, исторические факты, принадлежащие общему знанию; отмечаются ассоциативные связи фразеологизма с другими фразеологизмами, словами и выражениями» [Там же: 160].

Глубинный уровень предполагает «квалифицированное описание фразеологизма, осуществляемое с опорой на научные исследования в области языка и культуры (которые при этом могут быть известны как специалисту, так и любознательному носителю языка). В глубокой части комментария употребляется общенаучная лексика и терминология («метафора», «эталон», «стереотип», «символизация», «архетипические оппозиции», «концептуализация», «внутренняя форма» и др.); сообщаются сведения из области истории, культуры, языка; делаются выводы о знаковой культурной функции фразеологизма» [Там же: 160].

При этом два уровня комментария соединяются между собой. Данная структура комментария позволяет, с одной стороны, не увеличивать элементарный объем языковой и культурной компетенции носителя языка, а с другой стороны, указывает на возможное ее расширение [Там же].

Опыт лингвокультурологического комментария ФЕ представлен в современных лексикографических источниках.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» в словарной статье выделена особая зона «Культурологический комментарий», «раскрывающий живую “археологию” культуры в значении и употреблении фразеологизма» [БФСРЯ: 768]. Приведем пример лингвокультурологического комментария в словарной статье *Выматывать (всю) душу (душеньку)*.

«Образ фразеол. восходит к мифологическому восприятию мира, олицетворяющему как предметный, так и не предметный мир. <...> Компонент *душа* соотносится с антропотелесным кодом культуры, указывающим на всю совокупность представлений о душе как об олицетворённой сущности, отвечающей за эмоциональную жизнь человека. Глагол *выматывать* соотносят с деятельностным кодом культуры и связан с процессом прядения. <...> Образ фразеол. в целом создает метафору, уподобляющую физическое воздействие на какой-л. орган тела эмоциональному воздействию на душу человека. Фразеол. в целом выступает в роли стереотипного представления об эмоционально-нравственном и физическом изнурении одного человека другим или сложившимися обстоятельствами» [БФСРЯ: 146–148].

В словарной статье «Фразеологического словаря старославянского языка» также присутствует зона «культурологическая (при необходимости дополняемая историко-этимологической справкой)» [Шулежкова 2016: 379]. Например:

Казнь сътворити комоу

Сурово наказать, покарать кого.

Слово *казнь* имеет тот же корень, что и слово **наказание**. Значение ‘лишение жизни’ у лексемы **казнь** не является исконным и появилось сравнительно поздно. «Старшее значение» – ‘кара, сопровождающаяся мучениями’ (в физическом или нравственном смысле), – которое послужило основой для появления значения ‘покаяние как признание своей вины’, происходит, надо полагать, от того же корня, к которому восходит **каяти** – ‘порицать’ [Черных, т. 1, 1999: 369]. С возникновением государства казнь стала представлять собой публичное зрелищное действо, что подтверждается евангельскими текстами. Наиболее мучительными видами смертной казни в Римской империи, где происходили события, описываемые в евангелиях, были распятие и сожжение заживо. Казнь через распятие считалась в средние века позорной. Позднее христианская церковь, окрепшая, приобретающая огромную власть, применяла в определённых случаях различные виды наказаний, в том числе членовредительство: ослепление, урезание носа, ушей и пр.» [ФССЯ: 213].

В нашем исследовании предварительная классификация ФЕ проводится на обычном уровне, а описание отдельных ФЕ осуществляется на глубинном уровне.

1.2.3. Методика лингвокультурологического комментария фразеологизмов

Принимая широкую трактовку фразеологии, мы, тем не менее, признаем различие входящих в эту систему единиц, в частности идиом и паремий, и в связи с этим избираем принципиально разные приемы лингвокультурологического

комментария.

Значение фразеологизма отлично от содержания других единиц языка, так как относится к качеству, способу или форме отображения мира человеческим сознанием. При этом в значении (толковании / комментарии) ФЕ фиксируется и рассудочная, и оценочная деятельность. Содержательная сторона ФЕ «связана с отображением оценки обозначаемого – его квалификации как *хорошего* или *плохого*, с его чувственным восприятием как *приятного* или *неприятного*, а также с отображением отношения говорящего к ситуации речи, которое объективируется в стилевых формах существования языка» [Телия 1981: 21].

Значение ФЕ в целом выражает ценностное отношение (положительное или отрицательное) субъекта речи к обозначаемому (ситуации, действию, предмету речи и др.). В ценностном отношении часто обнаруживаются негативные или позитивные чувства-эмоции, такие как одобрение / неодобрение. Безусловно, существуют идиомы, выполняющие чисто назывную, или номинативную, функцию, но, как нам представляется, особенность знаковой функций идиом состоит в том, чтобы выразить эмоционально-оценочный взгляд человека на мир и свое место в нем, ярко и экспрессивно отобразить мозаику оценочных отношений, представлений и мировоззрений той или иной лингвокультурологической общности.

Нормативная составляющая коммуникативного поведения, заключенная в идиомах, ярко проявляется в оценочном компоненте их значения, выражающем ценностное отношение к объекту, отраженное в сознании человека. Оценка может находить «свое выражение в словарной дефиниции, в словарном комментарии или в словарных оценочных пометах» [Кунин 1996: 180]. Поэтому при анализе идиом мы учитываем стилистические пометы *одобр.* (одобрительное), *неодобр.* (неодобрительное), *пориц.* (порицательное), *шутл.* (шутливое), *ирон.* (ироническое), *восторж.* (восторженное), *пренебр.* (пренебрежительное), *предосуд.* (предосудительное), *презр.* (презрительное), *уничиж.* (уничижительное), *груб.* (грубое), *бран.* (бранное) и т. п. Кроме того, мы опираемся на комментарий, включенный в лексикографическое толкование идиом, например: суждения о

вредности, об отклонении от социальных, этических и др. норм, принятых в данной лингвокультурной общности.

Паремии являются выразителем ценностных смыслов той или иной этнической культуры лингвокультурологии (Т. И. Бочина, Н. О. Козина, Н. В. Курбатова, Т. Г. Рацен, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семенов, Ф. Ф. Фархутдинова). Паремиологическая картина мира представляет собой «фрагмент наивно-языковой картины мира, в котором содержится паремиологический фонд нации, отражающий важные для данного этноса ценности, установки, стереотипы, модели поведения» [Бочина, Сайулэши 2015: 61]. В силу присущей им нравоучительной функции паремии акцентируют прескрипции и, соответственно, усиливают выражение ценностно значимых смыслов. Й. Хейзинга пишет: «процесс кристаллизации мысли находит свое наиболее общее и естественное выражение в пословицах» [Хейзинга 1995: 232]. Иными словами, в паремиях воплощается требование «любому житейскому эпизоду придавать форму нравственного образца, любое суждение облекать в форму сентенции, из-за чего оно приобретает нечто субстанциональное и неприкосновенное» [Там же]. Вследствие этого нам представляется целесообразным при анализе паремий привлекать данные китайского языка, обращая внимание на особенности, обусловленные культурой.

Таким образом, при анализе идиом со значением коммуникативного поведения мы опираемся на значение (толкование) единиц, а при описании паремий выявляем национально-культурную специфику их содержания.

Выводы

Развитие и функционирование человеческого общества возможно лишь благодаря уникальной способности людей общаться друг с другом. В процессе межличностного взаимодействия проявляется индивидуальное коммуникативное поведение, которое как предмет изучения находится в центре внимания многих

научных направлений.

Обзор лингвистических исследований, посвященных коммуникативному поведению, показал, что некоторые вопросы остаются дискуссионными и разработка теории коммуникации активно продолжается.

Под коммуникативным поведением мы понимаем набор действий говорящей личности, в основе которых лежит система ценностей, норм, правил и запретов, принятых в данном обществе. Особенности коммуникативного поведения человека обусловлены определенными мотивами и реализуются как на вербальном, так и на невербальном уровне.

Коммуникативное поведение, будучи сложным и многогранным понятием, изучается в разных аспектах. С позиций прагматического подхода исследуется нормативный и воздействующий потенциал коммуникативного поведения.

Коммуникативное поведение регламентируется предписаниями, и для успешного общения партнеры должны обладать знаниями о правилах коммуникативного взаимодействия, т. е. о коммуникативных нормах, применение которых зависит от характера ситуации и выступает как важное средство регуляции взаимодействия коммуникантов. Коммуникативное поведение включает также типичные для данной лингвокультурной общности коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие реализовать коммуникативную интенцию, не выходя за границы традиций и не нарушая правил общения. Нормативное коммуникативное поведение предполагает использование коммуникативных стратегий и тактик, направленных на поддержание успешности коммуникации.

Лингвокультурологический подход сосредоточивает внимание на национально-культурных особенностях коммуникативного поведения, которое для каждого лингвокультурного сообщества является коммуникативной ценностью. Нормы и правила коммуникативного поведения в каждом социуме формировались в течение долгого времени, и потому в процессе коммуникации появляются существенные отличия в манерах, стилях общения представителей разных этносов. Они освящены традициями и отражают существующие в обществе социальные нормы, в основе которых лежат этностереотипы, в том числе и

гендерные. Гендерный стереотип не только отражает представление о понятиях мужественность и женственность, но и задает норму, правило или образец одобряемого и допустимого поведения мужчины и женщины. В русском сознании отмечается высокая степень стереотипизации женского коммуникативного поведения.

Социальные нормы и стереотипы отражены в устойчивых выражениях – идиомах и поговорках, т. е. в тех единицах языка, в которых напрямую отражается накопленная мудрость народа, результаты культурного опыта народа. Следовательно, и нормы коммуникативного поведения определенного этноса во фразеологии представлены наиболее ярко. ФЕ (в широком понимании, как устойчивые единицы) со значением «коммуникативное поведение» подсказывают, как вести себя в той или иной ситуации и как не следует поступать, выявляют правила в зависимости от принадлежности к мужскому или женскому полу.

Изучение фразеологии в лингвокультурологическом аспекте связано с общей проблемой взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия языка и культуры. Средоточием культурной интерпретации фразеологизма является соотнесение его составляющих компонентов с кодами культуры. Данный подход обуславливает декодирование культурных смыслов фразеологизма и позволяет описать его культурные коннотации.

Лингвокультурологический подход позволяет выявить национальную специфичность образов, лежащих в основе фразеологизмов, механизмы формирования ценностной информации фразеологизмов. В рамках этого подхода можно выявить особенности коммуникативного поведения разных народов, обусловленные национально-культурными нормами и закрепленные в традициях социума.

Коммуникативное поведение человека осуществляется в процессе межличностного взаимодействия – в общении. Речевое общение – это сугубо человеческая деятельность, которая реализуется в коммуникативном акте. За речевым действием одного коммуниканта – акцией, всегда следует действие другого коммуниканта – реакция [Григорьева 2007]. В структуре общения

выделяют три взаимосвязанные стороны общения – «интерактивную, перцептивную и коммуникативную» [Андреева 2001: 63].

Интерактивная сторона общения состоит в «организации взаимодействия» между коммуникантами (обмен «не только знаниями, идеями, но и действиями» [Андреева 2001: 63]. Перцептивная сторона – процесс восприятия друг друга общающимися индивидами и «установления на этой основе взаимопонимания между ними» [Там же]. Коммуникативная сторона проявляется в «обмене информацией» между участниками общения (обмен различными мнениями, знаниями, идеями, чувствами, интересами и т. п.). [Там же]. Другими словами, суть коммуникативного процесса – не только взаимное информирование, но и создание гармоничных отношений.

ФЕ со значением коммуникативного поведения характеризуют и собственно речевую составляющую, и межличностное взаимодействие коммуникантов. Причем прескрипции для партнеров по речевому общению касаются, во-первых, этических норм и, во-вторых, коммуникативных конвенций. В связи с этим мы проводили анализ ФЕ данной группы в трех аспектах – культурно-речевом, нравственно-прагматическом и речедеятельностном. Результаты нашего исследования представлены во второй, третьей и четвертой главах соответственно.

Глава 2. Культурно-речевой аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении

Коммуникативное поведение личности реализуется в коммуникативном акте – базовом понятии теории коммуникации. Структура коммуникативного акта была впервые представлена фразой Гарольда Д. Лассуэлла *Who says what to whom in which channel with what effect?* [Lasswell 1948: 216]. В филологии получила известность благодаря статье Р. О. Якобсона «Лингвистика и поэтика» (1975), который выделил следующие необходимые элементы речевой коммуникации: адресант, адресат, сообщение, код (язык), контекст, контакт. С каждым компонентом коммуникативного акта Р. Якобсон связывает определенную функцию: с адресантом связана эмотивная (экспрессивная) функция (выражение чувств и эмоций); с адресатом – конативная (апеллятивная) функция (т. е. предопределяет речевое поведение получателя); контакту соответствует фатическая (контактоустанавливающая, обеспечивающая поддержание контакта) функция; метаязыковая функция соотносится с кодом; поэтическая функция – с сообщением; референтивная (денотативная, коммуникативная или когнитивная) функция связана с контекстом [Якобсон 1975: 197–206]. Несмотря на то, что в конкретном коммуникативном акте все функции предстают в совокупности, для успешного осуществления соответствующей функции каждый компонент коммуникативного акта должен отвечать необходимым требованиям, отвечающим представлениям лингвокультурного сообщества о нормах.

Цель настоящей главы – проанализировать извлеченную из семантики ФЕ информацию о нормах речевой составляющей коммуникативного акта.

2.1. Фразеологические единицы о функциях языка

Важную роль в процессе коммуникации играет используемый говорящим

код – естественный язык, который выполняет различные функции. Функции языка принято рассматривать как назначение, роль и употребление языка в человеческом обществе [ЛЭС: <http://tapemark.narod.ru/les/564b.html>]; это «практическое проявление сущности языка, реализация его назначения в обществе, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой» [Аврорин 1975: 34].

В лингвистике не существует единого мнения ни о сущностном характере функций языка, ни о критериях их выделения, ни о количестве функций. Так, А. А. Уфимцева выделяет 4 функции: функцию обозначения, гносеологическую, коммуникативную и прагматическую [Уфимцева 1974]. Н. А. Слюсарева также называет 4 основные функции: коммуникативную, когнитивную, эмоциональную и метаязыковую [Слюсарева 1981: 6–39]. Четыре основных функции языка предлагает выделять и В. А. Аврорин: коммуникативную (т. е. функцию передачи информации), экспрессивную (т. е. функцию воплощения мышления), конструктивную (функцию создания мысли) и аккумулятивную (функцию сбережения опыта и знаний) [Аврорин 1975]. Классификация А. Мартине включает три функции – коммуникативную, эстетическую (выступать как основание мышления) и выразительную (экспрессивную – выступать как выражение чувств и эмоций) [Мартине 1963].

С точки зрения Е. С. Кубряковой, из всего разнообразия функций языка ведущими являются только коммуникативная и когнитивная, однако исследователь дополняет их экспрессивно-эмоциональной и поэтической функциями [Кубрякова 1995].

А. А. Леонтьев с позиций психолингвистики функциями языка считает коммуникативную; функцию орудия познания; функцию существования общественно-исторического опыта человечества и национально-культурную [Леонтьев 1969: 31–36]. Ведущей функцией он признает коммуникативную, которая может выступать в одном из трех вариантов. Это 1) «индивидуально-регулятивная функция», т. е. функция непосредственного или опосредованного воздействия на собеседника; 2) «коллективно-регулятивная

функция», которая реализуется в массовой коммуникации, «характеризуемой отсутствием обратной связи между говорящим и слушающим»; 3) «саморегулятивная функция», реализующаяся «при планировании собственного поведения» [Леонтьев 1974: 243–244].

Большинство исследователей также считает, что коммуникативная функция является ведущей функцией языка. По мнению Г. В. Колшанского, языку присуща только одна единственная функция – коммуникативная, потому что язык имеет одну цель – «установление взаимопонимания в процессе коммуникации» [Колшанский 2007: 3]. Языковая способность говорящего состоит именно в умении словесно оформлять мысли доступным для понимания слушающего образом.

Основная цель коммуникации как процесса взаимодействия заключается в формировании «кооперативной области взаимодействий» [Мартурана 1996: 130]. В процессе коммуникации востребованы, прежде всего, те функции языка, которые отражают действующие нормы общения. Н. И. Формановская относит к их числу «контактоустанавливающую функцию» (т. е. установление и поддержание контакта), «функцию ориентации» (т. е. ориентация на собеседника), «регулирующую функцию» (т. е. волеизъявление адресанта и воздействие на адресата), «эмоционально-моральную функцию» (т. е. эмотивное воздействие на адресата, связанное с выражением эмоций, чувств к адресату) [Формановская 1987: 14–15].

Адресант в процессе коммуникации не только передает адресату информацию (сообщение), он также «заинтересован в том, чтобы вызвать определенные реакции, эмоции и чувства у адресата» [Клаус 1967: 16]. Для коммуникации важной является воздействующая функция языка, так как, по мнению Т. П. Третьяковой, цель речевой коммуникации состоит не «в изменении продукта деятельности, а в воздействии на собеседника по коммуникации» [Третьякова 1995: 32]. О. А. Лаптева считает важнейшими «функцию сообщения» и «функцию воздействия» [Лаптева 1989: 117]. В. М. Мокиенко также замечает, что «функция речевого воздействия» – самая основная функция [Мокиенко 1980:

121].

Воздействующая функция языка всегда связана с коммуникативной, поскольку последняя реализуется через передачу информации и воздействие на адресата.

Итак, вопрос о функциях языка не имеет общепринятого ответа не только по существу, но даже в номинациях данного феномена. Исследователи предлагают разные названия для обозначения аналогичных функций. Например, конструктивная функция (В. А. Аврорин) и функция орудия познания (А. А. Леонтьев); гносеологическая функция (А. А. Уфимцева) и экспрессивная функция (В. А. Аврорин). Кроме того, одно и то же название может относиться к различным понятиям. Например, В. А. Аврорин рассматривает экспрессивную функцию как средство выражения мышления, а Р. Якобсон и А. Мартине понимают эту функцию как средство выражения чувств и эмоций.

Обобщая существующие типологии и учитывая многообразие терминологии, можно выделить следующий набор функций языка: коммуникативная, когнитивная, гносеологическая, воздействующая, экспрессивная, апеллятивная, поэтическая, фатическая, метаязыковая.

Большинство исследователей признают доминирующими функциями языка коммуникативную, т. е. быть основным средством общения человека, и когнитивную (познавательную, гносеологическую), т. е. быть средством выражения сознания и мышления. Важную роль в коммуникативном взаимодействии играют еще две функции – воздействующая, т. е. адресант говорит, в основном, для того, чтобы воздействовать на мысли, чувства, эмоции и поведение других людей, и эмоциональная, т. е. с помощью языка адресант выражает чувства и эмоции. Важно отметить, что в реальном общении эти функции действуют не изолированно, а в совокупности, во взаимодействии и осуществляются вместе в коммуникативном поведении каждой личности.

Осмысление значимости языка как семиотического кода для существования человеческого общества закрепилось во фразеологической системе. По нашим материалам, ФЕ характеризуют основные функции языка, предполагающие

установление взаимодействия между людьми, – коммуникативную и воздействующую функции.

Фразеологизмы о коммуникативной функции языка

В данной группе представлены только поговорки.

Коммуникативная функция, или функция общения, реализуется в процессе передачи информации и может осуществляться вербальными и невербальными средствами. ФЕ противопоставляют речевое поведение жестовому поведению: *Языком не вымелешь, так руками не вымолотишь; Языком не расскажешь, так и пальцами не растычешь*. В таких поговорках контраст создается номинативными единицами *язык / руки, пальцы*, «которые в парадигматике не выражают противоположных значений» [Бочина 2015: 49–50]. «Грамматический параллелизм, сходство синтаксических структур подчеркивают, делают еще более контрастной противоположность», обеспечивают «структурно-семантическую выделенность, весомость каждого слова» [Там же: 49]. С помощью антитезы утверждается преимущество речи перед невербальным действием, т. е. настоящая коммуникация возможна только при помощи слова.

Люди, затрудняющиеся в словесном выражении своих мыслей и прибегающие к объяснению жестами, движениями, осуждаются. Такое речевое поведение атрибутируется глупому человеку: *Дурак не может говорить, так руками рассуждает; Умный языком – глупый руками*.

Поговорки прямо утверждают, что неспособного говорить не сможет понять и самый близкий человек, и даже Господь: *О чем дитя плачет – и мать не понимает; Не статься говорить, так и бог не услышит*.

Значимость коммуникативной функции языка выражается поговорками *Не ищут дороги, а спрашивают; Колокольню видим, а кабака доспроситься можно*. Человеческий язык рассматривается как проводник или самый важный инструмент, который приведет человека в нужное место. ФЕ с аналогичным значением *Язык до Киева доведет* включает в свой состав лексику с национально-культурной семантикой. Киев – важнейший культурно-политический центр Древней Руси, Культурные коннотации этой ФЕ заключаются в том, что

владение языком поможет не только всё найти и узнать, но и добиться самого высокого положения в обществе.

Близкие по смыслу ФЕ есть в китайском языке: *出门问路, 入乡问俗* – *досл.* “Выходя из дому, спрашивай дорогу; приехав в деревню, узнай местные обычаи”; *怕问路, 要迷路* – *досл.* “Бояться спрашивать дорогу – сбиваться с дороги”. Этот факт доказывает, что язык в представлении народов – самое важное средство общения. Когда люди разговаривают друг с другом, спрашивают, договариваются, они удовлетворяют собственные потребности и взаимный интерес. Но язык выполняет и сакральную функцию общения с Богом – *Язык с Богом беседует*.

В русской фразеологии высоко оценивается сила языка и владение речью для решения всех проблем и трудностей; соответственно, при отсутствии языка человек ничего не добьется: *Без языка и колокол нем*. Образ ФЕ восходит к предметному коду культуры – сравнение языка человека с языком колокола.

Для русского народа общение представляет собой важный компонент жизни. Эту особенность отмечали Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин: русский человек предпочитает длительные застолья коллектива, которые «могут продолжаться несколько часов, он любит коллективные поездки, экскурсии» [Прохоров, Стернин 2006: 57]. «В поездах дальнего следования, в дальней дороге принято разговаривать с попутчиками. Принято разговаривать и в городском транспорте, если вы едете со своим знакомым» [Там же: 94]. Об этом же свидетельствует русский фразеологизм *Беседа дорогу коротает, а песня – работу*, подчеркивающий значимость общения. Дальняя дорога для большинства людей не очень интересное занятие: часто она скучна, тяжела, чем-нибудь тяготит. Преодолеть дорожные трудности помогает именно общение с попутчиками, так как за беседой время летит незаметно. Культурная коннотация данной ФЕ дает понимание, что язык не только выступает как средство передачи информации, но и помогает создать благоприятную психологическую атмосферу.

Фразеологизмы о воздействующей функции языка

Как показали наши материалы, в русском языке значительно больше ФЕ,

характеризующих функцию воздействия, следовательно, для русского языкового сознания воздействие на собеседника с помощью языка имеет важное значение. Воздействующая функция языка во фразеологии часто представлена через субстантивные или глагольные метафоры, которые соотносятся с разными кодами культуры.

Во-первых, в ФЕ язык рассматривается как кормилец: *Птицу кормом возьмешь, человека словом; Иных язык способней рук кормит*. Функция воздействия языка передается глаголом *кормить* – «Содержать, доставлять пропитание» [ТСОШ: 366], метафорически переосмысленным как «обеспечивать необходимыми средствами к жизни». Язык признается столь же важным и необходимым для жизни средством, как еда, и соотносится с пищевым кодом [Бочина, Сайцлэши 2015].

Во-вторых, ФЕ представляют язык в качестве инструмента, с помощью которого говорящий воздействует на мысли, чувства или поведение собеседника: *Слово – ключ, которым открывает сердца; Языком что рычагом*. В народном сознании язык воспринимается и как сила, способная контролировать поведение самого человека: *Язык телу якорь* (якорь – «Металлический стержень с лапами, укрепленный на цепи и опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка» [ТСОШ: 1135]). Такие образы ФЕ включаются в вещный код культуры.

Язык рассматривается как посредник создания межличностных отношений, но его воздействие может быть более велико: *Язык – стяг, дружину водит* (стяг – «То же, что знамя. Определённого цвета (или цветов) широкое полотнище на древке, принадлежащее воинской части, какой-н. организации, государству» [ТСОШ: 288]). Стяг выступает как символ победы, носитель веры, объединяющий дружину, а язык обладает силой подобно знамени. Иногда язык своей силой способен даже изменить высочайшую власть: *Язык царствами ворочает*.

В-третьих, язык представлен как оружие, способное нанести серьезный ущерб: *Слово не стрела, а разит пуще стрелы; Слово не стрела, а к сердцу льнет; Не ножа бойся – языка; Слово не нож, а до ножа доводит; Слово не обух, а от*

него люди гибнут. Соотнесение языка с острым оружием актуализирует его потенциальную опасность. Хотя вред, причиненный языком, не доводит человека до физической раны (*Слово не обух, в лоб не бьёт; Словом человека не убьёшь*), он может ранить сильнее “ножа”, “стрелы”, “обуха”, “копья”, “меча”, потому что душевные раны даже тяжелее, чем физические: *Бритва скребет, а слово режет; Более умирают от языка, нежели от меча; Ножи точат на точилке, а язык на остроте; Рана от копья на теле, рана от речей – в душе; Острое словечко колет сердечко.* Образы грозного оружия подчеркивают острый, железный характер языка, соответственно, его надо языка остерегаться. Таким образом, образы паремий соотносятся с вещным кодом культуры. Сходную идею выражает и китайская фразеология: *剑伤皮肉, 话伤灵魂* – досл. “Меч ранит тело, а слово ранит душу”.

Сила воздействующей функции языка в паремиях передается с помощью контраста, который представляет собой «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения» [Бочина 2003: 6] и является одним из «фундаментальных композиционно-стилистических принципов развертывания речи и универсальным художественным принципом пословичного жанра» [Там же]. Малая величина языка противопоставлена его мощи через образы соматического (*тело, человек*) и природного (*горы*) кода: *Мал язык, а всем телом владеет; Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язычок, а горами кидает.*

Воздействующая функция языка в русских ФЕ имеет амбивалентный оценку. Амбивалентность является одним из знаков человеческой реальности, это правило одновременности противоположных отношений, чувств, эмоций и т. п., и язык как воздействующее средство в ФЕ оценивается и положительно, и отрицательно. С одной стороны, словом можно вылечить, успокоить, утешить человека, с другой стороны – словом можно обидеть, оскорбить и даже убить его.

Необдуманное или неконтролируемое слова оказывают отрицательное влияние на жизнь, поведение или отношение человека и характеризуются как разрушительная сила. Язык может быть причиной разногласия, конфликта и даже

прекращения отношений между людьми: *Ветер рушит горы, а слово – дружбу; От одного слова – да навек ссора.* Язык вызывает неприятные чувства или даже физическое недомогание: *От языка страдает голова.* Язык не приносит пользы людям: *Язык до добра не доводит; Язык доведёт до кабака.* В последнем примере содержится национально-культурный стереотип, что русский человек с горя ударяется в пьянство, и причиной несчастья являются слова. Результатом отрицательной функции языка может стать наказание: *Язык до кия (побоев) доведёт; За грехи языка губы терпят* (ср. *дать / получить по губам*). Это словосочетание часто используется в России как угроза ребенку за плохие слова).

Разрушительная сила необдуманных или неконтролируемых слов во фразеологизмах соотносится с *врагом*: *Язык мой – враг мой; Свой язычок первый супостат; Языце, супостате, губителю мой!; Мужик ражий, да язык-то вражий.* ФЕ *Лучше запнуться ногою, чем языком* прямо говорит об опасности и вредности языка.

Язык, по данным ФЕ, не знает границ и запретов, но бесконтрольная речь получает отрицательную этическую оценку: *До чего язык не договорится!; От языка не уйдёшь; Язык везде достанет; Выпустил словечко – не догонишь и на крылечке; На язык нет пошрины; Язык мягок, что хочет, то и лопочет.* Паремии часто подчеркивают невозможность остановить язык. Такой предмет, как “замок”, не является препятствием для языка: *Язык на замок не запрёшь.* В образе ФЕ «переплетаются телесный код культуры и вещный код, обладающий пространственно-объёмным измерением: язык человека, метонимически отождествляемый по смежности с речевой его способностью, одновременно включён и в пространственную, и в вещную метафоры, уподобляющие язык человека тому, что не можно запереть на замок» [БФСРЯ: 171]. И также ФЕ *В зубах слово не завязнет; Губы да зубы – два забора, а языку удержу нет.* Данные ФЕ включены в телесный (губы, зубы) и пространственный коды культуры. Полость рта – это пространство, а зубы и губы – естественные преграды, но, тем не менее, не препятствующие для выхода слов.

Амбивалентность языкового воздействия может быть представлена в одной ФЕ: *От слова спасение, от слова и гибель; Язык голубит, язык и губит; Слово*

лечит, слово ранит. Язык дает человеку возможность достойной жизни, но может стать причиной бед: Язык хлебом кормит и дело портит; Язык поит и кормит, и спину порет; Язык голову кормит, он же и до побоев доводит. Амбивалентность языкового воздействия передается через сенсорные, вкусовые характеристики языка: *Самое сладкое – язык, самое горькое – язык; «Есть» словко, как мед сладко, а «нет» словко, как полынь горько.*

Таким образом, ФЕ характеризуют две важнейшие функции языка – коммуникативную и воздействующую. Язык как средство общения обладает безусловным преимуществом перед другими способами коммуникации, выступает как ценность человеческого существования. Большую значимость в языковом сознании имеет воздействующая функция речи. ФЕ подчеркивают амбивалентность языкового воздействия: с одной стороны, речь может оказывать положительное влияние на жизнь человека, с другой стороны, язык может причинить ему множество неприятностей.

2.2. Фразеологические единицы о коммуникативных качествах речи

В процессе речевой деятельности коммуниканты обращают внимание на саму речь, оценивают ее как правильную или неправильную, выразительную или невыразительную. «О речи можно говорить – вот это хорошо, а вот это плохо» [Головин 1988б: 28]. Учитывая коммуникативный компонент культуры речи, носители языка должны ориентироваться не только на различные функциональные стили языка, но и на прагматические условия коммуникации, которые определяют «оптимальный для данной ситуаций выбор и организацию речевых средств» [Введенская 2009: 70]. Говорящий, используя знания, умения, навыки речевого общения, должен иметь представление о коммуникативных качествах речи. Коммуникативные качества речи – это «признаки хорошей, культурной речи, которые обеспечивают эффективность общения и гармоничное взаимодействие его участников» [СЭСРЯ 2003: 162].

Вопрос о наборе качеств речи и их иерархии начиная с античности и заканчивая нашим временем остается дискуссионным. Дионисий Галикарнасский, например, называл первым достоинством речи, «без которого и все остальные теряют свое значение», чистоту словарного состава и эллинский характер речи, а на третье место ставил краткость, сочетаемую с ясностью. Первым из добавочных достоинств выделял наглядность. Основным же достоинством речи была признана уместность, благодаря которой речь согласуется должным образом и с говорящим, и со слушателями, и с темой [См.: Античные теории языка и стиля 1936: 191–197]. Слушающий обращал внимание на содержательно-организационную, этическую, эстетическую, психологическую, коммуникативно-прагматическую и иные стороны речи, оценивал ее связность, новизну, краткость, чистоту, красоту, ясность, уместность, гармонию и другие достоинства. Так постепенно складывался «основной и дополнительный состав качеств речи, в котором наличие одного качества влечет за собой появление другого» [Аннушкин 2014: 9].

В настоящее время в лингвистике существуют разные классификации коммуникативных качеств.

Б. Н. Головин исходит из того, что «речь в процессе ее построения и понимания всегда решает те или иные коммуникативные задачи и всегда соотнесена и связана с другими, внешними по отношению к ней структурами» [Головин 1988а: 25], и поэтому коммуникативные качества речи соответствуют «неречевым структурам» [Там же: 25] и облегчают общий процесс общения. Другими словами, систематизация коммуникативных свойств речи должна производиться на основе зависимости речи от неречевых структур. В работе «Основы культуры речи» Б. Н. Головин выделяет следующие основные качества хорошей речи: правильность, точность, логичность, выразительность, чистота, уместность, ясность [Головин, 1988а]. Такую же типологию предлагают Л. А. Введенская [Введенская 2009] и А. Н. Васильева [Васильева 1990], но последняя дополняет ее качествами доступности и эстетичности.

В. И. Аннушкин приводит аналогичные коммуникативные качества речи, исключая уместность: ясность, правильность, чистота, точность, богатство, логичность [Аннушкин 2007].

Несколько иные качества речи выделяет В. Г. Костомаров: понятность, простота, краткость, скромность, яркость, оригинальность [Костомаров 2005].

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» коммуникативные качества речи также выделяются на основе соотношения речи с неречевыми структурами и включают «правильность (отражение соотношения: речь – язык), точность (речь – действительность, речь – мышление), логичность (речь – мышление), чистота (речь – нравственность, речь – эстетика), лаконизм (речь – мышление, речь – общение), ясность (речь – адресат), выразительность (речь – эстетика), богатство (речь – языковая компетенция автора), уместность (речь – адресат, речь – ситуация общения)» [КРР 2003: 258]. Модель “речь – ситуация общения” тесно связывается с функциональными характеристиками речевой деятельности, которые проявляются в речевой ситуации. Иными словами, уместность речи должна быть соотносима с каждым компонентом коммуникативного акта.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что ученые выделяют разные коммуникативные качества речи, однако основные свойства речи, восходящие к риторическим “классическим” требованиям и соответствующие русскому риторическому идеалу [Михальская 1996], совпадают во всех типологиях. Среди традиционно выделяемых коммуникативных качеств ФЕ фиксируют такие качества, от которых зависит успешность коммуникации, – ясность, точность, чистота, выразительность, уместность, логичность, но подключается еще содержательность. Следует особо сказать о коммуникативном качестве «правильность речи», которое является основой всех остальных коммуникативных качеств.

Правильность – это основное качество речи, соответствие ее «языковой структуры действующим языковым нормам» [Головин 1988а: 41]. Правильность предполагает соблюдение норм современного русского литературного языка: орфоэпической (нормы произнесения слов и словосочетаний) и просодической (нормы построения интонации); морфологической (нормы построения слов); словообразовательной; лексической (употребление слов и устойчивых

словосочетаний в определенных значениях); синтаксической; орфографической; пунктуационной норм.

Вопрос о правильности речи начал привлекать к себе внимание ученых в 20-е годы 20 века. В литературный язык в это время усиленно стали проникать элементы разговорной речи, просторечия, разного рода новообразования и иноязычные слова, которые находились за пределами литературного языка. Однако кодификация норм литературного языка произошла значительно позднее, чем возник фразеологический фонд, поэтому в русских ФЕ не представлено такое коммуникативное качество речи, как правильность. Однако фразеология характеризует речь с акустической стороны, фиксируя речевые дефекты или неправильное произношение, что можно условно включить в орфоэпическую норму и рассматривать как отражение качества правильности.

1) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «правильность»

В эту группу входят идиомы, и поговорки.

Фразеологизмы со значением “дефект речи” или “трудность произношения” включают прямые номинации “ломать, ломаный”, “вывихнуть”, или “не связать”, прямо подчеркивая неправильное, искажённое произношения или произношение трудного, неродного, плохо знакомого слова: *Ломать язык* – “Неодобр. Говорить неправильно, искажая слова, звуки” [ФСРЯ-Тихонов: 334]; *Ломаный язык* – “Искажённая, неточная речь иностранца на неродном, плохо знакомом ему языке” [СРФИЭС: 648]; *На ломаном языке* – “Искажённая, неточная речь иностранца на неродном, плохо знакомом ему языке” [СРФИЭС: 648]; *Язык сломать* на нём – “Неодобр. Об очень трудных для произношения фразах” [СФСРЯ: 306]; *Язык ломаешь* – “Неодобр. Ирон. Очень трудный для произношения” [ФСРЯ-Молотков: 404]; *Язык вывихнешь* – “Неодобр. Об очень трудных для произношения словах, фразах” [ФСРЛЯ: 110] и т. п.

В данных фразеологизмах наблюдается «телесно-инструментальное “овеществление”»: язык отождествляется по выполняемой им функции с инструментом речепроизводства» [БФСРЯ: 737]. Такие ФЕ находятся в зоне отрицательной оценки.

Невнятное, неправильное произношение уподобляется трудности произношения с полным ртом: *Каша во рту* – “Кто-либо невнятно говорит, неправильно произносит слова” [ФСРЛЯ: 291]. Образ ФЕ восходит к вещному коду культуры.

Отчетливость, членораздельность речи может нарушаться вследствие усталости, волнения, опьянения: *Язык заплетается (заплетался)* у кого – “Неодобр. Утрачивается способность говорить ясно, членораздельно, внятно” [БФСРЯ: 735]”; *Едва (с трудом) ворочать языком* – “Пренебр. С трудом говорить (от слабости, опьянения и т. п.) [ФСРЛЯ 2001: 93]”. Такое положение дел описывается в ФЕ с помощью глаголов, метафорически транслируемых трудность движения языка: *заплетаться* (заплетаться – «С трудом двигаясь, цепляться, задевать за что-н. (о погоде, речи)» [ТСОШ: 260]), *ворочать* (ворочать – «Перевертывая, шевелить, двигать» [ТСОШ: 111]). Образ фразеологизмов восходит к телесному и предметному кодам культуры. В образе идиомов – «колокольная метафора, уподобляющая язык человека языку колокола: от того, хорошо или неудачно подвешен последний, зависит качество звона» – когда *язык заплетается* или *едва (с трудом) ворочать языком*, то и звон колокола получается плохим [БФСРЯ: 735].

Отрицательная оценка речи, не удовлетворяющей прагматическим ожиданиям коммуникантов, характеризуется при помощи зооморфной метафоры: *Лепечет, как сорока*. При этом невнятное произношение передаётся через образ *сороки*, основывается на звуке, который она издает, и поддерживается значением глагола *лепетать* – «Несвязно, неразборчиво говорить (обычно о речи ребёнка); вообще о несвязной, невнятной речи» [ТСОШ: 403].

Таким образом, качество правильности как требование нормативности не нашло отражения во фразеологии; правильность речи во фразеологизмах представлена только фонетической характеристикой, которая, тем не менее, имеет большое значение для коммуникации. Нарушение / искажение внешней стороны речи приведёт к неэффективности других коммуникативных качеств речи, поэтому все ФЕ этой группы обладают отрицательной коннотацией.

2) Фразеологизмы о коммуникативных качествах «точность» и «ясность»

Точность речи – одно из коммуникативных качеств речи, которое предписывает «соответствие семантики компонентов речи содержанию» практической выражаемой действительности и выражается в адекватное словоупотребление полностью в соотношении с их языковыми значениями [Головин 1988а: 129–130]. Б.Н. Головин подчеркивает, что «характеристика “точная” и “неточная” – это средство оценки содержательного плана речи, а не ее формы» [Головин 1988а: 125].

Точность связывается с умением понятно и ясно мыслить, достоверностью отражения действительности, употреблением слов в ёмком, полном, однозначном и адекватном соответствии с выражаемым смыслом, правильным выбором и применением языковых и речевых средств, соответствующих цели общения. В этом аспекте точность соотносится с правильностью речи. Поэтому точность также является основой и условием других качеств речи, в том числе такого качества речи, как ясность.

Ясность как коммуникативное качество речи также характеризует речь со стороны содержания. Точность и ясность очень тесно взаимосвязаны: только точная речь может быть содержательной, а потому и ясной, иными словами, точность даёт возможность делать речь ясной. Нарушение качеств правильности и точности обязательно приводит к нарушению ясности. «Ясность достигается многими способами: прежде всего точностью слов, во-вторых, связностью» [Античные теории языка и стиля 1936: 205].

Важно отметить, что хотя точность и ясность обусловлены друг другом, но они не полностью тождественны. Очень возможна такая ситуация, когда информация точно передаётся говорящим, но оказывается непонятной, не ориентированной на адресата, т. е. точная речь может быть неясной.

Во многих ФЕ одновременно выражаются значения точности и ясности, что отражено в словарных толкованиях. Вероятно, в языковом сознании эти свойства речи существуют в единстве, поэтому мы рассматриваем коммуникативные качества точности и ясности в одной группе. Здесь также представлены идиомы, и паремии.

Фразеологизмы, которые включают прямую номинацию “русский язык”, прямо подчеркивают точность и ясность речи: *Русским языком говорить (сказать)* что-либо – “Экспресс. Сказать что-либо совершенно ясно, четко, понятно” [ФСРЛЯ: 769]; *Русским языком говоря* – “Выражаясь ясно, точно” [СФСРЯ: 349]. Говорить родным языком в сознании русского народа есть стандарт точности и ясности речи.

В русских ФЕ указание на точность высказывания передается часто с помощью языковых лексем “слово”, “буква”, “точка”: *Слово в слово* – “Пересказывать, повторять, пересказать, повторить. Совершенно точно, дословно” [УФСРЯ: 218]; *Буква в букву* – “Очень точно, буквально (повторять, передавать, запоминать и т. п.)” [ФСРЛЯ: 52]; *Точка в точку* – “Абсолютно точно, верно” [ФСРЛЯ: 687]. Однотипные синтаксические конструкции «что во что» с повторением лексем, подчеркивающих тождество объекта, имеют положительную коннотацию.

Понятные и точные слова выступают как стрелы, которые могут попасть туда, куда нужно. Фразеологизм *Не в бровь, а в глаз* – “Сказать, бить, метить, попасть и т. п. – удачно, остро, очень точно” [БФСРЯ: 460] имеет в виду, что кто-то в своей речи высказал точное мнение, дал точную оценку какого-л. факта. «Мотивировка идиомы объясняется обыкновением пускать стрелы (стрелять) в закованного в латы и шлем вражеского воина (рыцаря): в шлеме была щель для глаз, куда и можно было поразить его. Образ идиома соотносится с телесным кодом культуры» [БФСРЯ: 460]. Очевидно, что глаза являются большей ценностью для человека, чем брови, поэтому именно глаза в этой идиоме символизируют точную речь.

Фразеологизм *Черным по белому* написано, сказано и т. п. – “Вполне определенно, совершенно ясно” [ФСРЯ-Молотков: 245] характеризует точную, определенную речь, в которой отсутствует двусмысленность. Черное и белое как самое контрастное сочетание цветов символизирует крайнюю степень очевидности. Черный текст особенно ярко выделяется на белом фоне.

В пословичном фонде коммуникативные качества точности и ясности также оцениваются высоко: *Слово толковое стоит целкового* (толковый – «Ясный,

понятный» [ТСОШ: 987]; целковый – «Старинная серебряная монета достоинством в один рубль»). Даже одно точное слово стоит дорого, что показано через образ монеты большого достоинства.

В китайском языке ясность и точность речи метафорически уподобляются соматическим образам “зубы”, “рот” и “язык”: 牙白口清 – досл. “Белые зубы, чистый рот”; 嘴清舌白 – досл. “Чистый рот, белый язык”. Эти органы участвуют в производстве речи, и, чем они чище, тем понятнее и точнее будет речь.

Неясная речь характеризуется русскими ФЕ с помощью пространственной метафоры – *Ходить вокруг (кругом) да около* (“Говорить неясно, обиняками, не касаясь сути дела” [ФСРЛЯ: 726]). Наречия *вокруг* и *около* обозначают не сам локус, а то, что его окружает.

Нарушение точности и ясности речи ведёт к непониманию ее адресатом. Неясная, неточная речь передаётся через образ тумана, который скрывает окружающую природу: *Напускать (напустить) туману (тумана, туман)* во что, на что – “Неодобр. Говорить многословно и неясно” [БФСРЯ: 454]. Туман – «Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами или ледяными кристалликами» [ТСОШ: 1006]. В образе фразеологизма *туман* соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры и символизирует состояние неясности, смешанности мыслей. «Образ идиома образуется метафорой, уподобляющей появление тумана внесению неясности в разговор» [БФСРЯ: 455]. Сходный образ представлен в ФЕ *Наводит (навести) тень на плетень (на ясный день)* – “Неодобр. Намеренно вносить неясность, сбивать с толку” [ШФСРЯ: 215] (тень – «Место, защищающее от попадания прямых солнечных лучей» [ТСОШ: 977]). Такие природные метафоры, обозначающие темные, непрозрачные объекты, символизируют неясную речь, затемняющую содержание.

Таким образом, точность опирается на правильность и придаёт основу ясности. По данным русской фразеологии, точность и ясность положительно оцениваются как одно из ведущих коммуникативных качеств, способствующих и успешности коммуникации.

3) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «логичность»

Логичность связывается с гносеологической функцией языка и представляет собой качество речи, «характеризующееся как последовательность, непротиворечивость высказывания или построения в соответствии с законами логики, с отношениями и связями реальной действительности» [СЭСРЯ 2003: 211]. Это коммуникативное умение последовательно выражать мысль, не допуская противоречия, не нарушая законов логики. В этом аспекте логичность также выступает основой качества ясности. Однако логичность подчеркивает соотношение речи и всей структуры мысли. Говорящему надо следовать логике развертывания мысли и последовательно излагать ее в тексте. В этой группе представлены и идиомы, и паремии.

Соблюдение логической последовательности в изложении выражено ФЕ *Пункт за пунктом* – «Одно за другим, по порядку (рассказывать, объяснять и т. п.)» [ФСРЛЯ: 547]. А нарушение логичности речи получает неодобрительную оценку: *С пятого на десятое* – «Неодобр. Непоследовательно, беспорядочно, бессвязно, пропуская подробности. С глаг. несов. и сов. вида: рассказывать, сообщать, пересказывать, рассказать, сообщить, пересказать и т. п.» [УФСРЯ: 204]. В основе метафоры лежит ситуация неверного счета (*пять*, а потом сразу *десять*). *Забегать вперед* – «Нарушая последовательность действий, совершать, делать что-либо преждевременно» [ФСРЛЯ: 232]. Обычно ФЕ употребляется в ситуации, когда говорящий в своем нарративе не соблюдает последовательность событий. Ср.: *«Тебе не кажется, что ты забегаешь вперед? Расскажи сначала о самой встрече», – перебил меня товарищ* (С. Аксаков).

В соответствии с требованием логичности адресант должен «не только отбирать определенные факты, но и давать их в определенном освещении, т. е. заставляет соответственно организовывать речь, обуславливает композицию и характер языковых средств» [Одинцов 1982: 160]. Для слушающего речь говорящего воспринимается как единое целое, поэтому ФЕ часто актуализируют несоответствие содержания речи в начале и в конце: *Начал с кувшина, кончил о бочке; По-церковному запел, да на плясовую свел; Начал за здравие, а кончил за упокой*. Такие паремии строятся на приеме контраста, который создается разными

способами [Бочина 2003], в частности разнокорневыми антонимами (*здравие – упокой*), оппозицией согипонимов (*кувшин – бочка*), ассоциативными оппозициями (*по-церковному – плясовая*).

Языковая традиция требует, чтобы по законам логики речь была вовремя закончена: *У всякого слова ожидай конца; Полно мотать, пора узел вязать; Полно путать, пора узлы вязать; Полно плести, пора домой брести*. Создание речи метафорически сравнивается с процессами ткачества и плетения, которые заканчиваются готовым изделием. Образы данных ФЕ включаются в вещный код культуры.

Логичность в речевой коммуникации способствует пониманию речи адресатом, а нарушение логичности приводит к недоступности восприятия и, как следствие, неэффективности общения. Поэтому в ФЕ положительно оценивается речь, композиция которой соответствует логике изложения.

4) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «выразительность»

Выразительность речи – одно из коммуникативных качеств речи, которое характеризует действительность «коммуникативно-целесообразного» проявления личности адресанта речи посредством разнообразных коммуникативных средств [Соколова 1995: 48], соответственно, поддерживает внимание, интерес и одобрение у слушателя.

«Выразительной называется такая речь, в которой выражение своего отношения к предмету и / или форме речи соответствует коммуникативной ситуации, а речь в целом оценивается как удачная и эффективная» [Ипполитова и др. 2007: 210]. Умелое использование выразительных средств придаёт высказыванию яркость, образность, эффективность, оригинальность, неповторимость. Можно сказать, выразительность речи, как правило, является продуктом сознательного стремления коммуниканта говорить образно и, соответственно, она становится показателем высокой степени сознательности речевой коммуникации. Выразительность приближается к искусству речи. Так же оценивается качество выразительности в китайском общении – это «изящный язык» [Гу Юэго 1992].

Для достижения выразительности в процессе формирования речи говорящий использует комплекс речевых средств, которые в значительной степени соответствуют его мысли, целям и условиям общения, логическому и эмоциональному содержанию, что может отвечать критериям уместности речи. Таким образом, выбор определенных речевых средств выразительности в процессе речевой коммуникации соответствует, в первую очередь, правилам логичности, разумности и гармоничности речи. Выразительность речи получает характеристику и в идиомах, и в поговорках.

В русской фразеологии коммуникативное качество выразительности речи оценивается очень высоко. Устойчивые сочетания утверждают значимость этого качества через положительную характеристику носителя: *Боек на язык (слова)* – “Находчив в разговоре, красноречив” [ФСРЛЯ: 34].

В ФЕ *Дар слова* – “Умение, способность говорить свободно и выразительно” [ФСРЛЯ: 170] умение красиво говорить оценивается как подарок судьбы. *Владеть словом* – “Обладать способностью выразительно писать, говорить” [ФСРЛЯ: 80]; *Владеть языком* – “Уметь говорить, выражать мысли на каком-либо языке” [ФСРЛЯ: 80]; *Иметь язык, быть с языком* – “Уметь хорошо говорить, обладать красноречием” [ФСРЛЯ: 349]; *С языком* – “Кто-либо хорошо говорит, обладает красноречием” [ФСРЛЯ: 769]. В ФЕ используется метафора «обладания». Глаголы *иметь, владеть* («Уметь, иметь возможность пользоваться чем-н., действовать при помощи чего-н.» [ТСОШ: 96]) в сочетании с лексемами *язык, слово* подчеркивают не просто умение пользоваться этими средствами, а их принадлежность говорящему.

Язык хорошо (неплохо, здорово) подвешен (привешен) у кого – “Развита способность красноречиво, гладко говорить” [БФСРЯ: 736] (Образ фразеологизма служит «колокольной метафорой, уподобляющей язык человека языку колокола [БФСРЯ: 736]); *Плести языком кружева* – “О словоохотливом, красноречивом человеке” [БСРП: 502]. Компонент образа “кружева” интерпретируется в предметном коде культуры. Выразительная речь метафорически сравнивается с процессами искусного плетения изделия.

Все указанные фразеологизмы положительно оценивают обладающего

красноречием – способностью человека выражать свои мысли легко, свободно и гладко.

Тот, кто умеет хорошо говорить, получает желаемый результат от общения, так как выразительные слова обладают сильным воздействием, они способны привлечь внимание слушателей, убедить, побудить к чему-либо. Риторические способности человека в устном общении получают высокую оценку во ФЕ при помощи сравнения с письменной речью, которая является более строгой, а также с печатными изданиями: *Как по писаному (говорить); Говорит, как пишет*. Ср. сходное китайское выражение: *出口成章* – досл. “Говорит, как пишет”.

Коммуникативное качество выразительности (как и само умение красноречия) характеризуется в пословицах прилагательным *красный* в значении “красивый”: *Красную речь хорошо и слушать; Красна речь умом; Без красного словца ни на шаг* (красный – «Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. хорошего, яркого, светлого» [ТСОШ: 376]). Образ “красный” включён в цветовой код культуры, где красный цвет символизирует ценностные части культуры, метафорически уподобляется красивому. «В народном обиходе сочетания *красные речи, красные слова* употреблялись и для характеристики чего-то красиво и остроумно сказанного» [БФСРЯ: 179].

Однако красота речи не всегда является достоинством. ФЕ *Для (ради) красного словца* говорить (сказать), острить (сострить) и т. п. – “Неодобр. Несерьезно, для видимости (говорить) или о чём-л., сказанном лишь для того, чтобы показать свое остроумие, похвастать” [ШФСРЯ: 108] имеет неодобрительную окраску, так как самоценность внешней красоты речи без ее содержания ставится под сомнение: *Часто красиво говорят, а слушать нечего; Красен словами, рассудком беден*.

Еще большее неодобрение в народном сознании вызывает ситуация, когда говорящий, стремясь придать своей речи красоту, не заботится о том, что сказанные слова могут оскорбить кого-л.: *Ради красного словца не пожалеет и родного отца*.

Подобным образом представлена выразительность речи в китайских идиомах: *妙语连珠* – досл. “Сыпать красными словами”; *娓娓而谈* – досл. “С

жаром говорить” и др. Кроме того, в китайском языке используется соматическая метафора в идиомах, характеризующих выразительность речи как языковую способность человека. Например: 三寸不烂之舌 – *досл.* “Язык в три цуня и без изъяна (Цунь – китайская мера длины, около 3,33 см)”. При этом длинный язык символизирует красноречие.

В русских и китайских ФЕ для характеристики выразительности используется природная метафора: *Говорит, как река льется* и китайский 口若悬河 – *досл.* “Из уст словно река изливается” – гладкая, красивая речь отождествляется со спокойным течением реки; также фитоморфная метафора 舌灿莲花 – *досл.* “Сияющий язык как цветок лотоса”.

Русская ФЕ *Заливаться (залиться) соловьем* – “Шутл. Говорить красноречиво, с жаром, увлекаясь своей речью” [БФСРЯ: 227] часто воспринимается иронически. Соловей – символическая для русского народа птица, пение которой очень красиво (ср. также *Поет, что соловушка, да пуста головушка*). В образе “соловья” отражается эталонное представление: пение соловья – символ красноречия. Образ, лежащий в основе идиома, соотносится с зооморфным кодом культуры. Однако, «пение соловья только звучит красиво, нет никакой мысли, поэтому сравниваемая со звучанием соловья выразительность речи человека часто рассматривается иронически» [БФСРЯ: 227].

Отсутствие выразительности в речи коммуникантов препятствует процессу общения, поэтому русская фразеология резко отрицательно оценивает невыразительность: *Язык не подвешен* – “Кто-нибудь не умеет свободно, гладко говорить” [ФСРЛЯ: 769]; *Язык плохо подвешен* у кого – “Кто-нибудь не умеет свободно, гладко говорить” [ФСРЛЯ: 769]. В основе этих ФЕ также лежит образ «колокольной метафоры, уподобляющей язык человека языку колокола» [БФСРЯ: 737].

Такое же значение имеет фразеологизм с метафорическим прилагательным “суконный”: *Суконный язык* – “Невыразительная и сухая речь” [ФСРЯ-Тихонов: 282]; *Суконная речь* – “Невыразительный, бледный, шаблонный язык”

[ФСРЯ-Тихонов: 282] (сукно – «Шерстяная или хлопчатобумажная плотная ткань с гладкой поверхностью» [ТСОШ: 957]). Образ фразеологизмов соотносится в нашем сознании с кодом предметов быта: суконный переосмысливается как грубый, сухой, невыразительный. Е. Л. Березович приводит аналогичную диалектную фразу, которая является синонимом ФЕ *шубный язык* и *шерстяной язык*, и выделяет «общий признак, объединяющий значения шерстяного, шубного и суконного языка, – ненормативность, смысловая неполноценность речи» [Березович, Казакова 2013: 115].

5) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «уместность»

Уместность – такой подбор, такая организация языковых средств, которые «делают речь отвечающей целям и условиям общения» [Головин 1980: 233]. Уместность речи требует «соответствовать теме высказывания, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей или читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам – письменного или устного выступления» [Там же]. Только если «речевые структура речи соотнесены с явлениями, событиями окружающего человека мира» [Головин 1988а: 28], «жанром и задачами коммуникативного процесса» [Там же: 22], то при данных условиях речь может быть названа уместной.

Уместность представляет собой функциональное качество речи, в его основе лежит мысль целенаправленной установки речи. Необходимыми условиями уместности речи являются знание обоснованностей применения языковых средств, знание предмета, целей, задач, объема информации и т. п. Коммуникативное качество уместности в этом смысле соотносится с максимумом *релевантности* П. Грайса [Grice 1975]. При этом сказанное должно иметь прямое, непосредственное отношение к целям сообщения. Коммуникативное качество уместности соотносится со всеми элементами коммуникативного акта, и фразеологическая система доказывает этот факт.

Коммуникативная ситуация предполагает соотнесение высказывания и конкретного ситуативного контекста, его места и времени, и коммуникативное поведение (вербальное и паравербальное) должно соответствовать времени и

обстоятельствам. Многие пословицы прямо подчеркивают это с помощью лексемы *место* или местоименного наречия с обобщенным локальным значением: *Слово к месту говорится; Каждому слову свое место; Не забывай, где должно сказать, а где надо промолчать*; либо лексем *вовремя*, *кстати*: *Умей вовремя сказать, умей и смолчать; Лучшие плакать кстати, чем смеяться не вовремя*. Подходящее для определенного коммуникативного поведения время называется *добрым* в противоположность *худому*, понимаемому как «не вовремя»: *В добрый час будь сказано; В добрый час молвить, в худой промолчать*.

Уместные в соответствующей ситуации слова имеют даже больше силы, чем письменный документ: *Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати*.

В китайском языке также высоко оценивается уместность как коммуникативное качество: *对病症下药, 看场合说话* – досл. “Назначать лекарство в соответствии с болезнью, говорить в соответствующей ситуации”.

В сознании носителей русского языка уместность часто предстает как проявление мудрости: *Не тот умен, кто много говорит, а тот, кто попусту слов не тратит*.

Уместность слова порой становится важнее, чем выразительность. Ср., с одной стороны, пословица *Красное слово всегда впору*, где приоритет отдается выразительной речи, и, с другой стороны, пословица *Золоты твои слова, да не вовремя сказаны*, утверждающая ценность уместности.

Уместность соотносится и с содержанием сообщения, и с фактором адресата (Ср. Китайская ФЕ *割草顺风向, 说话看对象* – досл. “Косить траву по ветру, говорить в соответствии с собеседником”). Отклонение от темы разговора или ситуация, когда коммуниканты не слышат друг друга в процессе общения, отрицательно оценивается в паремиях: *Один про пироги, другой – про сапоги; Я говорю про попа, ты про попадью, а он про попову дочку; Ему говоришь про попа, а он про Емелю – дурака; Один про Фому, другой – про Ерему; Ему про Фому, а он про Ерему* и т. д. С помощью приема контраста подчеркивается разнопредметность разговора. При этом противопоставляются как близкие (*поп – попадья – попова дочка; Фома – Ерема*), хотя и разные объекты, так и совершенно далекие (*пироги – сапоги*,

поп – Емеля-дурак).

Сходную идею выражает и китайская фразеология: *离题万里* – *досл.* “Десять тысяч ли от обсуждаемых тем (ли – кит. мера длины, равная 0,5 км)”; *词不达意* – *досл.* “Слова не выражают нужной мысли”.

Ценность коммуникативного качества уместности заключается в умении подбирать подходящую для беседы тему, учитывая интерес адресата. Кроме того, для успешного общения адресанту нужно учитывать многие параметры собеседника, такие как возраст, пол, социальное положение, круг интересов, характер и т. п. Паремия *Какого гостя позовешь, с таким и побеседуешь* обобщенно выражает эту мысль.

Негативно оценивает фразеология и неуместные слова, которые не соответствуют теме разговора *Не в строку* – “Некстати, невпопад (говорить, отвечать)” [ФСРЛЯ: 667]; *Далеко (не туда) захватить* – “Неодобр. Сказать что-либо невпопад, не то, что следует” [ФСРЯ-Тихонов: 164]; *Ни к селу ни к городу* – “Неодобр. Совершенно некстати, не к месту, невпопад” [ФСРЛЯ: 608]. Такие ФЕ построены по принципу негации, и отрицательные частицы *не / ни* утверждают неверность ситуации.

Иногда неуместность в коммуникативной деятельности рассматривается как выход за рамки допустимого, нормального. Например, *Хватить через край* – “Неодобр. Делать или говорить нечто излишнее, неуместное, несуразное” [БФСРЯ: 716] (*Хватить* – «Увлечшись, сделать что-н. сверх меры или сказать лишнее» [ТСОШ: 1062]). «Компонент край изначально соотносится с пространственным кодом культуры» [БФСРЯ: 716]. Глагольный компонент идиома *хватить* соотносится с культурным кодом человеческой деятельности, в котором проявляется неуместность речеповедения как следствие потери человеком чувства меры.

Неуместная речь оценивается отрицательно, хотя она осмысливается как невольная, неподконтрольная для говорящего: *Дёргать (дёрнуть) за язык* кого – “Неодобр. Невольно, неожиданно для себя говорить (сказать) что-либо не к месту, не вовремя, не по существу, что может обернуться неприятностями и потому

вызывает сожаление” [БФСРЯ: 722]. Дёргать – «Тянуть, тащить резким, отрывистым движением» [ТСОШ: 195]. В образе идиомы *язык* символически сравнивается с речевой способностью человека. В идиоме встречается антропоморфная метафора, в основе которой лежит «суеверное представление о грязной силе (чёрт), управляющей человеком вопреки его желанию» [БФСРЯ: 722].

Таким образом, вовремя сказанным, правильно подобранным словом можно добиться больших успехов, так как речь будет сильнее воздействовать на окружающих. Для результативного общения важную роль играет коммуникативное качество уместности, поэтому ФЕ характеризуют это свойство речи однозначно позитивно.

б) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «чистота»

Чистота речи – это одно из коммуникативных качеств, основанное на соотношении речи с эстетической и этической функциями литературного языка. Чистая речь – это такая речь, в которой «нет чуждых литературному языку элементов и нет элементов языка, отвергаемых нормами нравственности» [Головин 1988а: 27].

С одной стороны, качество чистоты речи является проявлением правильности, поскольку оно регулирует соблюдение лексических норм. Чистой называют речь, свободную от лексики, находящейся за рамками русского литературного языка, в том числе от просторечных слов, ненормативной лексики, варваризмов, жаргонизмов, диалектизмов, слов-паразитов. С другой стороны, проблема чистоты речи выступает как нравственная проблема, потому что чистота речи запрещает употребление грубых, нецензурных слов. Как показал материал, именно последний аспект актуален для фразеологии. В эту группу входят и идиомы, и паремии.

Грубость противоречит нравственности, т. е. она является отрицательным моральным качеством, которое характеризует неуважение, недоброжелательность к людям. Грубость понимается как «система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на создание конфликтной

коммуникации» [Жельвис 2011: 258], т. е. грубость связывается с сознательным стремлением коммуниканта к конфликту в общении. Грубость проявляется в сознательном использовании бранных слов. Брань – «Осуждающие и обидные слова; ругань» [ТСОШ: 59] – обычно выражает недовольство, гнев или раздражение (ср.: браниться «Выражать свое недовольство в грубых, резких словах» [ТСОШ: 59]). Участники коммуникации в процессе совершения коммуникативных действий, характеризующихся оскорблением, нарушают этические нормы.

По данным русских идиом, грубые слова и брань в общении не допускаются, так как они прямо противоречат чистоте речи. Запрещаются грубые выражения и в китайском общении: Гу Юэго в своей работе «Вежливость, прагматика и культура», описывая признаки китайской вежливости, формулирует такое требование к речи, как использование нормального языка и эвфемизмов [Гу Юэго 1992]. Фразеологические единицы со значением “грубое речевое поведение” / “бранные слова” включают прямые номинации “грубый” или “грубость”, “брань” и содержат прескрипции запрета на грубую речь: *Не грубость нужна, а строгость важна; Не бранись: что исходит из человека, то его и поганит; Говори задорно, а не заборно (заборный – «перен. Неприличный, грубый (подобный надписям на заборах)» [ТСРЯ, Т. I : 890].*

Отрицательно характеризуют подобную речь ФЕ, выраженные словосочетанием «метафорическое прилагательное + существительное *брань / ругань*»: *Базарная брань* [ТСОШ: 26], *Базарная ругань* [ТСОШ: 26] (Базар – «Место для торговли, обычно на площади, а также розничная торговля на таком месте» [ТСОШ: 26]); *Площадная брань* [ТСОШ: 654] (Площадной – «О речи: грубый, непристойный» [ТСОШ: 654]). Очевидно, в сознании русского живет стереотип, что брань часто происходит в шумном, общественном месте. Образы “базарный”, “площадный” соотносятся с пространственным кодом культуры, указывая на место с большим скоплением людей. Традиционно торговля на базаре или на площади – это занятие «крестьянина, мелкого предпринимателя и т. п., т. е. человека обычно невысокого образовательного ценза» [БФСРЯ: 27], который не

ограничивал себя нормами речевого поведения.

Для подобной характеристики употребляются также метафорические глаголы *поливать* (Поливать – «1. Начать лить. 2. Бранить, хулить» [ТСОШ: 686]); *Поливать руганью* – “Настойчиво, горячась, ругать, бранить кого-либо” [ФСРЛЯ: 498]; *крыть* (Крыть – «1. Накладывать кровлю. 2. Грубо бранить» [ТСОШ: 385]); *Крыть матом* – “материться” [ТСОШ: 385]. Указанные глаголы имеют в своей семантике признак «полностью покрывать поверхность», который в переносном значении выступает как характеризатор высокой степени действия и, следовательно, усиленной отрицательной окраски. «Русская матерная брань, – замечает Айрапетян, – нацелена достать человека в его глубочайшей сути» [Человек как слово 2008: 38].

Непристойные и бранные выражения отрицательно оцениваются в идиоме: *Распутить язык* – “Неодобр. Не сдерживая себя, говорить непристойности, употреблять грубые и бранные слова и выражения” [БФСРЯ: 583]. «В образе идиома переплетаются телесный, предметный и деятельностный коды культуры. Образ идиома восходит в одной из стереотипных ситуаций, связанных со звоном в колокол: прежде чем звонить в колокол, развязывали веревки, приводящие в движение било, т. е. язык. В современном языковом сознании язык метонимически осмысливается как речепроизводящая способность человека» [БФСРЯ: 584].

Бранные слова характеризуются в ФЕ метафорическими прилагательными *черный* (черный – «Преступный, злостный» [ТСОШ: 1092]); *Черное слово* (*Черным словом*) – “1. Нецензурная брань, сквернословие. 2. Устар. Бранное выражение, содержащее упоминание чёрта” [ФСРЛЯ: 628]); *крепкий* (крепкий – «Очень сильный, значительный по степени проявления» [ТСОШ: 378]); *Крепкое словцо* (*слово*) – “Неприличное выражение, ругательство” [ФСРЛЯ: 628]; *дерзкий* (дерзкий – «Непочтительно, оскорбительно грубый» [ТСОШ: 192]); *Дерзкий на язык* – “Грубый, резкий в высказываниях, характеристиках; несдержанный человек” [ФСРЛЯ: 198].

Интерес представляет идиома *Пару ласковых сказать* – “Шутл. Высказать

кому-л. неодобрение в резкой форме” [БСРП: 484], где метафорически употребляется прилагательное *ласковый* (приветливый, благожелательный [ТСРЯ, Т. II: 27]), и ФЕ приобретает ироническое значение “ругань, грубое слово”.

В русской культуре брань часто ассоциируется с черными предметами, такими как “смола”, “сажа”, например, *Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марают; Смола – не вода, брань – не привет*. Бранные слова считаются нечистыми, грязными: *Не бранись: нечисто во рту будет*.

В паремиях брань метафорически уподобляется образу “собаки”, так как это животное лает без причины, и ее лай ассоциируется с грубостью. Именно эти факты служат мотивировочной базой метафорического переосмысления лая собаки. Этот образ становится универсальным, встречается в русских и китайских ФЕ. Например, русские: *Грызутся – как собаки за кость; Вольно собаке на небо лаять; Собаке и на свой хвост вольно брехать; Он до того дособачился, что только на собак не лает; Собака лает, а бары едут*; а также китайские: *狗咬狗, 一嘴毛* – досл. “Собака кусает собаку – останется только шерсть”. Собака здесь употребляется для характеристики грубого, злобного человека. Образ ФЕ восходит к зооморфному коду культуры.

Паремии описывают различные прагматические результаты нарушения качества чистоты речи.

Бранные слова вызывают негативные чувства собеседника, потому что их всегда неприятно слышать (*Бранное слово на гнев наводит*). В китайской фразеологии находит выражение аналогичный смысл: *恶语伤人六月寒* – досл. “Брань ранит как мороз летом”.

Поэтому паремии советуют не дружить и не общаться с бранчливыми людьми: *На что с тем дружиться, кто охоч браниться; На что с тем мириться, кто охоч браниться?*

Грубыми словами не добьешься цели, и брань не приносит пользы людям: *Горлом не возьмешь, бранью не выпросишь; Бранью праву не быть; Отбранкою прав не будешь; Много бранился, а добра не добился; Не бранись: что исходит из человека, то его и поганит*.

А тот, кто избегает бранных слов, получит хороший коммуникативный результат: *Не бранись ни с кем, тем хорош будешь всем.*

Бранные слова даже могут вредить психологическому или физическому состоянию человека: *С брани люди сохнут, с похвальбы толстеют; Журливый да бранчивый веку не доживают; Кто ругается, у того лошадь спотыкается.*

Брань понимается как грех, зло и потому получает отрицательную этическую оценку: *Спорить – спорь, а браниться – грех.*

Однако в отношении брани русское сознание противоречиво, и в ФЕ отражается амбивалентность качества чистоты речи. Такие единицы, как *Брань на вороту не виснет; Брань не киснет, ветер носит; Бранят – не в мешок валят. Собака лает, ветер носит*, выражают лояльное отношение к брани, т. е. на брань не следует обращать внимания, потому что для русского человека типично ругаться и браниться: *Бранить – себя тешить.* Это свидетельствует об эмоциональности (порой излишней) русского коммуникативного поведения [Прохоров, Стернин 2006].

7) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «содержательность»

Наши материалы показали, что важное место в бытовом общении наивное языковое сознание, которое отражается во фразеологии, отводит такому свойству речи, как содержательность. Содержательность речи непосредственно зависит от её информационной наполненности, и русские паремии высоко оценивают беседу, которая наполнена содержанием. Такая беседа способствует развитию эффективного общения: *Беседовать не устать, было бы что сказать.*

В русском фразеологии провозглашается важность содержательной речи, дающей интересную информацию и доставляющей приятные чувства, удовольствие собеседникам. Такая речь свойственна умным людям, поэтому ФЕ констатируют пользу от общения с мудрыми людьми: *С умным разговориться – что меду напиться; Красно поле пшеном, а беседа умом; Умную речь хорошо и слушать; За умную речь хвалят, за дурную хают; В умной беседе быть – ума прикупить, а в глупой – и свой растерять.* Здесь есть прямые номинации – употребляются прилагательное *умный*. Аналогичный образ встречается в

китайской ФЕ *听君一席话, 胜读十年书* – *досл.* “Послушать вашу речь, это лучше чем десять лет учебы”.

Однако чаще русские ФЕ характеризуют не содержательность как норму, а отступление от этого требования, т. е. бессодержательность. В этом проявляется универсальное свойство языка – маркировать аномалии, потому что человек «воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» [Арутюнова 1987: 4].

Оценка бессодержательности речи представлена во фразеологии очень широко и характеризуется в разных аспектах [Христолюбова 1992].

Бессодержательность речи маркируется как глупость высказывания: *Нести (понести) окоlesiцу* – “Пренебр. Пространно, многословно говорить, писать всякие глупости” [ФСРЛЯ: 407] (Околесица – «Бессмыслица, вздор» [ТСОШ: 562]); *Нести (понести) вздор* – “Пренебр. Говорить что-нибудь необдуманное, несерьезное” [ФСРЛЯ: 406] (Вздор – «Нелепость, глупость, ерунда» [ТСОШ: 88]); *Нести (понести) дичь* – “Пренебр. Говорить несусветную, невообразимую чепуху, глупости” [ФСРЛЯ: 406] (Дичь – «Нелепые разговоры, чепуха, вздор» [ТСОШ: 201]) и т. п. В русской фразеологии глупые слова метафорически уподобляются образу “пыли” (Пыль – «Мельчайшие сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-н.» [ТСОШ: 782]), т. е. мелкие и неважные вещи: *Глупые речи, что пыль на ветру*.

Бессодержательные, глупые слова в русской фразеологии характеризуются отрицательно: *Пень – не околица, глупая речь – не пословица*; они неинтересны собеседникам: *Глупым словам – глупое ухо*.

Бессодержательные высказывания также метафорически обозначаются как пустые: *Переливать из пустого в порожнее* – “Неодобр. Вести пустые бесплодные разговоры, болтать или заниматься делом, которое не может дать никакого результата” [БФСРЯ: 515]. Лексемы *пустое* и *порожнее* (Порожний – “То же, что пустой” [ТСОШ: 700]) выступают как синонимы, которые означают совершенное отсутствие содержимого в какой-либо емкости. Образ идиома в

целом «образован метафорой, уподобляющей речь, говорение льющейся воде» [БФСРЯ: 516], но ни в пустой, ни в порожней емкости нет жидкости, так и в пустой речи отсутствует содержание.

Пустословие лишает речь ее важной функции – передавать нужную информацию, поэтому в пословицах такая речь признается ненужной и не заслуживающей внимания окружающих: *Пустые речи уносят ветры; Пустые разговоры оскомину набили.*

Типичным приемом в пословицах является соотношение пустого слова с неким пустым предметом: *Пустые слова что орехи без ядра; Мелет, как пустая мельница; Мелева много, да помолу нет.* Мельница в славянских языках является одной из самых архаичных и устойчивых метафор говорения и болтливости. Та же метафора служит для интерпретации сновидений: пустая мельница – бесполезные разговоры [КЭС: <http://www.symbolarium.ru/index.php>]. Орех без ядра несъедобен, мельница, которая работает без зерна, не приносит пользы, так и бессодержательные речи не представляют ценности в коммуникации.

В китайской фразеологии используется подобный образ, и в китайской языковой картине мира пустословие имеет отрицательную оценку: *枯树无果实, 空话无价值* – досл. “Засохшее дерево не даёт плодов, пустое слово ничего не стоит”; *空勺塞到嘴边没味道, 空话听到耳里没味道* – досл. “У пустой ложки нет вкуса, в пустых словах нет смысла” и др.

Бессодержательность речи в паремиях часто связывается с многословием: *В многословии не без пустословия; Много говорено, да мало сказано; Слов много, а складу нет.* В структуре пословицы используется прямая номинация *много*, которая употребляется либо по контрасту с антонимом *мало*, либо в конструкции с синтаксическим значением противопоставления, выраженном союзом *а*. Так же построена ФЕ *Много кудахтанья, а яиц нет*, в основе которой лежит метафора. Образ ФЕ “кудахтанье курицы” символизирует нескончаемую, бессмысленную речь человека и восходит к зооморфному коду культуры. Ср. китайская ФЕ: *白水挤不出油来, 废话找不到内容* – досл. “В чистой воде нет масла, в болтливости

нет содержания”.

В языковом сознании бессодержательность речи как результат многословия приписывается болтливому человеку, т. е. чрезмерная болтливость ведет к пустым, разговорам и оценивается отрицательно: *Болтать языком* – “Неодобр. 1. Слишком много говорить; говорить вздор. 2. Пустословить” [ФСРЛЯ: 36]; *Болты-болтать* – “Неодобр. Болтать, пустословить” [ФСРЛЯ: 37]; *Точить лясы (балясы, балы)* – “Попусту болтать, много разговаривать о пустяках” [БФСРЯ: 697]. «Образ фразеологизма воспринимается на фоне традиционно отрицательного отношения к болтливости, отчего идиома в целом играет роль стереотипного представления о болтовне, пустословии» [БФСРЯ: 698]; *Чесать зубы* – “Праздность, бесцельность времяпрепровождения в разговорах” [БФСРЯ: 725].

Большинство ФЕ с подобным значением связывается с трудовой метафорой (*точить, болты*) или с соматической метафорой. Например, фразеологизм *чесать зубы* через образ зубов соотносится с соматическим кодом культуры, «зубы как неотделимая часть тела человека метонимически отождествляются с одним из органов речи» [БФСРЯ: 726] и связывается с шутливо-иронической ассоциацией зуда у болтунов. «Фразеологизм содержит антропоморфную метафору: желание поболтать аналогично такому же сильному желанию почесать зудящее место» [БФСРЯ: 726].

Бессодержательность речи характеризуется и как “бессмысленное повторение уже известного, бесполезного и ненужного”: *Жевать (пережевывать) жвачку* – “ Презрит. Надоедливо повторять одно и то же” [ФСРЛЯ: 226]; *Жевать мочалку* – “Пренебр. нудно и бестолково говорить, писать и т.п. об одном и том же” [ФСРЛЯ: 226]. Образы жвачка, мочалка, соотносятся с вещным кодом культуры. Образы рассматриваются как безвкусные, пресные вещи и переосмысливаются в коммуникативной деятельности: непрерывное жевание их означает бессмысленный разговор.

Сходный смысл представлен в следующих идиомах: *Ладить одну и ту же песню* – “Пренебр. Повторять одно и то же; говорить об одном и том же” [ФСРЛЯ:

336] и *Крутить шарманку* – “Пренебр. Надоедливо говорить, повторять одно и то же; многократно возобновлять один и тот же разговор” [ФСРЛЯ: 328]. Шарманка – «1. Переносной механический орган без клавишного механизма в виде надеваемого на плечо ящика на лямке» [ТСОШ: 1102]. Этот музыкальный инструмент может исполнять только одну мелодию, и потому постоянное звучание такого инструмента становилось назойливым. Вследствие этого у существительного развилось значение 2. «*Перен.* О нудном, надоевшем разговоре, повторении одного и того же (прост, неодобр.)» [ТСОШ: 1102] с отрицательной коннотацией, которая сохраняется и в аналогичной ФЕ. Подобный метафорический перенос наблюдается и в идиоме *Ладить одну и ту же песню*.

Многократное повторение одного и того же оценивается в общении как скучный, неприятный звук: *Жужжать в уши* – “Неодобр. Надоесть постоянными разговорами о чём-либо, назойливо повторяя одно и то же” [ФСРЛЯ: 231] (*Жужжать* – «Производить однообразно дребезжащий звук, свистящий шум» [ТСОШ: 237]).

В паремиях часто употребляются числительное *три*, подчеркивая многократный повтор речи: *Про одни дрожжи не говорят трижды. Говорит три дня, а все пустое*. Числительное *три* в русской культуре в целом характеризует многочисленность. Три – Первое число, которому присвоено слово «всё» [КЭС – <http://www.symbolarium.ru/index.php>]. Даже хорошую мысль не нужно повторять много раз: *Хорошее слово хорошо один раз*. Близкие по смыслу ФЕ есть в китайском языке: *话说三遍淡如水* – досл. “Говорить три раза – пресно как вода”; *话说三遍狗也烦* – досл. “Хорошее слово повторяют три раза – даже у собаки появится отвращение”. Это бытовое понимание хорошей речи поддерживается еще одним коммуникативным качеством.

8) Фразеологизмы о коммуникативном качестве «краткость»

Значимость краткости речи представлена в разных русских ФЕ. Так, паремия *Недолгая речь хороша, а долгая – поволока* дает прямую положительную оценку коротким речам. Через лексему *поволока* (пелена, завеса, покров, пелена, дымка, вуаль, полог [Александрова 2001: 320] образ соотносится с

природно-ландшафтным кодом культуры и символизирует состояние неясности, смешанности мыслей, которое возникает у слушателей, когда кто-то говорит очень долго. «Образ идиома образуется метафорой, уподобляющей появление тумана внесению неясности в разговоре» [БФСРЯ: 455]. Через прием контраста короткая (краткая) речь противопоставляется длинным, долгим речам (Долгий – «Продолжительный, длительный» [ТСОШ: 207]. Пословица *Аркан ценится длиной, а слово – краткостью* выражает данную мысль через сравнение. (Аркан – «Длинная верёвка с затягивающейся петлёй на конце для ловли животных» [ТСОШ: 19]). Для ловли животных важна длина аркана, а слово, напротив, ценится краткостью и информативностью. Ср. также: *Хороша веревка длинная, а речь короткая*. Длинная верёвка помогает в работе, а длинная речь только запутывает содержание.

Без дальних слов (разговоров) – “1. Не говоря, не рассуждая много, не теряя времени на разговоры” [ФСРЛЯ: 625]; *Без лишних слов (разговоров)* – “1. Не говоря, не рассуждая много, не теряя времени на разговоры” [ФСРЛЯ: 625]. В толковании маркер *много* свидетельствует, на наш взгляд, о коротком разговоре. Лексема *лишний* – “Ненужный, бесполезный” [ТСОШ: 412] и ее контекстный синоним *дальний* передают норму – не говорить ни о чем постороннем, не удлинять разговор без надобности.

В таких ФЕ, как *На два слова* – “Для короткого разговора, сообщения (обычно значимого для говорящего, собеседника)” [ФСРЛЯ: 625]; *В двух словах* – “Очень кратко, сжато, без подробностей (говорить, писать и т.п.)” [ФСРЛЯ: 626] объяснять (объяснить), рассказывать (рассказать) и др., краткость передается с помощью числительного *два*, которое символизирует малое количество: первоначально *два* было обозначением минимального числа в счете, так как понятия единицы как более абстрактного вначале не было [ШЭСРЯ 2002: 67].

По данным русской фразеологии, «краткость» ценна не столько сама по себе, сколько как основание других положительных свойств речи. Так, краткая речь соответствует содержательности *Коротко и ясно, оттого и прекрасно; Коротко сказано, да много высказано; Коротко да ясно – длинно да ужасно*. Аналогичные

смыслы встречаются в китайской фразеологии: *言簡意賅* – досл. “Слова лаконичны (просты), а мысль полна”; *长话短说* – досл. “Длинные предложение надо кратко говорить”.

Краткая речь считается хорошей, тем самым, пересекаясь с выразительностью: *Слова хороши, если они коротки; Хорошая речь коротка.*

Краткое слово в наивном языковом представлении является знаком мудрости (*Мудра голова – короткий язык; Не много говорит, да много смыслит*), остроумия (*Краткость – душа остроумия*) и даже соотносится с талантом (*Краткость – сестра таланта*). Краткость речи всегда высоко оценивается.

Выводы

Проведенный анализ фразеологических единиц в культурно-речевом аспекте показывает, что предметом характеристики в тематическом поле *коммуникативного поведения* являются феномены языка и речи.

В русской языковой традиции осмысляются наиболее значимые с культурно-речевой точки зрения функции языка – коммуникативная и воздействующая.

Ценность языка как средства общения доказывается в русской фразеологии через способность человека к речевой деятельности. Фразеологизмы утверждают преимущество языка перед невербальным общением. Люди, затрудняющиеся в словесном выражении своих мыслей и прибегающие к объяснению жестами или движениями, осуждаются.

В русской фразеологии находит подтверждение национальная особенность русского народа – большая значимость и ценность общения.

Фразеологизмы, подчеркивая воздействующую функцию языка, представляют его в качестве связующего звена между людьми в процессе взаимодействия. Анализ ФЕ показывает, что язык, с одной стороны, может оказывать положительное влияние на жизнь человека, с другой стороны, он может причинить ему множество неприятностей. Воздействующая функция представляется чрезвычайно важной в языковой традиции, о чем свидетельствует

большое количество фразеологизмов (81 ФЕ). Однако она получает амбивалентную оценку во фразеологии. Амбивалентность является одним из знаков человеческой реальности, можно сказать, – это правило одновременности противоположных отношений, чувств, эмоций и т.п. С одной стороны, словом можно вылечить, успокоить, утешить человека, с другой стороны, словом можно убить, обидеть, оскорбить его (*От слова спасение, от слова и погибель; Слово лечит, слово ранит*).

Культурно-речевые принципы общения закреплены во фразеологии посредством характеристики коммуникативных качеств речи.

Анализ фразеологических единиц со значением *коммуникативного поведения* показал, что нормативными в русском языковом сознании традиционно признаются следующие коммуникативные качества речи: правильность, точность и ясность, логичность, выразительность, уместность, чистота, содержательность и краткость.

Правильность речи во фразеологии представлена как характеристика фонетической / артикуляционной стороны речи, которая, тем не менее, имеет большое значение для коммуникации. Нарушение / искажение внешней стороны речи, неправильное произношение или непривычные, трудно выговариваемые звуки нарушают или затрудняют коммуникацию, приводят к неэффективности других коммуникативных качеств речи, поэтому все ФЕ этой группы обладают отрицательной коннотацией. Фразеологизмы, как правило, не разграничивают качества точности и ясности речи, которые оцениваются как одно из ведущих коммуникативных качеств, способствующих успешности коммуникации. Русские фразеологизмы предупреждают, что отсутствие логики в речи коммуниканта может стать причиной недоступности речи для восприятия и понимания адресата. Высоко оценивается русским наивным сознанием и выразительность речи. Тот, кто хорошо умеет говорить, будет иметь желательный результат общения. Фразеологизмы подсказывают, что коммуникативное поведение должно соответствовать времени и обстоятельствам – в этом проявляется требование уместности.

Большое место во фразеологии отводится чистоте речи, которая связывается с этическими нормами. Грубые слова и брань в соответствии с языковой традицией в общении не допускаются, так как брань рассматривается как отклонение от этической нормы. Тем не менее в ФЕ отражается амбивалентность качества чистоты речи, и это свидетельствует о противоречивом отношении к брани в русском сознании, которое является национально специфичным. По данным китайской фразеологии, грубость и брань оцениваются только отрицательно.

Наши материалы позволяют выделить такое коммуникативное качество речи, как содержательность. В русской фразеологии утверждается важность информативной речи и осуждается бессодержательная речь и пустословие.

Все коммуникативные качества речи обладают прозрачной мотивировкой и всегда оцениваются положительно во фразеологии, что свидетельствует о достаточной четкости представлений о данных качествах речи в народном сознании.

В основе образности ФЕ лежат метафорические и метонимические переосмысления, отражающие особенности национальной картины мира. В русском языке для характеристики феноменов языка и речи метафорическому переосмыслению чаще подвергаются номинации животных (*сорока, соловей, волка, собака*), частей тела (*рот, бровь, глаз, уши*), оружия (*стрела, копье, меч*), предметов быта (*ключ, стяг, рычаг, мочалка, письмо*), природных явлений (*туман, тень, смола*), а в китайском языке в качестве коррелятов метафоры часто выступают названия растений (*лотос, дерево*), природных явлений (*река, мороз*), животных (*собака*) и частей тела (*зубы, рот, язык*).

Данные фразеологии позволяют создать портрет хорошей речи, соответствующей, по обыденным представлениям русских, нормам общения. Идеально нормативная речь должна быть организована в соответствии с качествами точности, ясности (13 ФЕ), логичности (19 ФЕ), выразительности (28 ФЕ), содержательности (132 ФЕ) и краткости (29 ФЕ). Она должна быть чёткой и внятной (14 ФЕ), отвечать целям, условиям и времени общения (45 ФЕ).

Коммуникант в целом должен избегать грубых высказываний (115 ФЕ), однако нарушение качества чистоты прощается языковым коллективом. В результате проведенного анализа обнаружилось, что наиболее значительными показателями коммуникативного качества речи являются качества «чистоты» и «содержательности», в которых проявляется большое значение для общения русского народа этической нормы и информативности.

Глава 3. Нравственно-прагматический аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении

Коммуникативный акт как коммуникативно-прагматическая модель языкового функционирования организуется его участниками, поведение которых образует интеракцию. Речевое взаимодействие партнеров по коммуникации в диалоге, коммуникативное поведение каждого из участников, соблюдение / несоблюдение ими коммуникативных правил и традиций обеспечивает взаимопонимание / непонимание коммуникантов. ФЕ, как уже было сказано, характеризуют коммуникативное поведение партнеров в разных аспектах. Цель данной главы – на основе анализа ФЕ выявить предписанные коммуникантам этические нормы коммуникативного поведения, опирающиеся на моральные ценности.

3.1. Коммуникативные позиции адресанта и адресата

«Центральными при любом подходе к построению модели коммуникативного акта являются понятия говорящего и адресата» [Почепцов 1987: 26] представляющие собой базовый набор коммуникативных ролей общения. Для обозначения участников речевого акта в современной научной литературе используются различные номинации: *адресат* и *адресант* (Д. Х. Гулямова, Е. С. Квон, И. М. Кобозева и др.), *говорящий* и *слушающий* (М. Я. Блох, Т. Г. Винокур, Г. Г. Почепцов, Т. В. Чернышова, И. В. Труфанова и др.), *отправитель* и *получатель* (П. В. Варнавских, Л. А. Моисеенко и др.) и др. Каждая пара терминов акцентирует разные аспекты деятельности коммуникантов. В данной главе мы пользуемся терминами *адресант* и *адресат* и обращаемся к анализу зафиксированных в ФЕ нравственно-прагматических установок.

Адресант (отправитель, субъект речи) «инициирует речевую интеракцию,

прогнозирует ее развитие и желаемый тип воздействия на адресата и перлокутивный эффект; с его реплики начинается развертывание речевого общения при диалоге, он служит отправной точкой референции и фиксации пространственно-временных координат высказывания и текста, и он распоряжается в речевом режиме всей системой дейктических средств» [Николова 2005: 118].

Цель адресанта включает в себя следующие моменты: «сообщить новую смысловую, эмоциональную и другую информацию; выразить оценку и отношение к действительности; спросить о чем-либо, побудить собеседника к чему-то, дать руководство к действию, убедить в чем-либо, произвести впечатление на адресата, доставить ему удовольствие, выразить свое к нему отношение» [Формановская 1989: 15].

Не менее важным компонентом структуры любого коммуникативного акта является адресат. С точки зрения М. М. Бахтина, обязательным свойством любого высказывания является его «обращенность», «адресованность», то есть в отсутствие слушающего нет и говорящего, в отсутствие адресата нет и адресанта [Бахтин 1986: 295]. И сам адресант ориентирован именно на активное ответное понимание: «он ждет не пассивного понимания, <...> но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т. д.» [Там же: 260].

Диалог – это постоянный обмен не только высказываниями (репликами), но и коммуникативными ролями держателя речевой инициативы и контролера реализации чужого и своего высказываний. Принимая участие в коммуникативной деятельности, каждый участник коммуникации оказывается включенным в обилие коммуникативных процессов, выступая то отправителем, то получателем сообщений, т. е. в процессе общения роли адресанта и адресата чередуются – адресант становится адресатом, а адресатом – адресантом. Такая смена ролей коммуникантов происходит по несколько раз: речевая деятельность ставит участника коммуникации то «в позицию порождающего речь», то «в позицию ее воспринимающего» [Кубрякова 1986: 33. Также см.: Абелева 2004].

Коммуникативная роль адресата может определять коммуникативное

поведение адресанта; иными словами, адресат может «влиять на развитие дискурса с точки зрения его соответствия или несоответствия условиям общения» [Винокур 2005: 70].

Адресант и адресат в коммуникации пользуются одним и тем же языком, но, по мнению Ю. М. Лотмана, язык как знаковая система передачи информации не всегда обеспечивает идентичность кода, потому что для успешности коммуникации требуется еще единство языкового опыта, «единство представлений о норме, языковой референции и прагматике» [Лотман 1996: 14]. Иначе говоря, коммуниканты не только должны владеть одним и тем же языком, располагать фоновыми знаниями, в которые входят «общечеловеческие» знания, «региональные» сведения и «страноведческие» знания, которыми располагают все члены определенной лингвокультурной общности [Верещагин, Костомаров 1990: 126], но они должны учитывать и ряд компонентов культуры, которые несут национально-специфическую особенность (традиции, обряды, обычаи, привычки и др.)

Коммуникативное поведение адресанта и адресата, выступающих в коммуникативном акте доминантными категориями, реализуется во взаимодействии интенций обоих участников. Направленность сообщения в коммуникации как средство достижения поставленной цели организуется совместными строго координированными действиями адресанта и адресата. Баланс общения, удовлетворяющий собеседников, поддерживается взаимной корректировкой речевых действий, соответствующих «принципу сотрудничества» (П. Грайс). Данный принцип проявляется в стремлении к кооперации с позиции адресанта, и в допущении такого стремления адресанта, демонстрированное в «интерпретации», получаемой адресатом [Грайс 1985: 233].

В своем коммуникативном поведении адресант обязан продемонстрировать, что он знаком с коммуникативными нормами, правильно оценить действия адресата и выбрать необходимые тактики общения. Одновременно условием успешного коммуникативного поведения адресата является наличие достаточного объема информации о данной конкретной ситуации, о правилах и нормах общения

в данной культурной среде и т. д. По мнению исследователей, соблюдение норм общения – это учет в интеракции следующих компонентов: «ориентировка в ситуации общения»; «соответствие собственным социальным признакам»; «действие по правилам коммуникативных ролей говорящих и слушающих»; владение «стилистическими нормами», «устными и письменными формами общения»; «умение общаться контактно и дистантно»; «владение невербальными средствами общения» [Формановская 1989: 43].

По мнению Ц. Тодорова, «языковые правила, обязательные для всех носителей языка – это лишь часть правил, управляющих производством конкретной речевой продукции»; их существенно дополняют, «с одной стороны, правила, присущие каждому дискурсу в отдельности: официальное письмо составляют иным образом, нежели письмо интимное; а с другой – ограничения, которые накладывает ситуация высказывания: личность адресанта и адресата, условия места и времени, в которых возникает высказывание» [Цит. по: Тюпа 2011: 32].

Таким образом, адресант и адресат, будучи равнозначно активными участниками общения, осуществляют коммуникативную деятельность с учетом коллективных представлений о правилах, регулирующих общение.

Нормы коммуникативного общения обычно интерпретируются в рамках сформулированных П. Грайсом «максим» [Грайс 1985], дополненных правилами Р. Лакофф, Дж. Лича и др. Т. В. Шмелева [Шмелева 1983] описала «кодекс речевого поведения» [Шмелева 1983], где были сформулированы «13 правил “элементарной” части» [Там же: 72].

П. Грайс исходил из того, что все коммуниканты заинтересованы в эффективности достижения общей для них цели, и выдвинул идею о том, что в основе коммуникации должен лежать определенный принцип, управляющий этим процессом и соблюдаемый всеми коммуникантами. Это положение носит название *принципа кооперации или сотрудничества* [Грайс 1985: 222]. Принцип сотрудничества реализуется в максимах, сформулированных П. Грайсом в форме общих норм поведения кооперативных партнеров в коммуникативной ситуации. С

одной стороны, данные нормы в определенной степени ограничивают поведение адресанта, а с другой стороны, они создают базу, на основе которой адресат может расшифровывать смысл речи собеседника при условии соблюдения им принципа кооперации. П. Грайс выделил четыре вида максим – количества, качества, релевантности и манеры речи, представляющих собой совокупность более частных правил, регулирующих поведение коммуникантов [Грайс 1985].

Однако в реальном повседневном общении максимы Грайса часто нарушаются, поскольку они определяют, как должна формироваться речь, а не как она реально осуществляется. Как показали более поздние исследования, в действительности управляют речью более сложные и действенные механизмы [Земская 1997]. В повседневной реальности социально-коммуникативный, этикетный, моральный момент оказываются не менее важными, чем логический / рациональный аспект. В любой лингвокультурной общности этикет рассматривается как устройство норм речеповедения, устройство «разрешений и запретов, организующих в общем морально-нравственные нормы» [Формановская 1989: 44–45], т. е. коммуниканты руководствуются в общении и другими максимами – эстетического, морального или социального характера [Грайс 1985].

Робин Лакофф развивает сферу применения максим П. Грайса с учетом не столько информативности общения, сколько его прагматико-этический аспект. «Должны быть какие-то прагматические правила, указывающие, корректно или нет с точки зрения прагматики оформлено высказывание и насколько оно отклоняется от нормы» [Lakoff 1973: 296].

Автор выделяет два правила, которые носят название *правила прагматической компетенции*:

1. Излагайте свою информацию ясно.
2. Будьте вежливы.

По ее мнению, все максимы Грайса соответствуют ее первому правилу. Р. Лакофф отмечает, что «коммуникация, строго подчиненная данным постулатам, была бы скучной и формальной, вследствие чего в повседневном общении эти правила постоянно нарушаются» [Цит. по: Ларина 2009: 154]. И, чтобы

коммуникация была успешной, в действие вступает второе правило – «будьте вежливы», которое включает частные требования: «не навязывать себя и свои желания собеседнику; предоставлять собеседнику возможность выбора; быть дружелюбным» [Там же].

Предполагается, что эти два правила применяются в зависимости от ситуации общения, оцениваемой адресантом.

Развернутая теория вежливости разработана Дж. Личем [Leech 1983]. В полной мере поддерживая П. Грайса, Дж. Лич формулирует более широкую интерпретацию принципов в русле прагматики. Принцип вежливости как основной прагматический фактор в общении регулирует «социальное равновесие и дружественные отношения» и позволяет предложить, что собеседник не уклоняется от сотрудничества [Цит. по: Ларина 2009: 155].

Несмотря на то что когнитивные основания принятых норм коммуникативного поведения в целом универсальны, конкретные правила имеют специфику в зависимости от культурной, социальной и языковой среды. Так, китайский ученый Гу Юэго описал 4 основных признака китайской вежливости: уважение, скромность, доброжелательное отношение, изысканность манер [Гу Юэго 1992].

Таким образом, принципы сотрудничества и вежливости представляют собой идеальные модели, то есть наиболее рациональный способ представления фактуальной информации и морально-комфортного коммуникативного поведения. Вместе с тем необходимо признать, что, хотя принцип вежливости направлен на соблюдение интересов адресата, он не учитывает особенности его речевого поведения, т. е. адресат фактически приравнивается к говорящему [Азнабаева 1998]. Процесс коммуникативного поведения с начала его образования до его завершения осуществляется именно «при наличии ответных регулятивных действий восприятия и согласия» [Романов 1988: 95]. Выше мы говорили, что в процессе диалогического общения амплуа участников коммуникации постоянно меняются, возникают «альтернирующие цепочки» [Зайцева 1998: 10]. Иными словами, контроль над соблюдением правил коммуникативного поведения должен

осуществляться как адресантом, так и адресатом [Шилова 1998].

При описании общих норм, которыми руководствуются участники коммуникации, в научной литературе используются различные термины: *нормы, правила, принципы, постулаты, максимы* и др. Мы принимаем в качестве рабочего термина для описания нормативной составляющей коммуникативного поведения термин *максима*. «Максима (от лат. *propositio maxima* – высший принцип) – всеобщее жизненное правило, субъективный принцип воли, краткое изречение» [Вики Чтение: <https://slovar.wikireading.ru/1662444>]; «моральное правило, имеющее предельную степень общности и обязательности (в изначальном смысле – всеобщий принцип поведения). Именно так понятие максимы употреблялось в моральной философии... Максима может быть выражена в констатирующей, поучительной или ироничной форме» [НФЭ: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fb6dd80327f8c2096bb>].

В данной работе мы понимаем максиму как прагматическую установку, конвенциональный принцип коммуникативного поведения личности. Максима гарантирует надежность, стандартность и общепризнанность коммуникативного поведения, учитывая при этом национально-культурную специфику. Она проявляется в том, что адресант стремится выбрать корректную форму выражения своего коммуникативного намерения, адекватную параметрам ситуации коммуникации, а адресат «одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т. п.» [Бахтин 1986: 291].

Этические максимы как нормы коммуникативного поведения представлены в ФЕ и являются универсальными правилами для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

3.2. Этические максимы коммуникативного поведения адресата и адресанта

В процессе коммуникации оба участника должны позаботиться «о поддержании своего коммуникативного престижа» [Шмелева 1983: 75]. Регулятором любой коммуникации выступают нравственные категории, представляющие собой национально специфический мировоззренческий комплекс. Прагматические установки ФЕ, представляя собой систему норм обыденного общения, соотносятся с такими моральными ценностями русской картины мира, как правдивость, искренность, скромность, доброжелательность, уважительность.

Максима правдивости

Правдивость, или правда, – одна из самых важных морально-коммуникативных ценностей – в русской фразеологии противопоставлена лжи и обману. П. Грайс в числе максим, реализующих принцип сотрудничества, выделяет максиму *качества*, которая характеризует достоверность речи [Грайс 1985: 222]. Успешность коммуникации зависит от требования «говорить правду». С философской точки зрения различаются правда и истина. Мы познаем истину, а понимаем правду. «Правда является такой истиной, которая получила субъективную оценку, моральную санкцию общества. При осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды» [Соколов 2001: 60]. Правда – «истина на деле, истина во образе, во благе» [Даль 2014: 4996]. Н. Д. Арутюнова доказывает, что понятие *правда* русском языке объединяет два разнонаправленных отношения: «Ср.: *говорить (знать) правду* и *судить (поступать) по правде, следовать стезею правды*. Два разных и разнонаправленных отношения – отношение суждения (высказывания, текста) к действительности и отношение действия (поведения) к норме – соединяются в одном концепте» [Арутюнова 1995: 53], что нашло отражение и в идиоматике: *Молвя правду, правду и чини*.

Мы анализируем только ФЕ со значением «говорить правду / действовать по

правде». Эта группа представлена большим количеством ФЕ и паремий.

Большинство побудительных ФЕ включает лексемы *правда* или синонимы *не ложь, обман*. Прямые прескрипции констатируют данную норму как обязательную для выполнения всеми коммуникантами: *Хлеб-соль ешь, а правду режь; Пей да ешь, а правду режь; Резать (рубить) правду-матку (в глаза) кому – “Одобр. говорить прямо, резко, ничего не скрывая, не смягчая” [БФСРЯ: 586].* В образе фразеологизма правдивая речь метафорически уподобляется острым предметам и представляется через деструктивную лексику – “резать” или “рубить”. «Матка (мать) с древнейших времён символизирует изначальную суть всех вещей. Жить, поступать по правде значит жить честно, правильно, как завещал Господь» [БФСРЯ: 586]. Однако этот же образ используется в идиоме с отрицательной коннотацией: *Рубить сплеча* – “Неодобр. Быть резким в суждениях, говорить прямо, резко, не считаясь ни с кем и ни с чем” [ФСРЛЯ: 578], т. е. в коммуникативном поведении, в соответствии с наивным представлением, важным оказывается чувство меры.

Ряд ФЕ оформляется как прямые прескрипции для коммуникантов и предписывает запрещение обмана: *Говори рьяно, да без обмана*. В запретительно-побудительных ФЕ утверждается, что тот, кто не обращается ко лжи, живет счастливо и нравственно: *Делай не ложью – всё выйдет по-Божью; Живи не ложью – будет по-Божьему (по Божью); Не делай ложью – всё выйдет по-Божью*. Сходную идею выражает и китайская фразеология: *煮饭要有米, 说话要有理* – досл. “Готовить обязательно с рисом, говорить обязательно правду”; *说真话的人, 才算忠诚* – досл. “Тот, кто говорит правду, является настоящим честным человеком”.

Самооценка правдивости речи выражается во фразеологизмах оценочными суждениями-рефлексивами [Ведрева 2005]: *По правде говоря (сказать)* – “Говоря откровенно, искренне (употребляется при подчеркивании правильности, истинности сказанного, утверждаемого)” [УФСРЯ: 178]. То же самое значение также выражается в таких идиомах: *Правду (говоря) сказать* – “Употребляется для того, чтобы подчеркнуть достоверность, истинность сказанного” [УФСРЯ: 178].

Максима правды мотивирована совестью, которая относится к числу важнейших нравственных концептов [Верещагин, Костомаров 2005; Муфазалова 2011]. На их взаимообусловленность указывают ФЕ с лексемы *совесть, сердце*: *По чистой совести говорить* – “Откровенно, искренне, честно” [ФССРЯ: 301]; *По совести говоря (сказать)* – “Говоря откровенно, искренне признаюсь (употребляется при подчеркивании правильности, истинности сказанного, утверждаемого)” [УФСРЯ: 178]. Совесть в народном понимании – основополагающее качество человеческого характера.

Положа руку на сердце – “Говорить, заявлять, отвечать, спрашивать, называть и т. п. Откровенно, правдиво говорить” [ФССРЯ: 318] и т. п. Сердце в русской наивной картине мира является средоточием внутреннего мира человека; соответственно, оно выступает как ядро духовной жизни человека [Михайлова 1998; Романова 2007]. В человеческом сознании сердцу свойственно представление о ценности [Зубров 2009]. Значимость правдивости для коммуникативного поведения личности передается во фразеологии и через связь этой максимы с концептом честь (честь – «1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя» [ТСОШ: 1090]), который для русского человека также является ключевым: «честь представляет собой «один из главных атрибутов личности, является нравственной “драгоценностью”» [Спивакова, Спивакова 2014: 135], которую «люди оберегают» и «боятся потерять» [Там же: 139]. Она всегда выступает как «мерило человечности, доброты, нравственности» [Кажигалиева 2012: 58]; *По чести говоря* – “Сообщая всю правду, без утайки, всё как есть” [ФСРЛЯ: 142]; *Честно говоря* – “Сообщая всю правду, без утайки, всё как есть” [ФСРЛЯ: 142]. Совесть и честь, вместе взятые, определяют линию поведения человека.

Соблюдать максимум правдивости возможно, только если есть достоверные основания, т. е. правдивость обусловлена необходимостью сообщать только то, что хорошо известно. Это правило также находит отражение в русских ФЕ как прескрипция: *Знаючи говори, а не знаючи молчи; Где не бывал, о том не сказывай;*

и т. п.

Чтобы соблюсти максимум правдивости, не нужно говорить много: *Чтобы правду сказать, много слов не нужно; На правду мало слов: либо да, либо нет.* Лишние слова часто свидетельствуют о неверной информации, ложных суждениях: *Где много слов, там мало правды; Мало правды в том, из кого сыплется много слов; Слишком много слов топит правду.* Ср. сходное китайское выражение: 饶舌调唇 – досл. “Длинный язык мешает правду с ложью”.

Максима правдивости соотносится в ФЕ с прямотой, которая представлена прямыми прескрипциями: *Не говори обиняком, говори пряником; Хоть и косо сел – говори прямо; Без обиняков* – “Открыто, прямо, откровенно, без намёков и недоговоренностей (спрашивать, говорить и т. п.)” [ФСРЛЯ: 424]; *Без околичностей* – “Откровенно, прямо, не прибегая к намёкам (спрашивать, говорить)” [ФСРЛЯ: 435]. Аналогичные ФЕ есть в китайском языке: 直言不讳 – досл. “Говорить без обиняков”; 开门见山 – досл. “Открыть дверь и увидеть горы” – в знач. “Говорить пряником” и т. п. Характерно сопоставление правды с прямым путем: *Прямым путем по кривой не ездят; околицей прямо не ездят.*

Получает отрицательную оценку поведение, когда коммуниканты говорят намеками. Такое речеповедение соотносится с игрой, загадками, прятками и т. п., где эти образы выступают метафорическим переосмыслением неправдивости: *Играть словами* – “За содержанием высказанных слов стараться скрыть истинную суть дела” [ФСРЛЯ: 266]; *Говорить обиняками* – “Говорить намеками, с помощью недомолвок, иносказаний” [БСРП: 133]; *Играть в загадки (в жмурки)* – “Говорить намеками, недомолвками; высказываться неясно, туманно” [ФСРЛЯ: 265]; *Играть в прятки (в жмурки)* – “Неодобр. Скрывать, утаивать, вводить в заблуждение” [БФСРЯ: 255] и др. Образы фразеологизмов соотносятся с «собственно человеческим кодом культуры». В основе образов лежит метафора, «уподобляющая действие, направленное на утаивание информации, фактов, мнений, занятию, служащему для развлечения, забавы, т. е. игре, в которой основная задача – спрятаться или спрятать что-л. так, чтобы нельзя было отыскать, найти» [БФСРЯ: 256].

Максима правдивости в русской фразеологии подается и в форме рекомендации, и через запрет, т. е. в рамках оппозиции правда / ложь, обман. Есть ФЕ, которые утверждают невозможность сосуществования правды и лжи: *Правда с ложью не дружат; Коли не врет, так правду говорит; Правда лжи не любит*. Однако есть и такие ФЕ, в которых утверждается их взаимосвязанность, неразделимость: *Не будь правды, не стало бы и лжи; Не солгать, так и правды не сказать*.

Фразеологизмы, характеризующие этическую норму правдивости, чаще выражают оценочное отношение людей к ней. Правдивое слово эксплицитно получает высокую оценку, так как оно становится силой в воздействии на окружающих: *Правдивое слово – сила; Сила слова в правде*. Однако к правде нужно серьезно относиться: *Правда шутки не любит; С правдой шутить – что с огнем*. В последнем примере сравнение с образом огня подчеркивает разрушительную для коммуниканта силу неправдивых высказываний. Сила правдивого поведения в том, что адресат все равно узнает правду: *Все минется, одна правда останется; Правды, что шила в мешке, не утаишь; Как ни хитри, а правды не перехитришь*.

В межличностном общении не всегда легко быть правдивым, но во фразеологическом фонде приветствуется смелость правдивого слова: *Доброе дело – правду говорить смело; Не стыдись говорить, коли правду хочешь объявить*. Аналогичные ФЕ есть и в китайском языке: *肚子有病话就软, 有了真理胆就壮* – *досл.* “Тот, у кого болит живот, говорит вяло, бессильно, а с правдой говорит смело”.

Неправдивое речевое поведение рассматривается как ситуация обмана и получает отрицательную оценку в ФЕ, поскольку оно может не только усложнить процесс общения, но и нанести вред самим коммуникантам: *Кто правды не скажет, тот многих свяжет; Когда правды нет в сердце – слова пусты*. Паремия *Насыпать с три короба* (“Содержание чьих-л. слов не вполне соответствует реальной действительности” [БФСРЯ: 455]) метафорически характеризует “короб” – «Лубяное или берестяное изделие для укладки, носки чего-н.» [ТСОШ: 367]. «В прошлом в коробах мелкие торговцы разносили товары. Таких торговцев называли

коробейниками. Уговаривая покупателей, коробейники нередко преувеличивали достоинства своих товаров. Символический смысл короба – множество разного рода домыслов или посулов. Компонент *три*, соотносимый с числовым кодом культуры, издавна воспринимается как средство магически-ритуального усиления» [БФСРЯ: 455].

ФЕ выражают негативное отношение ко лжи, и человек, который лжет, оценивается отрицательно: *Ложь не красит человека; Ложь и обман вравне ненавистны.*

Для характеристики лживого человека в ФЕ часто используется сложноподчиненное предложение с придаточным меры и степени, выражающим усилительное значение: *Так врет, что с души прет; Так врет, что уши вянут, что в глазах зеленил; Так соврет, что не знаешь, как и быть; Так врет, что ни себе, ни людям передышки не дает; Так врет, что под ним ни одна лавка не устоит* и др. Образы, лежащие в основе ФЕ, экспрессивно характеризуют коммуникативное поведение, не соответствующее максиме правдивости.

Во фразеологии ложь и ее последствия оцениваются в разных аспектах. Ложь не может долго существовать, она появилась на мгновение и быстро исчезла: *Что лживо, то и гнило; Ложь что мелкая монета: на нее долго не проживёшь; Ложь не живуча; Вранью короткий век.* И ложь, в представлении обыденного сознания, всегда раскрывается, всплывает, поэтому в пословицах используется образ некрепкой опоры: *У лжи короткие ножки* (на коротких ногах далеко не уйдешь); *Ложь на глиняных ногах ходит* (глина – непрочное вещество, изделия из нее легко ломаются); *Ложь на тараканьих ножках, того и гляди подломятся* (лапки насекомого очень тонкие и слабые). В отличие от правды, которая крепка: *Ложь на одной ноге стоит, а правда на двух.*

Ложь часто причиняет вред окружающим: *На лжи правды не вырастишь; Вранье не введет в добро.* Ложь может не только причинить ущерб адресату, но и подорвать репутацию адресанту, так как он лишается доверия: *Раз солгал, а на век лгуном стал; Со лжи люди не мрут, а вперед им не верят; Соврешь – не помрешь, да вперед не поверят; Кто любит лгать, того нельзя за друга принять* и др.

И такое же отношение ко лжи в китайском языке: *一次说了谎， 到老人不信* – *досл.* “Один раз обманешь до старости не поверят”.

Однако отношение к требованию правдивости, по данным фразеологии, в русском наивном сознании неоднозначно. Многочисленные наблюдения за коммуникативным поведением показывают, что безоговорочная правдивость в речевом акте часто нежелательна и не всегда обуславливает эффективное общение, так как не каждый готов ее принять, ибо правда способна нарушить привычные установления, мнения, может нести неприятную для определенного лица информацию и нередко становится фактором нарушения взаимоотношения между коммуникантами [Гак 1995]. В ФЕ проводится мысль о том, что правду не всегда и не всем приятно выслушивать: *Всяк правду хвалит, да не всяк ее сказывает; Всяк про правду трубит, да не всяк ее любит.*

Русские фразеологизмы предупреждают, что следствием правдивости коммуниканта может стать обида, раздражение и даже ненависть окружающих: *Правды не говори – постыл не будешь; Правду говорить – милу не быть; Правду говорить – никому не угодить; Правду говорить – себе досадить; Правду говорить – многим досадить; Правда ненависть родит.*

Кроме того, безоговорочная правдивость в межличностном общении часто трактуется ФЕ как препятствие для дружбы: *Говорить правду – терять дружбу; Правду говорить – друга не нажить; Правда дружество портит; Не говори было правды – не потерять было дружбы; Не говори правды – не теряй дружбы и др.*

Опасность безоговорочной правды в русской фразеологии характеризуется через образы предметов, причиняющих вред, – острого орудия, жалящего насекомого: *Правда всем глаза режет; Правда глаза колет; Правда уши дерет;* и образы агрессивных животных: *Правда как оса: лезет в глаза.*

В китайской традиции также правдивые слова не всегда и не всем приятно слушать, и эта мысль представлена следующими фразеологическими единицами: *忠言逆耳* – *досл.* “Правдивые слова режут слух”; *真理不一定是顺耳的* – *досл.* “Человеку может быть неприятно выслушивать правду”.

Правда считается вредной и бесполезной, когда она нарушает гармоничное состояние человека. В этой ситуации ложь оказывается спасительной: *Лучше ложь ко спасению, нежели правда к гибели; И ложь иногда во спасение; Сладкая ложь лучше горькой правды.*

И, тем не менее, даже если правда тяжела и неприятна, всегда лучше знать ее, чем обманываться: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*, так как ценность правды заключается в единственности и постоянстве: *Лжи много, а правда одна; Ложью как хочешь верти, а правде путь один.*

По данным ФЕ ложь во многом схожа с клеветой (Клевета – «Порочащая кого-что-н. ложь» [ТСОШ: 338]). Они обе несут неверную информацию, оказывают губительное воздействие на человека, они часто отображаются вместе: *Ложь бывает и спроста, а клевета – всегда с умыслом.*

Клевета не содержит правдивой информации, и вследствие этого клевета может повредить репутации человека. Во фразеологии клевета считается грехом, за который будет расплата: *Клеветники на том свете раскаленные сковороды лижут.*

Клевета вызывает негативные чувства и оценивается однозначно, поэтому в русской культуре клевета часто ассоциируется с черным, грязным предметом, таким как “уголь”, “сажа”: *Клевета что уголь: не обожжет, так замарает.* Образ ФЕ восходит к природно-вещному коду культуры.

Другой образ, через который характеризуется клевета, – это различные виды оружия: пистолет, стрела и т. п.: *Клевета что стрела: человека разит; Злые языки страшнее пистолета.*

В ФЕ через зооним змея характеризуется клеветник: *Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь; Клевета как змея подкрадывается.* Змея в русской культуре символизирует собой хитрость, коварство и зло.

В китайском языке коммуникативное поведение клеветника как нравственная нечистота уподобляется действиям человека, преднамеренно обливающего собеседника нечистотами, что передается через образ *кровь*: 含血噴人 досл. – “Плевать на людей кровью”.

Таким образом, русская фразеология содержит максимум правдивости, которая получает положительную оценку и противопоставлена лжи и клевете как этически ненормативному поведению.

Максима искренности

В русском общении безусловной ценностью обладает искреннее коммуникативное поведение (Искренний – «Выражающий подлинные чувства; правдивый, откровенный») [ТСОШ: 306]. «Искренность, честность и правдивость участников общения относятся к их личным достоинствам и представляют ценностную характеристику языковой личности, они признаются условиями успешной коммуникации» [Панченко 2012: 127].

Искренность связывается с откровенностью, которая очень ценится в русском общении. Феномен откровенности в русской лингвокультуре неоднократно становился предметом исследования [Прохоров, Стернин 2006; Гладкова 2008]: Откровенность является «одним из форм осознанного проявления искренности, открытости другому» [Наумова 2015: 11]. Она осуществляется в «рамках доверительного межличностного общения, для которого наиболее значимы незаменимость отношений, готовность к самораскрытию, обращенность к партнеру, диалогичность и общность личностных смыслов» [Там же: 5]. В русском бытовом общении есть очень значимый речевой жанр – «разговор по душам» [Дементьев 2010: 140], т. е. откровенный разговор.

Максима искренности отражается в таких нейтральных ФЕ, как *Открывать душу* кому, *перед кем* – “Откровенно рассказывать о своих переживаниях, чувствах, мыслях” [УФСРЯ: 169]; *Изливать (свою) душу* кому, *перед кем*, *в чём* – “Рассчитывая на сочувствие, откровенно рассказывать кому-либо о том, что волнует, беспокоит, наболело” [ФСРЛЯ: 273]. В образе фразеологизмов говорение метафорически уподобляется душе как ценностному объекту [Ведрева 2018: 385].

Максима искренности чаще подается в ФЕ через противоположные качества, которые не приветствуются в русском обыденном общении, – это лицемерие и лесть (Лицемерие – «Поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью» [ТСОШ: 411]. Лесть – «Лицемерие,

угодливое восхваление» [ТСОШ: 404]. Можно сказать, что лесть и лицемерие представляют собой действия, которые совершает личность, скрывающая свои истинные намерения, идущая обманными путями к достижению цели, поэтому все ФЕ, описывающие данное коммуникативное поведение, имеют отрицательную коннотацию.

Лицемерие открыто осуждается во фразеологии: *Дурно в очи хвалить, а за очи хулить*. Метафорически сравнивается со скрытой физической агрессией: *Держать камень за пазухой* (на кого-либо, против кого-либо) — «относиться к кому-либо с затаенной злобой, неприязнью, быть готовым отомстить кому-либо, причинить неприятности, сделать пакость, гадость и т. п.» [Казачук 2004: 186]. Эта ФЕ характеризует неискреннее коммуникативное поведение, что находит подтверждение в речевом употреблении. Например: *Не всегда ясно, но с всегдашним постоянством поддерживал группу Беннигсена наружно почитавший фельдмаршала, но державший камень за пазухой умный, самолюбивый, иронический Ермолов* (Л. Раковский).

В русском сознании лицемерием считается говорить и поступать против совести: *Кривить совестью* – “То же, что кривить душой” [ФСРЛЯ: 322]; *Кривить душой* – “Неодобр. Поступать против совести, лицемерить, быть неискренним, намеренно говорит неправду” [ФСРЛЯ: 322]; *Идти против (своей) совести* – “Поступить вопреки своим нравственным принципам, убеждениям” [ФСРЛЯ: 271].

Русские пословицы негативно оценивают ситуацию, когда за красивыми словами скрываются недобрые намерения. Двойственность лицемерного поведения, несоответствие характера речи / поведения и истинных намерений человека передается конструкциями с противительными союзами и часто актуализируется антонимичными лексемами:

Говорит бело, а делает черно – образы ФЕ соотносятся с цветовым кодом культуры. Белое и черное рассматриваются как самое контрастное сочетание цветов и символизируют крайнюю степень противопоставления. *Говорит прямо, а делает криво*; *Скажет вдоль, а сделает поперек* – образы ФЕ восходят к коду направления и символизируют контрастность красивых речей и хитрого

поведения. В сознании человека, “прямо”, “вдоль” всегда соотносятся с положительным, основным направлением, а “криво”, “поперек” является вторичным, даже отрицательным, препятствующим направлением.

Речи что снег, а дела что сажа – образы ФЕ соотносятся с предметным кодом культуры. Снег, как и белый цвет, всегда рассматривается как чистота, нежность. А сажа – черный, нечистый, грязный предмет, и здесь употребляется для характеристики коварного дела. *Речи что мед, и дела что полынь* – образы ФЕ включаются в пищевой код культуры. Образы “мёд” и “полынь” выступают самыми контрастными вкусами – сладкий и горький, и символизируют сопоставления сладких речей и лицемерного поведения. Кроме того, отрицательная оценка неискренней речи передается в вышеприведенных паремиях через «противопоставление процесса коммуникации трудовой деятельности» [Балашова 2003: 94].

Медовый язык, да каменное сердце – сладкие слова передаются с помощью образа “мёд”, который включается в пищевой код культуры и выступает как эталон сладости. А образ “камень” соотносится с вещным кодом, здесь участвует метафора, основанная на сходстве по аналогии беспощадного намерения с жесткостью и твердостью камня. Близка по смыслу и образам пословица: *На языке мёд, а в сердце лёд*.

Сходным образом характеризуется лицемерие в китайской фразеологии: □ *蜜腹劍* – *досл.* “На устах мед, а за пазухой меч”. Кроме того, в китайской культуре *улыбка* как невербальное поведение не всегда выражает радость или взаимную приязнь. Чувства могут быть совершенно противоположными, как гласит фразеологизм: *笑里藏刀* – *досл.* “За улыбкой прятать нож” – в значении «коварный, двуличный человек». Функция улыбки в этих случаях – быть маской, скрывающей лицемерие.

Лесть как другая форма неискреннего коммуникативного поведения представляет собой ситуацию прозрачного обмана. Под выказываемой любезностью часто «таются ложное расположение и мнимая любовь» [Юриев, Владимирский 1889: 159]. Льстивый человек старается задобрить окружающих и

добиться их расположения ради собственных корыстных целей, поэтому запретительно-побудительные ФЕ с прямыми прескрипциями предписывают человеку воздерживаться от данного неискреннего действия: *Встречай не с лестью, а с честью.*

Льстивое поведение отражается в идиомах через зооморфную метафору: сравнение с поведением животного, которое таким образом выказывает расположение к хозяину: *Вилить хвостом* – “Пренебр. Вести себя подобострастно по отношению к кому-либо; заискивать” (Чем больше собаку гладишь, тем больше хвост виляет) [ФСРЛЯ: 78]; *Стоять (ходить) на задних лапах (лапах)* – “Презр. Угодять кому-л., выслуживаться, угодничать перед кем-л.” [БСРП: 351].

Неискреннее, льстивое поведение передается в ФЕ через образ извилистого движения глаголами *витьяся, извиваться*: *Витьяся вьюном* – “Льстить, подхалимничать, добиваясь чего-л.” [ФСРЛЯ: 78]; *Извиваться ужом* – “Презр. Угодничать, заискивать, льстить” [ФСРЛЯ: 272].

Лесть в русской фразеологии часто передается через пищевые образы сладких продуктов – меда, сахара: *Речи сахарные, а за пазухой камешек; Медом-сахарычем рассыпаться* – “Ирон. Чрезмерно льстить, угодять кому-либо” [ФСРЛЯ: 569]. Льстивые речи метафорически называются *сладкие речи*, а льстивый человек – *Сахар-медович* (Устар. Ирон. О льстивом, слащавом человеке [ФСРЛЯ: 594]). Мёд, сахар выступают эталоном сладости, приятного вкуса. При этом образ ФЕ «выделяется особенно ярко благодаря своей наглядности, открытости пищевого кода для сравнения и интерпретации» [Бочина, Сайулэши 2015: 60].

ФЕ констатируют высокую степень воздействия лести на адресата, которому льстивая речь приятна и доставляет удовольствие: *Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи; Лестью и душу вынимают.* Ср. крылатое выражение из басни И. А. Крылова: *И в сердце льстец всегда отыщет уголок.* Но одновременно ФЕ предупреждают об опасности лести, она способна ввести адресата в заблуждение, и льстивым речам нельзя доверять: *Лестное слово что вешний лед.* Здесь использован природный культурный код – образ непрочного

весеннего льда.

За лестью часто скрывается настоящая опасность, поэтому в ФЕ лесть соотносится с мезьтью, клеветой: *Лесть да мезть дружны; Где льстят, там клеветуют*. Опасность лести часто метафорически передаётся в ФЕ через образ «поедания, поглощения» с помощью лексем “съесть”, “глодать”, “кусать”: *Лесть без зубов, а с костью съест; Лесть словно зубами съест; В ноги кланяется, а за пяты кусает*.

В осмыслении этого аспекта коммуникативного поведения наблюдается гендерное маркирование. Русское сознание приписывает льстивое поведение женщинам: *Женская лесть без зубов, а с костью сглохнет*.

Искренность в русском сознании связана с совестью и идет от сердца, поэтому только такое коммуникативное поведение признается нормативным в морально-этическом аспекте.

Максима скромности

В русской лингвокультуре скромность как морально-этическая норма считается одной из основных ценностей [Кошманова 2007; Просвирнина, Шао Жуй 2013; Просвирнина 2014]. В процессе исторического развития концепт скромность испытал влияние соборной древнерусской общинной народной культуры, христианской культуры с ее идеалами смирения, терпения и прощения, а также дворянской культуры с ее повышенным вниманием к куртуазности.

Максима скромности предполагает сдержанность в обнаружении своих достоинств, заслуг, умение не выдвигать себя в центр; неприятие похвал в собственный адрес. Она направлена на уменьшение собственной выгоды и, соответственно, на увеличение выгоды других. Скромный человек всегда готов жертвовать своими интересами в пользу собеседника. Скромность является самым «началом учтивости» [Юриев, Владимирский 1889: 135].

В обыденном сознании скромность отражена как культурная ценность и имплицитная норма русского коммуникативного поведения. По данным паремий, скромность в коммуникативном поведении может проявляться по-разному.

Так, в общении скромный человек должен говорить немного: *Знай больше, а*

говори меньше; Много знай да мало бай. Ср. Китайские пословицы *谦虚的人大话少, 骄傲的人爱吵吵* – *досл.* “Скромный человек мало говорит, гордый человек любит хвалиться”; *博学的人大话少, 浅薄的人爱吵吵* – *досл.* “Эрудированный человек мало говорит, невежественный человек любит хвалиться”. Тот, кто не скромен и говорит слишком много, в ФЕ сравнивается с пустой бочкой, которая может только звенеть, если по ней ударить, а особого толка нет, коли она пустая: *В пустой бочке и звону много; Пустая бочка пуще гремит.* Образ ФЕ восходит к предметному коду культуры. Близкие по смыслу ФЕ есть в китайском языке: *满壶全不响, 半壶响叮当* – *досл.* “Полный кувшин не гремит, наполовину пустой звенит”.

В китайском языковом сознании становятся заметными достоинства только тех, кто мало говорит и больше молчит, и такие люди привлекают к себе других. Данный смысл выражается в изречении *桃李不言, 下自成蹊* – *досл.* “Персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянувшихся к ним людей”. Скромные люди описаны с помощью образов «персиковые и сливовые деревья с богатыми прекрасными плодами», которые включаются в флористический код культуры.

Скромность как характеризует не отдельный речевой поступок, а способ речевой самопрезентации личности в коммуникативном событии или манеру самоподачи в целом. По данным ФЕ, скромный человек не должен быть высокомерным в общении: *Не смотри высоко, глаза запорошишь.* Ср. сходная китайская ФЕ *眼睛长在额头上* – *досл.* “Глаза находятся на лбу”.

Скромность воспринимается как нейтральный нормальный фон, поэтому отсутствуют ФЕ, характеризующие собственно скромность. Замечаются и негативно маркируются отступления от нее. Нескромным и потому осуждаемым во фразеологии считается похвальба. Повелительные ФЕ с прямыми прескрипциями запрещают себя хвалить: *Не хвали сам себя, есть много лучше тебя; Хвались, да не поперхнись (не подавись)!; Хвались, да назад оглянись!* Ср. Китайские ФЕ: *莫在人前夸海口, 强中还有强中手* – *досл.* “Не хвастайтесь перед

другими, среди сильных ещё есть сильнейшие”. Пусть это сделают окружающие: *Сам не хвались, как люди похвалят*. Сходную идею выражает и китайская фразеология: *痒要自己抓, 好要别人夸* – досл. “Место, где чешется, надо чесать своими руками; а свои достоинства другие похвалят”; *别人夸, 一枝花; 自己夸, 烂冬瓜* – досл. “Другие похвалят тебя, то ты – цветок; а сам себя похвалишь, то ты – прелая зимняя тыква” и т. п.

Только дурак любит похваться, и многие поговорки с данным значением имеют неодобрительную или шутливо-ироническую окраску: *Не тот дурак, кого люди хвалят; тот дурак, который сам хвалится; Хвалу, и честь, и славу – и дурак любит*.

В ФЕ хвастливый человек часто характеризуется через зооморфную метафору: *Хвалилась синица, что море зажжет; Хвалилась кобыла, что с возом горшки побил; Всякая жаба себя хвалит*. Все они имеют неодобрительную или шутливо-ироническую окраску.

Хвастовство до добра и хорошего не доводит. Об этом также говорят ФЕ: *Чем похвалишься (хвалился), тем и подавишься (подавился); Кто хвалился, тот с горы свалился*.

Однако в ФЕ одобряется самокритика как проявление скромности: *Себя хай, а людей не хай*.

Значимость максимы скромности в коммуникации определяется этноспецифическими установками, влиянием параметров национально-специфической параметрической модели общения [Прохоров, Стернин 2006], а также взаимодействием этой коммуникативной категории с другими категориями, в частности с доброжелательностью.

Максима доброжелательности

Доброжелательность входит в систему установок, или «ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик» [Телия 1999: 18] и выступает как важнейшая добродетель. Доброжелательный – «Желающий добра, готовый содействовать благополучию других, благожелательный» [ТСОШ: 204].

Опыт экспериментального выявления современного коммуникативного идеала [Стернин и др. 2003: 75] показывает, что признак «доброжелательный, дружелюбный» входит в число ядерных. М. В. Шаманова, исследуя коммуникативную категорию общения на экспериментальном и текстовом материале (ассоциаты информантов, пословицы, поговорки и др.), выявляет яркие национально-специфические признаки русского общения. Когнитивный признак доброжелательность (установление доброжелательных отношений между коммуникантами), наряду с «неофициальностью, неформальностью общения, эмоциональностью, открытостью, устанавливается как один из ярких в категории общения – в то время как признаки, отражающие недоброжелательные отношения, имеют низкий индекс яркости» [Шаманова 2009: 31].

По нашим материалам, и в традиционном русском общении проявление взаимно доброжелательного отношения партнеров коммуникации мыслится как коммуникативно-этическая норма, реализация которой обеспечивает не только положительный эмоциональный фон общения, но и является условием качества общения. «Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите», – учит Владимир Мономах [Поучения Владимир Мономах: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00760401190309313943>].

Русская фразеология утверждает максимум доброжелательности к собеседнику с помощью оценочной лексики. Паремии прямо характеризуют важность доброго слова, сравнивая его с эталонными объектами (*Добрые слова лучше мягкого пирога* (пирог – типичный пищевой код русской культуры); *Доброе слово человеку что дождь в засуху* (в образе ФЕ соотношение с природно-ландшафтным кодом культуры символизирует значимость доброго слова. В засуху дождь жизненно необходим растениям, и образ ФЕ сравнивает доброе слово с той радостью, которую приносит дождь, когда поит землю водой после долгой засухи); *Доброе слово сотни пустых стоит*); отмечая его положительную воздействующую функцию на собеседника (*Доброе слово окрыляет*) через зооморфную метафору (*Доброе слово и кошке приятно; Добрый привет и кошке люб*).

Такое же значение имеют ФЕ с прилагательным *ласковый* (ласковый – «приветливый, благожелательный» [ТСРЯ: 27]): *Ласковое* слово самому ничего не стоит, а другому много дает; *Ласковое* слово – что весенний день (образ ФЕ восходит к природному коду культуры. Здесь добрые слова метафорически соотносятся с весенним днем, когда после зимы приходит тепло и бывает приятное солнышко); *И собака знает ласково* слово;

с прилагательным *мягкий* (мягкий – «Кроткий, лишённый грубости, резкости» [ТСОШ: 470]): *Мягкое* слово кости не ломит;

с прилагательным *сладкий* (сладкий – «Приторно-нежный, умильный» [ТСОШ: 894]): *Хорошего* пирожка приятно покушать, *сладкую* речь приятно послушать;

с прилагательным *хороший*: (хороший – «Исполненный дружеских чувств, близкий» [ТСОШ: 1070]): *Хорошее* слово – половина дела; *Хорошую* речь хорошо и слушать;

с прилагательным *покорный* (покорный – «Употр. в выражениях, означающих вежливо-смирненное отношение к кому-н» [ТСОШ: 683]): *Покорное* слово гнев укрощает;

с прилагательным *кроткий* (кроткий – «Незлобивый, покорный, смирный» [ТСОШ: 383]): *Кроткое* слово гнев побеждает;

с прилагательным *приветливый* (приветливый – «Благожелательный, радушный, ласковый» [ТСОШ: 727]): *От приветливых* слов язык не отсохнет; *Приветливое* слово гнев побеждает.

Добрые слова, мягкий тон речи пробуждают у собеседника желание к продолжению общения и развитию отношений: *На добрый привет – добрый ответ.* На вежливое и корректное обращение собеседник с готовностью ответит, и так завяжется беседа: *По привету и собачка бежит. На ласковые речи и змея из норы выползает; Чья речь сладка, тот и змею из норы выманит.* Доброжелательность в коммуникации обладает большой воздействующей силой – сильнее, чем агрессия: *Ласковое слово пуще дубины.* Русские синонимичные ФЕ утверждают, что с помощью слова можно остановить агрессивное поведение адресата:

Приветливое слово гнев побеждает; Кроткое слово гнев побеждает; Покорное слово гнев укрощает.

Оборотной стороной добра предстает зло, которое мыслится как «наиболее обобщенная форма разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что отвечает содержанию требований нравственности, и того, что противоречит им» [Словари и энциклопедии на Академике: <http://ethics.academic.ru>]. В поговорках используется прием контраста для утверждения максимы доброжелательности: *Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит; Доброе слово лечит, злое убивает; Доброе слово дом построит, злое слово дом разрушит.*

Ряд ФЕ оформлен как прямые прескрипции для коммуникантов: *Пошел на обед, носи (неси) словцо на привет; В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив.*

В китайском языке также высоко оценивается доброжелательность как коммуникативная максима. Чаще всего ФЕ прямо характеризуют значимость доброго слова: *言善非难* – досл. “Говорить добрые слова не трудно”. Добрые слова всегда приносят собеседнику теплые и сердечные чувства, поэтому в китайской культуре добрые слова часто сравниваются с теплом, например, *良言一句三冬暖* – досл. “Доброе слово как тепло зимой”; *与人善言，暖于布帛* – досл. “Доброе слово теплее, чем холст и шёлк” и т. п.

Доброжелательность к собеседнику «должна быть выражена как невербально, так и вербально и сохраняться, что важно, на протяжении всего разговора» [Стернин 1996в: 62]. Это требование зафиксировано в ФЕ со значением невербального способа приветствия – *С распростертыми объятиями* кого-л. – “Радушно, очень приветливо” [УФСРЯ: 204]; *Протянуть руку*.

Невербальным маркером доброжелательности в коммуникации является улыбка: при приветствии или в процессе диалога она сигнализирует о проявлении благожелательности к собеседнику. В китайской культуре велика роль улыбки. Так, китайский фразеологизм: *笑容可掬* – досл. “Улыбка во всё лицо, рот до ушей”

характеризует доброжелательную, веселую мимику человека. Китайцы считают, что улыбка представляет собой действительно важную и драгоценную способность человека: *千金买笑* – *досл.* “Тратить сокровище – купить одну улыбку”. Улыбка способна защитить человека *伸手不打笑脸人* – *досл.* “Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу”. Китайцы улыбаются всегда. Даже во время делового общения они не перестают улыбаться и ждут подобного поведения от своих партнеров. Отсутствие ответной улыбки может привести к сбоям в коммуникации. Улыбка в Китае выполняет демонстрацию вежливости и в сфере бизнеса. Об этом гласит китайская поговорка: *人无笑脸休开店* – *досл.* “Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин”; *笑迎四方客* – *досл.* “Улыбка встречает гостей из всех краев”; *笑脸聚得天边客* – *досл.* “Улыбающееся лицо привлекает гостей на краю света”.

Однако отношение к улыбке в русском языковом сознании иное. Это связано с русским коммуникативным поведением, для которого характерна «бытовая неулыбчивость» [Прохоров, Стернин 2006: 101]. Даже эквивалентная китайской ФЕ *Улыбаться до ушей* – “о широкой, радостной, искренней, доброжелательной улыбке” [ФСРЛЯ: 713] имеет помету (*шутл.*) и чаще употребляется для выражения иронии. Улыбка для русских – это всегда признак личной симпатии, поэтому в общении с незнакомыми людьми русские мало и неохотно улыбаются, о чем говорит ФЕ *Выдавить улыбку*. Для русского народа улыбаться незнакомым – это «дежурная улыбка» [Прохоров, Стернин 2006: 83]. Русская улыбка должна иметь полновесный повод для улыбающегося, и она выступает как «искреннее выражение хорошего настроения или расположения к собеседнику и призвана быть только искренней» [Там же: 84]. Отрицательную оценку в наивном языковом сознании получает человек, который много улыбается – *Набьет и улыбка оскомину*. Еще более жестко оценивается в русской фразеологии смех: *Смех без причины – признак дурачины*. И ФЕ предупреждают о неприятных для смешливого человека последствиях: *Кто смешлив, тот и слезлив; В чем живет смех, в том и грех* и т. д.

Доброжелательное речевое поведение способствует гармонизации

коммуникации, делает ее результативной. Соответственно, недоброжелательное речевое поведение дисгармонизирует коммуникацию, вызывает сбой в общении, психологический дискомфорт. И отсутствие доброго слова вызывает у адресата отрицательные эмоции, неприятные ощущения.

Недоброжелательное слово всегда характеризуется негативно во фразеологизмах. Такое значение имеют пословицы с прилагательным *недобрый* или *без ласкового*: *Плохо жить без работы, худо без доброго слова; Недоброе слово больней огня жжет; Недоброе слово что огонь жжет; Худо жить без ласкового слова*; с прилагательным *худой* (*худой* – «То же, что плохой» [ТСОШ: 1074], т. е. «лишённый положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий каким-н. требованиям» [ТСОШ: 653]): *Не говоря худа, хорошо говорить не будешь; Добра не мыслишь, и худа не говори; За худые слова слетит и голова; Худого слова и сладким медом не запьешь*; с прилагательным *злой* (*злой* – «Полный злобы, злости» [ТСОШ: 279]): *Злой язык* чей, у кого – «Манера, способность остро, резко, насмешливо говорить, судить о ком-либо или о чём-либо» [ФСРЛЯ: 767]; *Злой на язык* – «Такой, который зло, язвительно говорит о ком-либо или о чём-либо; склонен к злым суждениям» [ФСРЛЯ: 258]; *Злой язык – злое оружие*. В китайском языке недобрые слова также отождествляются с прилагательным *злой*: *恶语* – досл. «злой язык»; *冷雨打不湿衣裳, 恶言不多伤心肠* – «Холодный дождь не вымочит одежду, а злой язык, хоть мало, ранит сердце»; *百把宝剑砍不掉志气, 一句恶语能毁掉铁汉* – «Сто драгоценных мечей не могут срубить волю, а одно злое слово может подорвать стального мужчину».

Маркером недоброжелательности в общении выступает враждебный, злобный взгляд, что также вызывает отрицательные эмоции адресата. В ФЕ враждебным, злым взглядом обладают следующие представители опасные животного мира: змея, волк, бирюк, медведь, ястреб, метафорические образы которых лежат в основе ФЕ: *Глядит, как змея из-за пазухи; Глядеть бирюком (волком); Медведем смотрит; Ястребом смотрит; Смотреть зверем* и т. п. Указанные фразеологизмы имеют значение – «выказывать своим неприветливым видом неприязнь, враждебное, недружелюбное отношение к кому-либо» [ФСРЛЯ: 137].

Доброжелательный контакт с собеседником, сочетающийся с почтением, уважением другого, служит для удержания социально-психологического баланса отношений.

Максима уважительности

Любая коммуникативная ситуация манифестирует интерперсональные отношения коммуникантов, схемы поведения, которым обычно следует человек. В традициях русского коммуникативного поведения ведущим принципом является сближение – ориентация Я на Другого [Прохоров, Стернин 2006], и проявлением этого принципа является максима уважительности.

Уважение признается одним из главных требований нравственности и одной из главных ценностей. В этике уважение определяют как такое отношение к человеку, которое реализует на практике признание человеческого достоинства [Словарь по этике 1989: 362]. Уважение устанавливает норму человеческих отношений и предписывает не причинять другому человеку вреда, ни физического, ни морального.

Значимость максимы уважительности в коммуникативном поведении передается ФЕ *Питать уважение* к кому-л. Высокая степень уважения выражается глаголом *питать* – «1. Обеспечивать кого-н. пищей. 2. Доставлять что-н. необходимое, снабжать; доставлять необходимые вещества в какую-н. среду, в организм» [ТСОШ: 646], метафорически переосмысленным как обеспечивать самыми необходимыми для человеческой жизни средствами. Кроме того, уважение связано с русским ключевым концептом *честь*: *Оказывать / оказать честь кому-либо; Воздавать / воздать почести кому-либо* – “проявлять / проявить уважительное, признательное отношение к кому-либо публично” [Казачук 2004: 193].

Выражение уважения к собеседнику предполагает внешнюю демонстрацию почтения. Фразеологизмы с повествовательными характеристиками характеризуют важность невербального коммуникативного поведения как сигнала уважительности. Например, *Снимать шляпу* – “Выражать свое почтительное, глубокое уважение в отношении кого-л., чего-л.” [БФСРЯ: 645]. Компонент

снимать соотносится с человеческим кодом, а компонент шляпа – вещный код культуры. Образ фразеологизма основан на «жестовой символизации приветствия, принятой между людьми» [БФСРЯ: 645-646]. В светской жизни, одно из главных правил учтивости – это «снимать шляпу при поклонах» [Юриев, Владимирский 1889: 134]. *Обнажать / обнажить голову перед кем-либо* – “выражать / выразить почтительное, уважительное отношение к кому-либо, преклонение перед кем-либо” [Казачук 2004: 194]. *Склонять голову перед кем-либо, чем-либо* – “относиться к кому, -чему-либо с почтительным уважением; преклоняться перед кем, -чем-либо” [Казачук 2004: 176]; *Стоять на коленях перед кем-либо* – “с уважением, почтением относиться к кому-либо, признавая величие, достоинства кого-либо” [Казачук 2004: 176].

Поклон как невербальное коммуникативное поведение, обозначающее уважение к собеседнику, всегда характеризуется положительно в ФЕ: *Бить поклоны* – “1. Почтительно кланяться, приветствуя кого-либо. 2. Выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности за что-либо” [ФСРЛЯ: 25]; *Поклониться – всегда пригодится*. Паремии косвенно предписывают выполнять подобное действие: *Поклоном поясницы не переломишь; С поклону голова не заболит*.

Вежливые слова как проявление уважения всегда расцениваются как важная норма коммуникативного поведения: *От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет*.

Высоко ценится уважительность в восточных культурах. Известна такая притча. Однажды наставник Пути (легендарный древнекитайский философ VI–V вв. до н. э. Лао-цзы, которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао дэ цзин») сказал своим ученикам: Проявляйте уважение к тем, кто достоин его, ибо в этом нет ничего постыдного; проявляйте уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляйте уважение к тем, кто недостоин его, ибо в каждом есть что-то достойное уважения» [Медведев:

http://modernlib.ru/books/medvedev_aleksandr_nikolaevich/pritchi_shoudao/read_4/].

В китайской культуре уважение всегда соотносится с вежливостью. Китайский исследователь Гу Юэго сформулировал правило соотношения нравственности, речи и поведения: вежливое коммуникативное поведение предполагает возможный минимальный ущерб для собеседника и возможную максимальную выгоду для собеседника при этом основным правилом китайской культурной вежливости является правило принижения себя и повышения собеседника [Гу Юэго 1992].

Китайский философ, представитель конфуцианской традиции Мэн-цзы, утверждал: *君子以仁存心，以礼存心。仁者爱人，有礼者敬人。爱人者人恒爱之，敬人者人恒敬之* – *досл.* “В сердце гуманного человека – доброта, этикет. Гуманный человек любит других людей, вежливый человек уважает других людей. Того, кто любит других, также всегда любят другие; того, кто уважает других, другие также всегда уважают”. В китайских поговорках отражается сходная мысль. Например, *人敬我一尺，我敬人一丈* – *досл.* “Человек уважает меня степенью один чи (чи – китайский фут, мера длины, равная 1/3 метра), я уважаю его степенью один чжан (чжан – китайский сажень, мера длины, равная 3.33 метра)”; *敬人自敬，薄人自薄* – *досл.* “Уважайте других – вас тоже уважают; относитесь язвительно к другим – к вам так же относятся”. Китайское традиционное представление о необходимости демонстрации уважения к старшим и учителя: *老吾老以及人之老，幼吾幼以及人之幼* – *досл.* “Уважайте старших людей, как своих родителей; Относитесь ласково к детям, как своим детям”; *一日为师，终身为父* – *досл.* “Тот, кто был моим учителем только один день, является моим отцом на всю жизнь”; *爱徒如爱子，尊师如尊父* – *досл.* “Любите ученика как своего сына, уважайте учителя как своего отца”. В китайской традиции очень высоко ценится данное правило общения со старшими *尊长前，声要低，低不闻，却非宜* – *досл.* “Перед старшим нужно понизить голос, но не настолько, чтобы не было слышно”.

По данным русских ФЕ, уважительность является также поведенческой доминантой вежливости: вежливость представляет собой, прежде всего, проявление уважения к собеседнику [Формановская 1989]. В русском бытовом

общении, по мнению исследователей, в коммуникативном поведении личности существует особый статус категории вежливости, описываемой как «неформальная вежливость» [Ратмайр 2013: 164–175] – это вежливость, призванная удовлетворить потребность собеседника в уважении, признании.

Семантическое исследование доказывают синкретичность лексем «с семантикой уважительности-вежливости» [Тамаева 1992], отражающих доброжелательное человеческое общение, поэтому мы включили в группу ФЕ, передающих максимум уважительности, и единицы, маркирующие правила вежливого поведения.

По мнению зарубежных исследователей [Leech 1983; Lakoff 1973], главенствующую роль в успешной коммуникации играет максима вежливости. Р. Лакофф определяет вежливость как «систему межличностных отношений, облегчающую и продвигающую общение, тем самым минимизируя вероятность конфликта и конфронтации, присущих всему человеческому взаимодействию» [Цит. по: Харлова 2016: 35]. Дж. Лич выделяет *принцип вежливости*, состоящий из шести постулатов:

постулат такта – требование причинять минимум неудобств и создавать максимум удобств партнеру по общению, а также требование «невмешательства»;

постулат великодушия – заботы об интересах партнера в ущерб своим собственным;

постулат одобрения – требование сводить к минимуму отрицательную оценку партнера по общению;

постулат скромности – требование минимально хвалить и максимально порицать себя;

постулат согласия – требование сводить к минимуму разногласия с партнером;

постулат симпатии – требование выражения симпатии партнеру [Leech (1980) 1983].

Мы рассматриваем вежливость как нравственно-прагматическую категорию, которая «является отражением национального менталитета... системообразующим

стержнем, который регулирует коммуникативное поведение людей» [Ларина 2003б: 14]. Быть вежливым – это вести себя достойным, уместным, приличным, должным образом в соответствии с нормами, принятыми в определенной этнокультуре и в конкретной коммуникативной ситуации. Национально-культурная специфика концепта «вежливость» находит выражение и в соответствующем коммуникативном регулятиве.

Максима вежливости является основой речевого этикета. Речевой этикет – «это совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми» [Стернин 1996в: 4]. Однако вежливость шире этикета, потому что она включает в себя все средства, которые в рамках той или иной культуры позволяют создавать и поддерживать гармоничную, бесконфликтную коммуникацию. Во фразеологии отрицательно оценивается неэтикетное невербальное поведение (оскорбительные жесты, позы, выражающие презрение к собеседнику): *Показывать язык кому-либо* – “Неодобр. Высовывая язык, выражать презрение к кому-либо, пренебрежение чем-либо и т. п. [ФСРЛЯ: 493-494]”; *Показать шиш (дулю, кукиш, фигу)* – “Грубо отказывать кому-либо в чём-либо” [ФСРЛЯ: 281]; *Повернуться спиной к кому-либо* – “Очень неодобр. Проявлять безразличие или пренебрежение” [ФСРЛЯ: 479]; *Плевать в лицо* – “Выражать в резкой форме негодование, презрение к кому-либо” [ФСРЛЯ: 473]. Образ фразеологизмов основан на жестовой символизации или символизации позы неуважения.

Ряд фразеологизмов, предписывающих вежливое невербальное коммуникативное поведение, советует подчинять чувства воле и сдерживать свои действия: *Держать себя в рамках приличия* – “Соблюдать принятые правила поведения” [ФСРЛЯ: 195]; *Брать себя в руки* – “Сдерживая свои чувства, проявлять самообладание, успокаиваться” [УФСРЯ: 24]. Идиомы содержат «метафору, отображающую представление о том, что рациональное **Я** контролирует эмоциональное и чувственно-мысленное **Я** в духовном коде культуры» [БФСРЯ: 53]. Разрешать себе в коммуникации больше, чем следует, осуждается во фразеологизме *Позволять себе слишком много (лишнее)* – “Вести

себя не совсем прилично, непристойно, не соответственно своему положению” [ФСРЛЯ: 490].

Основной смысл вежливого поведения заключается в выражении уважительности к собеседнику.

Выводы

Ценностные концепты, находящие отражение в этических оценках и регулирующие отношения и поведение людей в социуме, обладают особой значимостью в картине мира каждого народа: «в основе этих концептов лежат различные смысложизненные ориентиры, выступающие в качестве базовых координат бытия» [Прохоров, Стернин 2006: 16]. На коммуникативное поведение личности всегда оказывает влияние его «наивная картина мира», включающая представления о ценностях, которые передаются от поколения к поколению и многие из которых зафиксированы в ФЕ. Максимы как этические нормы коммуникативного поведения являются универсальными правилами для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

Проведенный лингвокультурологический анализ русских фразеологических единиц позволил выявить основные этические максимы коммуникативного поведения, выполняющие функцию социально-коммуникативных регулятивов, – правдивость (285 ФЕ), искренность (72 ФЕ), скромность (30 ФЕ), доброжелательность (65 ФЕ), уважительность (42 ФЕ).

Фразеологизмы, характеризующие этическую норму правдивости, чаще выражают оценочное отношение людей к ней, и отношение русского народа к правде амбивалентное. С одной стороны, правда и ложь несовместимы, с другой стороны, они диалектически связаны. Фразеологизмы предписывают жить по правде, но в то же время требуют избегать безоговорочной правдивости, то есть нельзя жить одной правдой. Ложь оценивается чаще отрицательно, однако иногда уместная ложь гораздо лучше правды. В целом, все же фразеологизмы

предписывают бороться за правду, и оправдание лжи в наивном сознании ситуативно. Коммуниканты в конкретной ситуации должны сделать выбор или, точнее, соблюсти баланс между этими правилами.

С максимумой правды тесно связана максима искренности, но искренность шире правды: она концептуально связана с открытостью, откровенностью, душевностью, а коммуникативно – с доброжелательностью, взаимностью. Искренность в русском сознании связана с совестью и идет от сердца. Максима искренности в ФЕ обычно утверждается косвенно и чаще подается через противоположные качества, которые не приветствуются в русском обыденном общении, – это лицемерие и лесть. В осмыслении этого аспекта коммуникативного поведения наблюдается гендерное маркирование. Русское сознание приписывает льстивое поведение женщинам. Отношение к искренности в русской фразеологии безусловно положительное, однако она эта максима эффективна «только в том случае, когда открытыми и искренними будут все участники коммуникации. В противном случае искренний человек становится незащищенным» [Балашова 2003: 107].

Максима скромности как коммуникативная константа, воплощенная в русском коммуникативном идеале, базируется на одноименном этическом концепте, который является фрагментом русской аксиологической картины. В ФЕ максима скромности утверждается через негативно маркируемые отступления от нее. В русской фразеологии осуждается похвальба и высокомерие. Максима скромности в языковом сознании русских как категория ограничения коммуникативных проявлений личности в поведении дает достаточно отчетливые этнокультурно одобряемые ориентиры.

Коллективная народная мудрость не отделяет правду от добра, а недоброжелательность связывает с ложью и злом. Максима доброжелательности, по данным русской фразеологии, проявляется в добрых словах. Однако паравербальное выражение доброжелательности не характерно для русского общения. В частности, различаются представления об улыбке у обоих русского и китайского народов. Улыбка в китайской культуре играет важную роль –

выполняет функцию выражения доброжелательности и благожелательности, а в русской языковой традиции улыбка нередко получает отрицательную или ироническую оценку.

Максима уважительности утверждает ценностный статус Другого. Она соотносится с вежливостью и выражается в вежливых словах, почтительных движениях, поклонах.

В целом, нормативная составляющая коммуникативного поведения участников коммуникации связана с общими этическими установками языкового коллектива.

Глава 4. Речедетельностный аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении

Коммуникативное поведение участников общения – это совместная деятельность партнеров, без взаимной координации которой невозможно эффективное взаимодействие и взаимопонимание. Т. Г. Винокур, анализируя варианты речевого поведения говорящего и слушающего в процессе общения, квалифицирует отношения между ними как «коммуникативное соавторство» [Винокур 2005: 84].

Фразеологизмы русского языка содержат не только морально-нормы, но и правила, регулирующие речевую деятельность, или речевое поведение. Возможность “извлечения” таких правил из восточных пословиц и поговорок показал Ю. В. Рождественский [Рождественский 1978], в [Сперанская 1999] предложен кодекс речевого поведения в бытовой сфере, реконструированный по данным русских паремий.

В данной главе мы будем пользоваться терминами *говорящий* и *слушающий*, так как в фокусе нашего внимания будет собственно речевая деятельность коммуникантов, включающая говорение / слушание и паравербальные действия.

Как было показано в главе 3, морально-этические максимы являются универсальными правилами для обоих коммуникантов (адресанта и адресата), тогда как речедетельностные правила говорящего и слушающего различаются и связаны с коммуникативными стратегиями и тактиками, реализующими их коммуникативные интенции. Тактика «определяет тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью» и / или взаимными ожиданиями участников коммуникации, «допустимые и социальные нормы и правила речевого поведения» [Дементьев 2010: 124; Борисова 2001: 40].

В процессе коммуникации как интеракции все коммуникативные стратегии и соответствующие тактики можно разделить на две группы – инициативная и реактивная. Тактика является совокупностью иницирующего коммуникативного

поведения первого участника коммуникации и реактивного коммуникативного поведения второго участника коммуникации [Борисова 2001], т. е. для инициативной тактики актуальными являются намерения говорящего, а для реактивной – слушающего.

Коммуникативная инициатива как обязательный атрибут диалога принадлежит говорящему, который контролирует процесс и атмосферу общения. К числу реактивных тактик, связываемых с позицией слушающего, исследователи относят комплименты, шутку [Дементьев 2010: 148], очередность [Верещагин, Костомаров 2005: 599], согласие, обещание и т. п., ссора [Дементьев 2010: 148] и т. п. Используемые коммуникантами тактики могут соответствовать нормам общения или противоречить им.

Цель настоящей главы – выявить речеповеденческие максимы, предписываемые говорящему и слушающему русской языковой традицией.

4.1. Максимы коммуникативного поведения говорящего

ФЕ задают поведенческие конвенции – «неписанные, но ясно осознаваемые социализованной личностью нормативные модели речевого поведения» [Колтунова 2004: 101], которые «включает прескрипции по крайней мере трех видов: прескрипции, которые носят предписывающий характер (что и как надо делать в процессе общения), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные – как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия людей)» [Чернышова, Стернин 2004: 18]. В наших материалах представлены как предписывающие, так и запретительные прескрипции, причем последние значительно больше.

Максима количества

Вслед за Г. П. Грайсом [Грайс 1985] мы выделяем важную для говорящего максиму количества, которая связана с объемом информации, получаемой

слушателем. Максима количества связана с понятием мера, которая «указывает предел, за которым изменение количества влечёт за собой изменение качества объекта и наоборот. М. – это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики» [ФЭС 1983: 360]. Философами отмечается взаимосвязь в термине *мера* семантических признаков ‘соразмерность’ и ‘нормативность’, очерчивающих представления о количестве, которое соответствует определенному качеству. Максима количества охватывает противоположные параметры, выходящие за пределы меры, нормы, т. е. или слишком много, или слишком мало. Анализ семантики русских ФЕ, показал, что максима количества представлена преимущественно запретительными прескрипциями.

С избыточной, лишней информацией связывается коммуникативное поведение человека, который много говорит. Поэтому максима количества запрещает многословие, болтливость, и это правило представлено большим числом ФЕ. Болтливость как превышение нормы в речевом общении не получает одобрения во многих лингвокультурах. В русском языке такая коммуникативная особенность человека называется *излишняя говорливость, длинный язык*, она связывается с излишней информацией. «Большой говорун утомляет собеседников» [Юриев, Владимирский 1889: 139].

Русские пословицы прямо запрещают излишнюю говорливость: *Много баять не подобает; Ешь калачи, да поменьше лепечи; Всего не переговоришь*. Типичный тип инструкции представляют собой запретительно-побудительные ФЕ, оформленные «негированными императивами», выражающими «запрещение в сочетании с нежелательностью или ненужностью» [Бочина 2005: 24]: *Бойся вышнего, не говори лишнего!; Зажми рот, да не говори с год; Вот тебе сахарный кусок, заткни себе роток*.

По мнению Л. В. Балашовой, излишняя речевая активность осуждается, поскольку воспринимается слушателями «как желание возвыситься над окружающими (*как станет городить — себя не помнит, людей забывает*)» [Балашова 2003: 98].

Во многих фразеологизмах запретительные прескрипции выражаются косвенно, и образными средствами создается ироническая оценка болтливости. В ФЕ данной группы частотной является лексема *язык*. Как основной артикуляционный орган, язык является основой соматической метафоры: он во рту висит, болтается, молотит, взаимодействует с зубами, губами и т. п. и образно выступает как источник лишних разговоров, характеризуя болтливого человека. Например: *Распускать (распустить) язык (языки)* – “Не сдерживая себя, теряя над собой контроль, проговариваться, говорить лишнее” [ФСРЛЯ: 567]; *Развязать (развязывать) язык (языки)* – “Становясь болтливым, проговариваться, сообщать то, о чём следовало бы помолчать [ФСРЛЯ: 558]”; *Язык развязывается (развязался) у кого* – “Кто-либо вдруг начинает много, безостановочно говорить, становится болтливым” [ФСРЛЯ: 769]. Образ идиом «восходит к телесно-предметному коду культуры: язык, входя в метонимически-образное отождествление по смежности, включается в метафору, образное содержание которой – сравнение языка человека с языком колокола: в нерабочем состоянии языки колоколов обычно связаны, а чтобы начать звонить, надо их развязать» [БФСРЯ: 583].

В паремии *Язык впереди ног бежит* болтливость передается через образ быстро бегущего человека. Подобный образ “язык – ноги” зафиксирован в пословице *Мозоли на языке набить*.

Непрерывная говорливость проявляется в антропоморфном метафорическом глаголе *чесать* – «1. Скрести для облегчения зуда. 2. Причёсывать, расчёсывать. 3. Очищать и разравнивать гребнем, щёткой. 4. Употр. для обозначения быстрого, энергичного действия (прост.) [ТСОШ: 1089]: *Люди брешут – языками чешут; У драчуна руки чешутся, у болтуна – язык*. Через компонент *язык* образ ФЕ соотносится с телесным кодом культуры, а также с трудовыми процессами. Язык как часть тела человека здесь отождествляется с речью человека и проводится аналогия «между говорением и широко распространённым в народе рабочим процессом – чесанием льна, конопли, пряжи» [БФСРЯ: 726].

Кроме того, неумение говорящего сдерживать себя при общении в ФЕ часто находит выражение через метафорическое переосмысление *длинный язык*:

Длинный (долгий) язык (язычок) у кого – “1. Кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре. 2. Болтливость, неумение сдерживаться в разговоре; склонность к распространению сплетен” [ФСРЛЯ: 767]; *У него язык длинен; Короток язык, так вытянут, а длинен, так окоротают; Острый язык – дарование, длинный язык – наказание.* Образ ФЕ включается в телесный код культуры.

Сходные образные выражения есть в китайском языке – *百舌之声* – *досл.* “Голос сотен языков”; *多嘴多舌* – *досл.* “Много ртов, много языков”; *一口三舌* – *досл.* “В одном рту три языка” и т. п. В китайской фразеологии длинный язык отождествляется с отрицательными моральными качествами, например, *贫嘴恶舌* – *досл.* “Длинный рот, злой язык”; *贫嘴贱舌* – *досл.* “Длинный рот, подлый язык” и т. п.

В ФЕ, характеризующих болтливого человека, часто указывается на такое физическое качество языка, как мягкость, бескостность, обеспечивающие ему возможность “болтать без умолку”: *Язык без костей* – “Неодобр. Кто-либо очень болтлив, любит поговорить, болтать много всякого вздора, глупостей” [ФСРЯ-Тихонов: 334] и подчеркивающие его большую активность, подвижность: *Язык без костей: что хочет, то и лопочет; У языка костей нет, как хочет, так и ворочается; Язык без костей – что хочешь плети* и выполняющие отрицательную воздействующую функцию: *Язык без костей, а кости ломает; Язык без костей – мелет почём зря* и т. п.

В ФЕ для характеристики болтливого человека используется предметная метафора: “Помело” – «Палка с намотанной на конце тряпкой, мочалкой, хвоей для обметания; метла» [ТСОШ: 693]: *Языком что помелом возит; Язык как помело; Не язык, а помело.* Образ ФЕ уподобляет язык метле: как помелом, так и языком, человек метет все подряд и собирает весь мусор (бесконечные разговоры) в одном месте. “Мельница” – «Ручная машинка для размола зерна» [ТСОШ: 439] и “Жёрнов” – «Мельничный каменный круг для перетирания, размола зёрен в муку» [ТСОШ: 234]: *Мельница мелет – мука будет, язык мелет – беда будет; Язык – жёрнов: мелет, что на него ни попало; Языком молоть – не дрова колоть,*

спина не заболит. Орудия труда *мельница* и *жёрнов* размалывают грубые зерна в мелкую муку. Образы ФЕ уподобляют язык и назойливого болтуна. “Решето” – «Предмет обихода – широкий обруч с натянутой на него частой сеткой для просеивания чего-н.» [ТСОШ: 833] – *Языком, что решетом, так и сеет*. В предметных метафорах болтливость характеризуется через национально-специфические предметы русского крестьянского быта, которые используются для постоянной или длительной работы. “Маятник”: *Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить*. В образе ФЕ переплетается вещный код культуры: бесконечное колебательное движение маятника метонимически отождествляется с речью болтуна.

Продуктивной для характеристики речи в русской фразеологии является зооморфная метафора. При этом многословие передаётся чаще всего через образ птиц. Базовой зооморфной метафорой, определяющей болтливость, выступают “сорока” – «Человек, который громко, без умолку говорит, таратора» [ТСОШ: 920], метафорически символизирует человека, который много болтает, распространяет пустые слухи и обрывочные сведения: *Сорочий язык; Болтать как сорока; Трещит как сорока; Как сорока с хвостом, так и он с языком; затвердила сорока Якова одно про всякого* и др., реже – “соловей”: *Соловей поет, не знает о чем; Соловьем разливать*, или другие птицы: *тарантит, как сойка; тарантит, как варакушка*. Метафорический образ поддерживается глаголом *тарантить* – «Говорить без умолку, быстро и оживлённо» [ТСОШ: 971], который имеет негативную коннотацию (ср. типичное употребление в разговорной и художественной речи: *А ты бы меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть*. А. Островский).

Кроме указанных образов, в русской ФЕ зооморфной метафорой, определяющей болтливого человека, выступают еще “муха”: *Брюзжит, как муха в осень; Муха невелика, да ворчит*; “корова”: *Вертит языком, что корова хвостом; У него язык длинней лизуна* (лизун – коровий язык). Муха может часами зудеть, корова может непрерывно вилять хвостом. Образам ФЕ уподобляется назойливый болтун.

Болтливость не одобряется и в китайской фразеологии, и для характеристики болтливости человека используется также зооморфная метафора, но с образами других птиц – утки, воробья: *宁做蚂蚁腿, 不做麻雀嘴* – досл. “Даже ноги муравья лучше, чем рот воробья”; *四两鸭子半斤嘴* – досл. “Одна утка, половина клюва”.

Максимум количества и коммуникативную ненормативность болтливости можно извлечь из ФЕ, отрицательно характеризующих разные аспекты речевой деятельности говорящего. Такие ФЕ содержат лексемы *болтливый* – «Любящий много говорить, а также не умеющий хранить тайну» [ТСОШ: 55]; *болтун* – «Болтливый человек» [ТСОШ: 55]. Например, *Болтливому молчанье в тягость*; *Болтун не ждет спроса, а сам все скажет* и др.

Кроме того, ФЕ описывают отрицательные последствия болтовни, и тем самым имплицитно содержат запретительные прескрипции такого коммуникативного поведения.

Болтливость не приносит пользы людям, часто становится причиной ошибок в делах и личных неприятностей: *Лишнее говорить – только делу вредить*; *Болтовня денег не стоит*; *Лишними разговорами только дело портить*; *От многих слов нет прибыли, от одного нет убытка*; *Болтливость часто причиняет больше зла, чем злость*.

Излишняя болтливость опасна для самого говорящего. Так, она становится причиной нездоровья: *Много говорить – голова заболит*; *От языка страдает голова*. За лишние слова говорящий может пострадать или понести наказание: *Во многом глаголении несть спасения*; *Язык до добра не доведет болтуна*; *Кто много болтает, тот беду на себя накликает*; *Кто много болтает, тому часто попадает*; *Лишнее говорить – себе вредить* и т. п. Чрезвычайная говорливость приравнивается к греху: *Больше говорить – больше согрешить*.

Сходное выражение находим в китайской фразеологии: *言多必失* – досл. “Много говоришь – обязательно ошибешься”; *言多伤行* – досл. “Много слов вредит поведению”.

Болтливость всегда мешает работе, поэтому в ФЕ многословие приписывается бездельнику, и многие ФЕ противопоставляют слово и дело: *На языке густо, а на деле пусто; Кто много говорит, тот мало делает; Большой говорун – плохой работун; Слов много, а дела мало; Где много слов, там мало дел; Словами и туды и сюды, а делами никуды; По разговорам всюды, по делам никуды; Щедр на слова, да скуп на дело; Языком туда и сюда, а на деле никуда; Воздух словами не наполнить* и т. п. Подобное обнаруживается в китайском языке: *说起话来没个完, 一到干活就摇头* – досл. “Разговаривать – бесконечно, а работать – качать головой”.

Говорение всегда осуществляется легче и быстрее, чем труд. Поскольку работа и труд требует времени и усердия. Эти особенности подчеркиваются в ФЕ лексемами-антонимами: *легко – трудно, скоро – не скоро*, например, *Легко сказать, да нелегко орла поймать; Сказать легко, да сделать трудно; Скоро-то говорится, а не скоро делается; Кто словом скор, тот в деле не спор* и т. п.

Во фразеологической системе присутствуют еще такие ФЕ с имплицитным содержанием, которые выражают ироническую окраску неодобрительной оценки бесконечности слова и нескончаемости разговоров: *Сколько ни говорить, а с разговором сытым не быть; Говорить не устать, было бы что сказать; И строчит, и валяет, и гладит, и катает, а все языком!; Наговорил столько, что и в шапку не соберешь*. Последняя ФЕ являет собой старинную русскую поговорку. В далеком прошлом одежда часто шилась без карманов, и для складывания предметов часто использовалась шапка. Значение ФЕ состоит в том, что человек наговорил так много, что никуда не поместится.

Хотя умение вести речь в целом оценивается положительно, в пословицах умение выноситься разговором мешает выполнению дела. Это свойство заключается в амбивалентности фразеологизма. Многие ФЕ указывают на наличие у человека речевых умений и отсутствие деловых качеств: *Говорят, хорош, а дела ни на грош; Остёр на язык, а к делу не привык; Хорош у слова, да плох у дела; Язык медовый, а дела водянистые; До разговора охотник – плохой работник; Хороший рассказчик – плохой приказчик; Великое слово без дела – ничтожное* и др. Эти

особенности встречаются в пословицах с противоположными метафорическими образами: *На словах что на санях, а на деле что на кобыле* (сани противопоставлены кобыле по признаку “быстрый, легкий”, т. е. говорит споро, а делает медленно); *На словах – что на гусях, а на деле – что на балалайке* (противопоставление слова и дела дано на основе образов музыкальных инструментов *гусли* и *балалайка*. На гусях играли медленно, а на балалайке – очень быстро. Согласно этимологическим словарям, название «балалайка», предположительно произошло от слова «балаболить» – много и быстро говорить; также «Вероятно, является переоформлением сущ. балабайка – «балалайка», известного в диалектах [Ситникова 2005]). Образы ФЕ включаются в вещный код культуры. Кроме того, указанная характеристика дается в ФЕ через пространственную метафору: *От слова до дела – целая верста; От слова до дела – бабушкина верста; От слова до дела – сто перегонов.*

И сегодня в межличностной коммуникации китайцы соблюдают те правила поведения, которые сформулировал Конфуций тысячи лет назад. Главное правило общения, по мнению философа: *君子欲讷于言, 而敏于行* – досл. “Быть медлительным в речи, а быстрым в действии”; *敏于事而慎于言* – досл. “Будь быстр в делах, но осторожен в речах”; *君子要少说多做, 而后近于仁者* – досл. “Достойный человек должен меньше говорить, но обязательно быть ближе к гуманности и справедливости”.

Языком невозможно выполнять никакие дела: *Языком и лаптя не сплетёшь; Языком капусты не шинкуют; Разговорами каши не сварить; Словами шубу не сошьешь* и др. Эти ФЕ отрицательно оценивают болтливую человека.

В ФЕ излишняя разговорчивость приписывается бездеятельным людям, а немногословность – трудолюбивым: *Кто мало говорит, тот больше делает.* Многие ФЕ с прямыми прескрипциями указывают на то, что работа всегда стоит выше слова: *Будь смелым не языком, а делом; Не спеши языком, спеши делом; Помогай делом, а не языком; Меньше говори, да больше делай; Языком не спеши, а делом не ленись.* При этом противопоставленные повелительные формы глагола (*не спеши – спеши; помогай – не (помогай); меньше говори – больше делай; не*

спеши – не ленись) являются «приемом актуализированного контраста» и передают «побуждение к совершению или запрет на совершение одного и того же действия» [Бочина 2005: 25].

В русской фразеологии болтливость имеет гендерную маркированность. В ФЕ встречается отражение стереотипное представление, что чрезмерная болтливость присуща чаще всего женщинам: *Журлива что свекровь; Бабушкины (бабы) сказки*. В китайском языке есть такое выражение: 长舌之妇 – досл. “Женщина с длинным языком”.

ФЕ с прямыми прескрипциями рекомендуют не общаться с женщинами: *С бабой не сговоришь; Бабу не переговоришь; За бабой покидай последнее словцо*. Причина в том, что разговорчивость женщины представлена как неизбежное зло, от бабьей болтливости можно пострадать ни за что: *Бабий язык, куда ни завались, достанет; Женское слово, что клей, пристаёт*.

Излишняя женская разговорчивость во фразеологизмах находят выражения через метафорический образ “длинные волосы”: *Волос долог, а язык длинней; У бабы волос длинный, а язык ещё длинней*. Болтливость женщины в пословицах также сравнивается с ветряной мельницей, а ее язык соотносится с чертовым помелом: *Ветряная мельница да баба бездельница мелют без устатку; Бабий язык – чертово помело*. Подобная метафора негативной характеристики бабьей болтливости наблюдается и в ФЕ: *Рожь колосиста, баба голосиста*.

Женщина не контролирует себя в речи, поскольку черт диктует бабе, что она горит: *Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке*. Образ ФЕ *чёрт* восходит к антропоморфно-зооморфному коду культуры, который «постоянно вмешивается в жизнь людей и делает вопреки желаниям человека», принуждает к неоправданным поступкам [БФСРЯ: 722].

Некоторые ФЕ с имплицитным содержанием подчеркивают негативную характеристику «бабьей» болтливости, где женщина, там обязательно шумно: *Где баба, там рынок; где две, там базар; Гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка; Три бабы – базар, а семь – ярмарка*.

Противопоставление женской болтливости и мужской сдержанности в речи передаётся через зоонимы: *Курица гогочет, а петух молчит*. Дело в том, что курица всегда кудахчет, а петух только кукарекает на рассвете.

Максима количества имеет и прямо противоположную характеристику – немногословность говорящего в речевом поведении, которая противоречит болтливости и получает одобрение со стороны фразеологии.

Ряд запретительно-побудительных ФЕ с прямыми прескрипциями советует человеку поменьше говорить: *Лучше быть тихослову, а не болтослову; Лучше недосказать, чем пересказать; Ешь калачи, да поменьше лепечи!; Щи хлебай, да поменьше бай*. В пословицах существует «бинарность структуры, в которой первый член выполняет экспозиционно-фоновую роль, а второй – аккордно-заключительную, роль ремы» [Тарланов 1999: 306]. При этом, «коммуникативный акцент падает на то положение дел, которого следует избегать» [Бочина 2005: 29].

Немногословность оценивается как наиболее верная форма коммуникативного поведения, человек, умеющий контролировать свои речи, легче исправить ошибки: *Чем меньше сказано, тем скорее исправлено; Меньше говорить – меньше грешить*, тем более, на душе у него всегда царит спокойствие: *Кто меньше толкует, тот меньше тоскует*.

Немногословность свойственна мудрости: *Говори меньше – умнее будешь; Долго не говорит – ум копит, а вымолвит – слушать нечего; Ум язык на замке держит*.

Максимой количества регулируется во фразеологии и молчание человека. Оно воспринимается как осознанное поведение, проявление невербальной стратегии и тактики общения для достижения определенных коммуникативных намерений и целей. При такой трактовке *молчать* означает «не говорить много, не говорить пустое, ерунду и т. п.». По мнению О. С. Иссерса, молчание является одним из важнейших приемов эффективной речевой коммуникации [Иссерс 1999]. Молчание предпочтительнее других видов словесного оформления высказывания, например, ворчания, пустого болтания и др. Во многих ФЕ с прямыми

прескрипциями прослеживается традиция высокой оценки стратегии молчания как коммуникативной нормы с помощью употребления повелительного наклонения: *Не все ворчать, надо и помолчать; Не все ворчать, надо и помолчать; Не говори, когда нужно молчать; Лучшие молчать, чем пустое врать; Лучшие отмолчаться, чем огрызаться; На что перевирать, лучше смолчать; Чем завираться, лучше молча почесаться;* и ФЕ с повествовательными характеристиками: *Доброе молчание лучше худого ворчания; Доброе молчание лучше пустого болтания; Всякое молчание лучше ворчания; Говорить – беда, а молчать – другая* и т. д.

С другой стороны, максима количества связана с недостаточным количеством информации, т. е. нельзя слишком мало. В ФЕ это заключается в том, что, когда нужно говорить, нельзя молчать.

Н. Д. Арутюнова определяет молчание как отрицательный феномен, поскольку значение глагола *молчать* трактуется как противоположность наиболее общего и неспецифицированного по коммуникативной цели предиката речи – глагола *говорить*. По мнению исследователя, «в значение глагола *молчать* и его производных входит отрицание» [Арутюнова 1994: 107]. Многие устойчивые сравнения, характеризующие молчащего человека, передают негативную или ироническую оценку: *Молчит как мертвый; Как неживой; Как убитый* – образы ФЕ восходят к человеческому коду культуры. Молчаливый человек метафорически сравнивается с неживыми существами, которые не могут произносить звуки. *Молчать как камень (каменный); Молчит, как стена; Как сфинкс* – молчаливый человек характеризуется с помощью образов “камень”, “стена”, “сфинкс”, которые включаются в вещный код культуры; метафора основана на невозможности данных предметов издавать звуки. Подобное устойчивое выражение в китайском языке: *沉默的像个石头* – досл. “Молчать как камень”.

Замолчал, как рыба в пироге; Нем (Бессловесен) как рыба – образ ФЕ восходит к зооморфному коду культуры. Здесь молчаливый человек метафорически соотносится с рыбой, которая не произносит никаких звуков.

Замолчал, как воды в рот набрал – образ ФЕ включается в телесный код культуры, обладающий пространственно-объемным измерением: рот человека метонимически отождествляется с его речевой способностью; молчание уподобляется состоянию, когда человек набирает полный рот воды, то не может открыть рот.

Неуместное молчание препятствует успешному коммуникативному взаимодействию, например: *Молчанием город не возьмешь; Молчать, так и дела не скончатъ*. В эффективном общении рекомендуется избегать нерелевантного молчания: *Не молчи, когда нужно говорить; Тихое молчание никому не ответ*. Поэтому ФЕ, описывающие молчание как коммуникативный акт, уподобляют его игре и имеют ироническую окраску: *Играть в молчанку; Перемалчиваться взапуски; Немая беседа; Сошлись кой о чем помолчать* и т. п.

Таким образом, максима количества регулирует степень участия говорящего в коммуникации, устанавливая норму: говорящий не должен быть чрезмерно болтлив, но в то же время он не должен быть излишне молчаливым. В русском коммуникативном поведении важным является чувство меры.

Максима ответственности

Говорящий должен осознавать свою ответственность за слова (подобное правило выделено в [Сперанская 1999]), чтобы не навредить слушающему. ФЕ определяют несколько траекторий ответственности говорящего.

Во-первых, нормативная составляющая коммуникативного поведения говорящего заключается в том, что он должен проявлять осторожность в высказываниях, отбирать информацию с учетом коммуникативной ситуации и уметь вовремя остановиться в разговоре. Например, такие ФЕ с прямыми прескрипциями: *Придержи (попридержи) язык (язычок)* – “Меньше говори, будь осторожнее в высказываниях, не дерзи и т. п.” [ФСРЯ-Тихонов: 334]; *Закусить губу* – “Заставить себя сдержаться, прервать высказывание, речь” [ФСРЛЯ: 243]; *Придерживать (придержать, попридержать) язык (язычок)* – “Меньше говори, будь осторожнее в высказываниях, не дерзи и т. п.” [СФСРЯ: 129]; *Прикусить язычок* – “Резко, внезапно обрывать речь; воздержаться от высказывания” [БФСРЯ: 172] и т. п. Образы идиомов

соотносится с телесным кодом культуры, губы (язык) человека, метонимически отождествляемый «по смежности с речевой его способностью, одновременно включён и в антропную метафору: глагол *придерживать, прикусить, закусить* метафорически означают “прекращать” речь» [БФСРЯ: 173]. В китайском языке сходный идиом: 三緘其口 – досл. “Трижды завязать себе рот”. Особенно внимателен к своей речи человек должен быть в определённых ситуациях: *Удерживай слово, когда оно навредить может; Не давай волю языку на пиру, во хмелю и во гневе.*

В русских пословицах это предписание часто передаётся через телесные метафоры: *Держи язык за зубами; Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами; В зубах не удержал, так в губах не удержишь.* Данные ФЕ включены в телесный (язык, зубы) и пространственный коды культуры, «пространство, находящееся за зубами, ассоциируется с полостью рта, зубы – естественная преграда для выхода слов» [БФСРЯ: 172]. Когда язык как орган тела человека спрятан за сомкнутыми зубами, невозможно произнести ни звука.

Сходный смысл представлен в ФЕ с помощью таких метафорических образов, как “замок”: *(Замкнуть) рот на замок (замочек)* – “Молчать, не вступать в разговор” [ФСРЛЯ: 195]; *Держать рот на замке* – “Одобр. Молчать, чтобы не сказать то, что нужно скрывать от других” [БФСРЯ: 171]; *Держи язык за замком* – “Молчать, чтобы не сказать то, что нужно скрывать от других” [БФСРЯ: 171]. В образе ФЕ «переплетаются телесный код культуры и вещный код, обладающий пространственно-объёмным измерением: рот человека, метонимически отождествляемый по смежности с речевой его способностью, одновременно включён и в пространственную, и в вещную метафоры, уподобляющие рот человека тому, что можно запереть на замок, чтобы закрыть и тем самым сохранить от других то, что имеется внутри» [БФСРЯ: 171]; “веревочки”, “цепи”: *Держи язык на веревочке; Держи собаку на цепи, а язык – на семи.* Эти предметы служат для привязывания кого-чего-либо. Данные образы символически уподобляются зубам или рту человека. И с помощью зооморфной метафоры, уподобляющей «язык животному, которое из-за своего непрогнозируемого

поведения содержится на привязи» [БФСРЯ: 173]: *Держать язык на привязи* – досл. “Одобр. Помалкивать, не болтать, чтобы не сказать чего-л. лишнего о себе или о других” [БФСРЯ: 173]; *Держи кулак в кармане, а язык – на аркане; Язык без привязи, что сундук без замка*. В китайском языке образ идиомы восходит к телесно-предметному коду культуры: *守口如瓶* – досл. “Держать рот, подобно (закупоренной) бутылке”.

Во-вторых, русская языковая традиция накладывает на говорящего ответственность за воздействующий результат его речи на слушателя. Поэтому следует хорошо обдумать свою речь и так ее организовать, чтобы она не причинила вреда адресату. В этом проявляется уже отмеченный важный принцип русской коммуникации – ценность собеседника. А. Н. Сперанская предполагает, что «возможно, в основании этого требования лежит забота о самом Говорящем – чтобы он не остался в социальном одиночестве» [Сперанская 1999:141].

Ряд ФЕ является прямыми прескрипциями: *Сперва подумай, а там и скажи!*; *Говори подумав, садись осмотревшись*; *Говорить не спеши и людей не смей*; *Говори, да оглядывайся*. Необдуманная речь может нанести ущерб не только слушающему, но и самому говорящему: *Будешь следить за языком – он охранит тебя, распустишь его – он тебя предаст*; *Кто не подумав говорит, тот вечно вздор творит*.

Аналогичная ФЕ есть и в китайском языке: *三思而后行* – досл. “Трижды подумать, затем сделать”.

Предварительное обдумывание своих слов становится основой хорошего высказывания: *Долго думал, да хорошо сказал*. Однако обдумывание – не всегда длительный коммуникативный акт: *Недолго думано, но хорошо сказано*.

Неконтролируемая речь всегда таит в себе опасность, оценивается как враг для самого говорящего: *Язык мой – враг мой: прежде ума глаголет*; *Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет*.

Необдуманные слова актуализируются в образе стрельбы без прицела, которая выступает базовой метафорой, выражающей отрицательную оценку:

Говорить не думая, что стрелять не целясь; Слово, сказанное без соображенья, подобно выстрелу без прицела.

Особая ответственность говорящего за необдуманные слова объясняется необратимостью, невозможностью вернуть высказанные слова: *Сказанного не воротишь, потерянного не найдешь; Оброненное слово языком не слизнёшь; Плевка не перехватишь, слова не воротишь; Выпустил словечко, не догонишь и на крылечке; И дорого бы дал за словечко, да не выкупишь; Слово выпустишь, так и крюком (валом) не вытащишь; Сказанное слово и топором не вырубешь; У слова хвоста нет: не поймаеть. Эта мысль утверждается в ФЕ через образы инструментов (топор, крюк), которые не помогут в деле; через идею скорости (слово не догнать и не поймать).*

Учитывая данное свойство, следует быть осторожным со своими словами: *Слово, пока оно у тебя во рту, – твое, а как вылетит – чужое.*

Необдуманно сказанное слово характеризуется в ФЕ также через метафорические образы, в основе которых лежит признак «скорость». Это образы снарядов: *Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаеть; Сказанное слово – пущенная стрела;* или зооморфные метафоры: *Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; Конь вырвется – догонишь, а сказанного слова – не воротишь; Слово не воробей: вылетит – не поймаеть.* В китайском языке аналогичный образ *一言既出驷马难追* – досл. “Слово вылетело – на четверке коней не догонишь”.

ФЕ отрицательно характеризуют необдуманную речь через образ нечистой силы: *Чёрт (бес, леший, нелёгкая) дёрнул (дернула) за язык* кого – “Неодобр. Кто-л. сожалеет, досадует по поводу сказанного им самим или другим лицом” [БФСРЯ: 722]. «Чёрт предстаёт как антропоморфно-зооморфное, которое “постоянно вмешивается в жизнь людей и делает вопреки желаниям человека”, принуждает к неоправданным поступкам» [БФСРЯ: 722].

В-третьих, проявлением максимы ответственности говорящего является хранение чужой тайны, чужих секретов. В эту группу входят ФЕ с прямыми прескрипциями: *Чужой тайны не продавай (поверай).*

В русских пословицах осуждается человек, который всем рассказывает о том, что нужно скрывать: *До трех дней трое знали, а после трех – весь мир узнал; Знала бы соседка, узнает и соседка; Егор оповестил Фому, а тот – белому свету всему; Сказал кум куме, кума свату, а сват брату, и пошел разговор со двора на двор* и т. п.

Такое речевое поведение характеризуется через семантику «громкость»: *Кричат на всех перекрестках* – “Повсюду и всем говорить о чём-либо, ничего не скрывая” [ФСРЛЯ: 322], глагол *кричат* содержит сему “громко”; *Звонить (раззвонить, трезвонить) во все колокола* – “Повсюду объявлять о чем-л., распространять какие-л. сведения, известия” [БФСРЯ: 236]. В старину звоном колоколов распространяли вести о бедствии, пожаре, надвигающемся вражеском войске и т. п. «Образ идиомы восходит к предметной области культуры. В составе фразеологизма колокол метафорически уподобляется языку как средству “устного” сообщения на значительное расстояние заранее обусловленной информации» [БФСРЯ: 236].

Такой человек характеризуется через метафорическое переосмысление животных, например: *Свинья скажет борову, а боров всему городу; Скажешь курице, а она – всей улице; Петух скажет курице, а она всей улице; Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу*. Образы пословиц принадлежат к зооморфному коду и создаются метафорой, уподобляющей крик животных человеку, который не может контролировать свою речь.

ФЕ рекомендуют говорящему проявлять особую осторожность в ситуации сообщения тайной информации, не предназначенной для посторонних ушей: *И стены имеют уши; Скажешь тайком, а услышишь явком; Говоришь по совету (секрету, тайком, совестно), а выйдет по всему свету; Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол*.

Четвертый аспект ответственности говорящего за свои слова связан с обязательствами, обещанием.

В идиомах исполнение взятых на себя обязательств, обещанного одобряется: *Держать своё слово* – “Одобр. Выполнять обещанное” [БФСРЯ: 162]. «В образе

фразеологизма дошли до нас представления о том, что в древности слово-обещание было столь же материально, как и письменный договор, скреплённый печатью. Фразеологизм формируется особенно стереотипом, раскрывающим образ “настоящего мужчины”» [БФСРЯ: 162]. Поэтому в ФЕ сказанное часто ассоциируется с законом и с письменным договором, скреплённым печатью: *Слово крепче (лучше) печати; Слово – закон, держись за него как за кол; У него слово – закон.* Компонент ФЕ *слово* принадлежит к «антропоморфному коду культуры» и слово метонимически отождествляется с высказыванием. Слово помогает делу [БФСРЯ: 62].

Русские ФЕ утверждают, что если слово сказано, то его выполнение обязательно даже в самых тяжелых делах: *Не дав слова, крепись, а дав – держись; Не молвя слова, крепись, а молвя слово держись; Слово держать – не по ветру бежать* и др.

В ФЕ провозглашается ценность обещания, оно выступает как нечто важное, святое: *Что сказано, то свято; Уговорец – святое дело; Уговорец – кормилец.* В паремиях сказанное слово дороже денег, крепче металлов: *Уговор дороже денег; Слово – олово; Слово крепче стали; Крепка окова, а еще крепче слово.* В китайских ФЕ обещание также ассоциируется с драгоценными металлами: *一诺千金* – досл. “Одно обещание – тысяча золотых”; *一言九鼎* – досл. “Одно слово – девять Дин”. Дин – треножники-регалии императорской власти (по числу областей древнего Китая их было девять, отлиты, по преданию, императором Юем).

Невыполненные обещания, не подтверждённые делом, оцениваются отрицательно: *Брать (своё) слово назад (обратно)* – “Неодобр. Отказываться от обещанного” [БФСРЯ: 163]; *Нарушать своё слово* – “Не выполнять обещанное” [БФСРЯ: 163]. (Сходное образное выражение в китайском языке: *食言* – досл. “Съесть свое слово”); *Мазнуть губы* – “Пренебр. Пообещать что либо, но не выполнить обещанного; внушить напрасную надежду” [ФСРЛЯ: 358]; *Бросаться словами* – “Неодобр. Безответственно обещать, советовать и т. п.” [БФСРЯ: 62]. Компонент *слово* и глагольный компонент *бросаться* принадлежат к

антропоморфному коду культуры и слово метонимически отождествляется с высказыванием. «Метафорическое основание фразеологизма сохраняет связь с религиозно-христианским мировосприятием, в котором слово освещено светом Библии: “В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог”» [БФСРЯ: 62], поэтому не следует легкомысленно относиться к слову и, тем более, его бросать, как ненужную вещь. *Бросать слова на ветер* – “Неодобр. Лицо даёт легкомысленные, необоснованные обещания, не думая о последствиях” [БФСРЯ: 58]. Бросить слова на ветер – больше не поймать их. «Образ идиомы восходит к предметной области культуры, где словам метафорически приписываются свойства твердых предметов, которые можно бросить» [БФСРЯ: 59]. Образ ветра в данном случае соотносится с тем, что он бесследно уносит необоснованные, невыполненные обещания. Все ФЕ имеют пометы *неодобрительное, пренебрежительное*. Поэтому пословица с прямой прескрипцией *Не бросай слова на ветер* прямо заявляет о норме коммуникативного поведения.

Многие идиомы с данным значением имеют шутливо-ироническую окраску: *Кормить завтраками* – “Ирон. Неоднократно обещать, заверять сделать что-либо завтра или в ближайшем будущем и не выполнять обещанного” [ФСРЛЯ: 314]; *Сулить завтраки* – “Ирон. Неоднократно обещать кому-либо сделать что-либо в ближайшем будущем и не выполнять обещанного” [ФСРЛЯ: 668]; *Мазать по губам* – “Ирон. Дразнить пустыми обещаниями, не выполнять обещанного” [ФСРЛЯ: 357].

Выполнение обещаний рассматривается как важный принцип обыденного общения, и человек, не выполняющий обещания или многообещающий, оценивается как безответственный: *За собой слова не удержал – за людьми не удержишь; Если сумел пообещать, не заставляй три года ждать*.

Таким образом, максима ответственности говорящего включает требование осторожности в словах; обдумывание слов и тщательный отбор информации; не разглашение сведений, касающихся другого лица, и выполнение обещаний и взятых обязательств.

Максима гармонизации общения

Гармоничное общение характеризуется позитивным коммуникативным результатом, когда «достигнута цель общения, остался прежним баланс отношений, участники коммуникации <...> достигли психологического комфорта» [Борисова 2006: 96]. Члены общества должны соблюдать нормы коммуникативного поведения, чтобы все чувствовали себя комфортно. Для создания комфортного общения фразеология предписывает говорящему соблюдать в коммуникативном поведении ряд правил, которые мы объединили в максимум гармонизации общения.

Гармоничные отношения между коммуникантами и комфортная атмосфера общения обуславливается отсутствием конфликтов. В повседневном общении конфликт понимается как «неадекватное взаимодействие в коммуникации субъекта речи и адресата», при этом общение «строится на основе противоборства» [Михайлова 2015: 55]. Ситуация конфликтного общения является релевантной для коммуникативного сознания народа, что обуславливает широкую представленность ее во фразеологии. По данным О. Н. Чарыковой, «Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова включает в себя 254 фразеологизма, объединенных семантическим компонентом “конфликтная ситуация”» [Чарыкова 2004: 216].

В ФЕ, которые, по нашему мнению, представляют максимум гармонизации общения, выделяется несколько подгрупп, в частности: описываются ситуации, которые народным сознанием оцениваются как конфликтные; и предлагаются способы разрешения конфликта.

Так, ФЕ образно называют причины конфликта: *Гладить против шерсти* кого – “Ирон. Поступать или говорить не так, как хотелось бы кому-то” [ФСРЛЯ: 130]. Аналогичное свободное словосочетание отражает реальную ситуацию: животным не нравится, когда их гладят против шерсти, вследствие этого животное может проявлять агрессию. Так же и в коммуникации: если говорящий говорит что-нибудь неприятное для собеседника, то такое коммуникативное поведение становится конфликтогеном. *Мутить воду* – “Неодобр. 1. Умышленно запутывать

какое-либо дело, вносить неразбериху в какое-либо начинание, дело. 2. Вносить смуту, раздор в отношения между кем-либо” [ФСРЛЯ: 382]; *Чужими руками жар загребать* – “Предосуд. Пользоваться в своих корыстных целях результатами чужого труда” [ФСРЛЯ: 236]; *Наступать на ногу (ноги) кому* – “Экспрес. Грубо обижать кого-либо; ущемлять чьи-либо интересы” [ФСРЛЯ: 398]; *Выбивать почву из-под ног* – “Экспрес. Помешать кому-либо в каком-либо начинании, в начатом деле, лишать уверенности в успехе” [ФСРЛЯ: 109].

Иметь (держат) зуб – “Неодобр. Постоянно испытывать неприязнь, чувство обиды, желание отомстить; вынашивать злой умысел). Имеется в виду, что лицо, группа лиц (X), испытывая негативные эмоции, замышляет недоброе в отношении другого лица, другой группы лиц (Y)” [БФСРЯ: 278]; *Точить зуб (зубы)* – “Неодобр. Постоянно испытывать чувство злобы, вынашивать злой умысел, готовиться навредить” [БФСРЯ: 278]; *Есть (имеется) зуб* – “Существует постоянная неприязнь, чувство обиды, злобы, желание отомстить; вынашивается злой умысел” [БФСРЯ: 279]. Образы ФЕ восходят к «универсальной древнейшей мифологической форме мироосознания – анимистической» [БФСРЯ: 278]. «В основе образа ФЕ. лежит зооморфная метафора, уподобляющая человека хищному животному», которое *точит зубы* для «нападения или защиты, при этом компонент *зуб* соотносится как с зооморфным, так и с телесным кодом культуры» [Там же]. Образ ФЕ «связан также с древнейшими мифологическими представлениями: в славянском фольклоре: Баба-Яга точит затупившиеся зубы, чтобы съесть свою жертву; в древнегреческом мифе об аргонавтах посеянные зубы Дракона дали всходы в виде воинов-убийц» [Там же]. В образе ФЕ *зуб (зубы)* рассматривается как «символ агрессивного состояния, символизирует орудие вымещения накопившейся злобы, мести за нанесённую обиду» [Там же: 279].

Совать (свой) нос кто во что, куда – “Неодобр. Вмешиваться. Имеется в виду, что лицо или группа объединённых участием в общем деле лиц (X) неоправданно и без достаточных на то оснований вторгается в какое-л. дело или в чьи-л. отношения (P)” [БФСРЯ: 651]. Образ ФЕ соотносится с «телесным и пространственным кодами культуры» [Там же: 652]. В образе ФЕ «находит отражение телесная

метафора, т. е. уподобление того или иного жеста или конкретного действия поведению человека в целом и / или его отношению к другим людям. Телесное вторжение в чужое пространство метафорически означает вмешательство в чужие дела и отношения. Вероятно, эта метафора имеет своим основанием зооморфный код культуры и отображает обиходно-бытовое наблюдение за действиями животных» [Там же].

Все ФЕ с указанным значением имеют пейоративную коннотацию, представленную отрицательными стилистическими пометами (*Неодобр. Предосуд. Экспрес.*).

Конфликтными ситуациями в языковой традиции признаются спор, ссора, драка.

Спор представляет собой эмоциональное обсуждение. Всякий спор или возражение рассматривается как «неодобрение чужого мнению», поэтому использовать «его надобно очень осторожно, чтобы не оскорбить других» [Юриев, Владимирский 1889: 131]. В русском общении распространено выяснение отношений – «крайне эмоциональный спор с взаимным предъявлением эмоциональных претензий друг другу» [Прохоров, Стернин 2006: 116]. Паремии призывают избегать спора: *Говори, да не спорь, а хошь спорь, да не вздорь; Красен разговор, да не спор; Лишний спор – лишняя склока.*

Одна из форм проявления межличностного конфликта – ссора, которая всегда связана с отрицательными и неприятными эмоциями, чувствами и потому получает негативную оценку в паремиях. Русская фразеология призывает избегать ссоры, потому что она приносит только вред: *Ссора до добра не доводит; В ссорах да во вздорах пути не бывает; Нелады да свары хуже пожара* (Свара – «Враждебная, ожесточённая ссора, часто с дракой, побоями» [ТСОШ: 858]) и т. п. ФЕ утверждает, что ссора не допустима ни в каком виде, не бывает «хорошей ссоры»: *Плохая дружба лучше хорошей ссоры.*

Ссора может отнимать психическое и физическое здоровье человека, например, *Доброму человеку в ссоре всяко нехорошо.* Этот факт в русской лингвокультуре часто передаётся через зооморфные метафоры. В ФЕ через

образы драчливых, бодливых животных характеризуются люди, готовые при любом удобном случае поспорить. См.: *Драчливый петух жирен не бывает; Драчливый петух голенаст живет; У бодливого барана лоб всегда в крови.*

В китайских выражениях ссора также характеризуется отрицательно, потому что она плохо влияет на душевное состояние людей: *宴席上吵架 – 不欢而散* – досл. “Рассориться на банкете – разъезжаться с неприятным осадком в душе”.

Драка в коммуникации считается самой ожесточённой формой конфликта, и ФЕ рекомендуют решать проблемы словами, а не кулаками: *Языком болтай, а кулакам воли не давай; Языком играй, а руками не рассуждай!; Языком и щелкай и шипи, а руки за пазухой держи!* и т. п. Дракой нельзя добиться справедливости и благополучия: *Дракою прав не будешь; И в доброй драке на хлеб не придет (а в худой и на квас не выручишь).*

В китайских поговорках драка оценивается также резко отрицательно, так как она свидетельствует о безнравственности человека: *君子动口, 小人动手* – досл. “Благородный убеждает словами, подлец – кулаками”.

Максима гармонизации общения в ФЕ регулирует правила коммуникативного поведения говорящего в конфликтных ситуациях и направлена на уменьшение разногласий. Фразеология фиксирует способы избегания или прекращения конфликта: выражение согласия, умение шутить, извинение, молчание, временный уход от разговора.

Согласие с собеседником – компромиссный подход к разрешению конфликтной ситуации. Китайский ученый Гу Юэго назвал такое поведение «правилом согласия», т.е. избегание конфликтности и стремление к гармонии [Гу Юэго 1992]. Для эффективного и полноценного общения требуется, с одной стороны, «умение адекватно интерпретировать коммуникативное поведение собеседника, а с другой – сделать свои мысли, мышления доступными для понимания адресата, словесно оформляя их в соответствии с привычными для него нормами», правилами и привычками [Кузьменкова 2010: 25].

Одно из появлений согласия – найти общий язык со слушающим: *Найти (обрести, находить, искать, искать и находить) общий язык с кем-либо* – “Одобр. Достичь взаимопонимания, договориться о чем-либо” [БФСРЯ: 457]; *Общий язык* – “Полное взаимопонимание, полная согласованность в каких-либо действиях” [ФСРЛЯ: 768]. Образ фразеологизмов соотносится с человеческим кодом культуры и «создается метафорическим уподоблением обретения согласия между людьми нахождению общего языка как средства общения. В образе *общий язык* символизирует инструмент взаимного понимания чужих друг другу людей» [БФСРЯ: 457].

Наоборот, отсутствие общего языка может привести к непониманию, прекращению беседы, конфликту. Во фразеологизмах такие ситуации характеризуются прилагательным *разный*, которое подчеркивает несовпадение коммуникативных интенций говорящего и слушающего: *На разных языках* – “Без взаимопонимания” [УФСРЯ: 138]; *Говорить на разных языках* – “Понимать суть разговора субъективно, по-своему, не так, как другой собеседник” [ФСРЛЯ: 769]; *Говорить разными языками* – “Говорить, понимая, воспринимая суть разговора по-разному, относиться к сути разговора по-разному” [ФСРЯ-Молотков: 110] и т. п. Сходное значение выражается также в пословице *На одном вече, да разные (не одни) речи*.

В ФЕ сила согласия в общении коммуникантов характеризуется через сравнение с самыми твердыми предметами – металлом и камнем: *В бою согласие крепче стали; Согласие лучше каменных стен*.

Согласие всегда имеет счастливый и хороший результат для коммуникантов и для дела: *Лад и согласие – в любом деле счастье; Где согласие и лад, там дело – клад; Согласие к хорошему приводит, а спор противников находит*.

Участникам конфликта необходимо восстановить согласие, т. е. ссора должна завершаться примирением: *Всякая ссора красна мировою; Сколько ни бранится, а быть помириться; Полно браниться, не пора ль помириться; Браниться бранись, а на мир слово покидай!; Временем бранись, а в пору мирись и т. п.*

Всем известно, что извинение представляет собой эффективный способ разрешения конфликта, это рекомендуется и в ФЕ: *Хочешь в ссоре верх взять – скажи, что виноват.*

Для гармонизации общения нужно быть великодушным и паремии рекомендуют уметь прощать ошибки собеседника: *Была вина, да прощена; Невольная ошибка прощается.*

Удачным способом разрядки конфликтной ситуации уместная шутка. В ФЕ уместная шутка выступает как гармоничный рецепт смягчения атмосферы общения: *Добрая шутка дружбы не рушит; Шутя люди мед пьют; Умеючи пошутить – людей повеселить; Кто людей веселит, за того весь свет стоит.*

Однако с шутками следует быть осторожным, советует фразеология. Не над всяким объектом можно шутить – *Тем не шути, в чем нет пути; Не шути над тем, что дорого другому;* не следует много и постоянно шутить – *Век прошутишь, слово проживешь.* Неуместно шутить или смеяться над собеседником считается нетактичным и оскорбительным. Потому что часто люди готовы принять шутку за проявление неуважения к собеседнику. Шутка, переходящая границы, будет приближаться к обидной насмешке. «Легкая и приличная шутка есть признак ума, однако грубая насмешка и зубоскальство доказываются противоположное и одинаково нарушают как законы вежливости, так и законы великодушия» [Юриев, Владимирский 1889: 158]. Например, в идиомах *Шутки шутить* – “Неодобр. над кем, над чем, с кем, с чем. Насмехаться, издеваться” [ФСРЛЯ: 762]; *Шутка в добро не введет; Шутки шутить – людей мутить; Не до шуток* – “О затруднительном положении, тяжёлом состоянии (когда шутить не время)” [ФСРЛЯ: 763].

Паремии рекомендуют с осторожностью шутить, учитывая при этом особенности адресата, его способности понимать шутки: *Кто шуток не понимает, с тем не шути; Не шути с таким ты шуток, кто на всяко слово чуток.*

Паремии утверждают необходимость обдумывания меры шутки. Переход за границы шутки будет также насмешкой и оскорблением: *Шути да оглядывайся; Над другом шути, пока краска в лицо не вступит; Умей пошутить, умей и*

перестать. ФЕ предупреждают, что чрезмерные шутки и насмешки над другими людьми обязательно возвратятся говорящему: *Не смейся чужой беде: своя на гряде; Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах; Над другими посмеешься, над собой поплачешь; Над кем посмеешься, тот над тобою поплачет; Кто шутки пошучивает, тот на себя плеть покручивает* и т. п. В китайской фразеологии также получает отрицательную оценку поведение, когда говорящий шутит над недостатками собеседника: *打人不打脸, 说话不揭短* – *досл.* “Ударите человека – не ударьте в лицо; Говорите – не упрекайте недостатки”; *矮子面前, 莫说短话* – *досл.* “Говоря с карликом, не говорите о коротышке”.

Самой эффективной является шутка над собой, которая в ФЕ высоко оценивается: *Нет лучше шутки как над собою; Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой*.

Амбивалентное отношение к шутке явно проявляется в связи ее с правдой. Одни ФЕ утверждают, что шутка содержит неправду, поэтому слушающему не стоит обращать на них внимания: *В шутках правды нет; В шутках правды не бывает*. Другие, напротив, говорят, что *В шуточках часто правда бывает*, поэтому шутить следует с учетом интересов слушающего.

В китайском языке насмешка над человеком, который находится в аналогичном положении, получает ироническую коннотацию: *乌龟莫笑鳖, 都在泥里歇* – *досл.* “Одной черепахе не пристало смеяться над другой – обе сидят в грязи”. В китайском языке черепаха здесь употребляется для характеристики человека, который не может видеть своих недостатков или не знает, что сам нисколько не лучше других. Образ ФЕ восходит к зооморфному коду культуры. Сходный смысл представлен в пословице: *五十步笑百步* – *досл.* “(Воины), отступившие на 50 шагов насмеваются над отступившими на 100 шагов”.

Как показали ФЕ, молчание рассматривается как один из эффективных способов прекращения конфликтной ситуации.

Молчание в русской коммуникации прежде всего оценивается как добродетель и является сигналом вежливости. В ФЕ русского языка молчание как добродетель считается одним из важнейших качеств личности, необходимых для гармоничного общения: *Молчанье ссору гасит; Из двух спорщиков умнее тот, кто первый замолчит; Умей сказать, умей и смолчать; Молчанкой никого не обидишь* и т. п.

Бывают ситуации, когда молчание выступает как знак согласия, т. е. в диалоге замещает слово «да». Человек своим молчанием информирует коммуникативного партнера о своем отношении к сказанному: *Молчание – знак согласия; Кто молчит, тот соглашается.*

В сознании носителей русского языка молчание часто предстает как проявление мудрости. *Кто молчит, тот двух научит; Не хвастайся осведомленностью, гордись молчанием; Молчи – за умного сойдешь; Кто родится – кричит, кто умирает – молчит* и т. п. В молчании проявляются достоинства личности: умение размышлять, скромность, уважение к собеседнику.

Как средство передачи информации акт молчания не уступает высказыванию в вербальной форме, и порой через молчание коммуникант способен выразить больше, чем словами: *Кстати промолчать, что большое слово сказать; Говорит хорошо, а замолчит – еще лучше; Кстати промолчать, что доброе слово сказать; Кстати смолчать – что хорошее слово сказать; Молчание лучше слов* и т. п. При этом в ФЕ часто соотносится молчание с драгоценным металлом – золотом: *Слово – серебро, молчание – золото; Молчанье – золотое словечко; Слово – олово, молчание – золото; Сказанное слово – серебро, несказанное – золото;* или с деньгами: *За молчание деньги платят; Молчок – сто рублей.* Аналогичное образное выражение есть и в китайском языке: *沉默是金* – досл. “Молчание – золото”.

Самым легким способом прекращения конфликтной ситуации является временный уход от разговора: *Легче ссоры избегать, чем ее прекращать; Дают – бери, бранят – беги.*

Китайская культура ориентирована на терпеливость и уступчивость в общении, чтобы гармонизировать конфликт. См.: *忍一忍风平浪静, 退一步海阔天空* – *досл.* “Терпеливость – ветер стих и волны успокоились, уступчивость на шаг – океан обширный и небо бесконечное”; *得理让三分* – *досл.* “Идти на уступки другим, когда получить причину”; *让人一步自己宽* – *досл.* “Идти на уступки другим – расширять свою дорогу”; *一争两丑, 一让两有* – *досл.* “Одна сторона спорит, обе стороны потеряют лицо; одна сторона уступит, обе стороны получают выгоду”.

Кроме того, в китайской традиции предписывается прибегать к такой коммуникативной стратегии, когда говорящий в общении не должен идти на крайности, а должен обеспечивать собеседнику возможность маневрирования, т. е. не говорить все, чтобы сохранить лицо собеседника, чтобы сохранить гармонию в общении: *话到舌尖留半句* – *досл.* “Когда слово дошло до кончика языка, остановитесь наполовину”; *话不可说尽, 事不能做绝* – *досл.* “Не говорите все в словах, оставляйте выход в делах”.

4.2. Максимы коммуникативного поведения слушающего

В процессе общения слушающий воспринимает и интерпретирует информацию. «Неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена <...> игровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников, и создающим инвертированного адресата» [Арутюнова 1981: 361–362]. Для общения важным оказывается также свойство адресата распределять коммуникативные роли [Макаров 2003].

Л. В. Щерба рассматривает слушающего как человека, совершающего активные ментальные коммуникативные действия: «Процессы понимания, интерпретации знаков языка – не менее активные и не менее важные (чем говорение) ... и они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и

процессов говорения» [Щерба 1974: 25]. Значимость роли слушающего в коммуникации отнюдь не меньше роли говорящего, и это отмечают ФЕ: *Люди говорят, так люди и слушают; Хорошо, кто хорошо говорит, но еще лучше, кто хорошо слушает; Любишь говорить – люби и слушать* и т. п.

Для слушающего фразеология выработала меньше правил, чем для говорящего. По нашим материалам мы выделили максимы очередности, слушания, адекватной оценки собеседника и его высказывания.

Максима очередности

В соответствии с категорией вежливости для слушающего считается грубым перебивать речь собеседника. Речевой этикет требует выслушать партнёра до конца, не сбивать его с мысли, не вставлять неуместных или колких замечаний. «Говорить не иначе как в свою очередь и стараться не перебивать говорящих» – важное правило благопристойности [Юриев, Владимирский 1889: 131]. В ФЕ также отмечается эта максима: *Чужих слов не перебивай*. В китайском языке существует сходное выражение: *以言为讳* – досл. “Запрещается перебивать слова другого”.

В обыденном общении говорящий и слушающий постоянно меняются ролями, т. е. общение всегда реализуется поочередно. Никому из коммуникантов не рекомендуется ставить себя в центр общения. В русской фразеологии имеются единицы, отрицательно характеризующие процесс, когда коммуниканты говорят одновременно: *Петь хорошо вместе, а говорить порознь; Один говорит – красно, двое говорят – пестро*.

Кроме того, нарушением максимы очередности считается вмешательство в общение третьего лица. В паремиях косвенно содержится запрет вмешиваться в чужую беседу, даже в конфликтных ситуациях: *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся; Свои собаки грызутся, чужая не суйся!; Свой со своим бранится, сам помирится, а чужой пристанет – век постылым станет*.

Максима слушания

Максима слушания тесно связана с максимой очередности. Умение слушать – это не только один из коммуникативных навыков, которым должен обладать

каждый собеседник, но и считается одним из проявлений культуры, хорошего воспитания и самодостаточности. Еще в дореволюционной России признавали, что «очень редки люди, умеющие хорошо выслушивать» [Юриев, Владимирский 1889: 131].

Существует много ФЕ, прямо выражающих эту максиму: *Не торопись отвечать, торопись слушать; Кушай (Ешь) варёное, да слушай говореное!*; Даже когда слушающий не может согласиться с мнением говорящего, нужно терпеливо его выслушивать: *Два раза выслушай, один раз скажи.*

Уметь слушать в акте коммуникации важно, чтобы не пропустить нужную информацию, поэтому ФЕ рекомендуют уделять больше внимания слушанию, нежели говорению: *Поменьше говори, побольше услышишь; Слушай больше, а говори меньше; Меньше бы говорил, да больше бы слушал; Мало говоря, больше услышишь.* Эта рекомендация передаётся в ФЕ через телесные метафоры – образы языка и ушей, которые характеризуют говорение и слушание. Два уха даны, чтобы побольше слушать. А рот один, чтобы его пореже открывать: *Бог дал два уха, а язык один; Больше слушай, поменьше говори, не зря у тебя два уха и один только язык.*

Полезность слушания зафиксирована и в паремиях: *Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает); Кто слушает, тот и скушает; Кто говорит, ничего не узнает – кто слушает узнает много.* «По умению слушать оценивают человека в параметрах “умный / неумный” [Сперанская 1999: 110]: *Обед узнают по кушанью, а ум – по слушанью; Каков ум, такова и речь; Каков разум, таковы и речи; Какова голова, такова и речь.* Подобное значение есть в китайском языке: *智者善于倾听* – досл. “Умный человек умеет внимательно слушать”.

В паремиях осуждается невнимательный слушающий: *Он только краем уха слушает; В одно ухо слушает, в другое выпускает.*

Максима полезности слушания в ФЕ часто конкретизируется по объекту. Так, паремии призывают прислушиваться к хорошему совету, правде и словам добрых людей: *Всякий совет к разуму хорош; Хлеб-соль кушай, а правду слушай;*

Слушайся добрых людей, на путь наведут; Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай!

Максима слушания в общении играет большую роль и потому, что слушающий додумывает произнесенную речь, именно это и делает речь до конца осмысленной [Винокур 2005], а продуктом или результатом слушания является «ответное говорение» собеседника [Зимняя 1974: 71].

После коммуникативной акции говорящий ждёт ответа своего собеседника, и отсутствие ответной реакции мешает дальнейшему взаимодействию коммуникатов. Поэтому ФЕ советуют слушающему вовремя быть готовым к ответной реакции: *На всякий спрос – ответ; Слово к ответу, а хлеб к обеду; Дорога ложка к обеду, а слово к ответу; На всякие приветы надобно иметь ответы; На каждое почему есть потому*. Подобная мысль отразилась в китайской ФЕ: *有问必答* – досл. “На все вопросы должен быть найден ответ”.

По народной традиции, представленной в ФЕ, хорошим ответом в некоторых ситуациях может быть и молчание: *Доброе молчание чем не ответ?; Великое молчание – то ли не ответ; Доброе молчанье любому делу отвечаенье*.

Таким образом, максима слушания показывает, что ФЕ для успешности коммуникации устанавливают с точки зрения нормативности некоторый «перевес» в значимости коммуникативного поведения слушающего над говорящим. Однако еще более существенная норма выражена в паремии *Говори мало, слушай много, а думай еще больше*.

Максима адекватной оценки собеседника и его высказывания

Воспринимая сообщение, слушающему нужно проанализировать, полученную информацию и правильно оценить ее. Паремии подчеркивают необходимость хорошо обдумывать услышанные сведения и не всему верить: *Говорят наобум (глум), а ты бери на ум; Кум говорит наобум, а кума бери на ум; Иное слово пропускай мимо ушей; Всякого слушай, а верь не всякому; Слушать его можно, а верить нельзя*.

Максима адекватной оценки в ФЕ диктует слушающему воспринимать полученную информацию исключительно по ее содержательности,

безотносительно к личности говорящего, потому что бывают ситуации, когда и глупец может сказать мудрые слова: *И глупый ино молвит слово в лад; И в маленькой голове рождаются великие мысли; Не гляди, каков в плечах – слушай, – каков в речах.* Сходную идею выражает и следующие ФЕ с зооморфной метафорой: *Мал соловей, да голос велик; Соловей птичка невеличка, а заголосит, так лес дрожит; Не велик сверчок, да громко поёт.*

Речь – одна из самых ярких характеристик человека. Ряд ФЕ доказывает эту мысль: *По речам узнают человека; Лошади узнают друг друга по ржанию, а люди – по разговору; Каковы свойства, таковы и речи; Какова речь, таков и склад; Каков муж, такова речь* и т. п. В китайском языке: *观其行而知其言, 闻其言而知其心* – досл. “По поведению узнают речь человека, по речам узнают ее душу”.

Но при этом максима оценки предупреждает, что слушающему следует быть снисходительным к ошибкам говорящего: *Говорящий много часто ошибается; Ино за неволю слово молвится.*

Как мы говорили выше, за красивыми словами, тактичными манерами говорящего может скрываться неискренность, лицемерность говорящего. Поэтому максима адекватной оценки в ФЕ рекомендует слушающему быть внимательным как к речи, так и к личности своего собеседника. Объективно оценивать его не только по речи, но и по человеческим качествам, по его работе: *Суди по человеку, а не по его словам; Не смотри как горло дерет, смотри как дело ведет.* В китайском языке: *人心隔肚皮, 看人看行为* – досл. “Чужое нутро за кожей живота не разглядеть, поэтому по поведению узнают человека”. И ФЕ предписывают слушать не всякого человека: *Дурака слушать, пирога не кушать; Людских (лихих) речей не переслушать.* Здесь *лихой* в значении «злой, недобрый».

Кроме того, слушающий должен объективно относиться ко всему услышанному и не верить в неискренние слова. Многие запретительно-побудительные пословицы предупреждают об этом: *На ласковое слово не сдавайся, на противное не обижайся; На ласковое слово не поддайся, а на грубое не гневайся; На льстивы речи не мечись, на грубую правду не сердись; Не*

подавайся на пчелкин медок: у нее жальце в запасе; Близкая по смыслу ФЕ есть в китайском языке: *受到表扬不要笑, 挨了批评不要跳* – досл. “Приняв комплимент, не смейтесь; подвергшись критике, не прыгай”.

Таким образом, слушающий, следуя максиме адекватной оценки, должен дать правильную оценку полученной информации и объективно, без предвзятости оценить говорящего.

Выводы

Во фразеологических единицах зафиксированы конкретные речедеятельностные максимы, предписывающие необходимое коммуникативное поведение каждому участнику – говорящему и слушающему, которые в равной степени несут ответственность за развитие и успешное завершение коммуникативного взаимодействия.

Проведенный анализ позволил выделить следующие основные речедеятельностные максимы, регулирующие коммуникативное поведение говорящего: максима количества, максима ответственности, максима гармонизации общения.

По нашим материалам, самой многочисленной является группа «максима количества» (237 ФЕ). Максима количества требует от говорящего контролировать объём своей речи, который следует соотносить с чувством меры. Превышение меры расценивается как болтливость и не одобряется народным сознанием. Специфика гендерных особенностей коммуникативного поведения, зафиксированного в ФЕ, отражается в противопоставлении женской болтливости и мужской сдержанности, в утверждении, что чрезмерная болтливость присуща обычно женщинам.

Во фразеологии приоритет отдается немногословности говорящего, которое связывается с мудростью и трудолюбием. Молчание как речевая деятельность также предпочтительнее пустого болтания. Однако молчание может препятствовать успешному процессу общения, поэтому получает и отрицательную оценку во фразеологии. Таким образом, максима количества

представлена во фразеологической системе как амбивалентная. И в этом проявляется национальная специфика отношения русских к молчанию в сравнении с китайской фразеологией, где молчание имеет только мелиоративную оценку.

Максима ответственности требует от говорящего защищать интересы слушающего. Данная максима реализуется в конкретных правилах: говорящему следует тщательно отбирать информацию и выполнять данные обязательства, держать слово; следует также воздерживаться от высказываний “по секрету” и учитывать “фактор огласки”: то, что он произнесет, будет известно вскоре очень многим. Мнение о человеке слова в народном сознании сформировалось под воздействием представления о праве говорить, которое должно подкрепляться правом решать, иначе возникает то, что в народе называется болтовней. Это своего рода вариация единства “право-долг”, но обращенного не к действию, а к речи... Устная культура особое значение придавала связке: сказать – (раз)решить, то есть “развязать, открыть”. Сказал – одновременно, значит, и “сделал, исполнил”... «На каждом уровне социальной иерархии имеются свои пределы как для права, так и для долга, каждый может и должен сказать свое слово и тем самым решить дело» [Колесов 2006: 61].

Максима гармонизации общения обеспечивает комфортную атмосферу и помогает избежать конфликтной ситуации. Данная максима заявлена во фразеологии как запрещение ссоры, спора, драки. Кроме того, русские ФЕ дают рекомендации, какими приемами и способами говорящий может гармонизировать общение (уместной шуткой, уместным молчанием). Специфика китайской гармонизации проявляется в уступчивости и представлении слушающему возможности маневрирования.

Слушающий, как и говорящий, должен принимать на себя ответственность за эффективное общение. На базе нашего материала мы выявили речедетельностные максимы, регулирующие коммуникативное поведение слушающего: максима слушания, максима очередности, максима адекватной оценки информации и собеседника.

В результате проведенного анализа обнаружилось, что наиболее значительной речедеятельностной максимой слушающего является максима слушания (54 ФЕ), которая свидетельствует о важности для русской коммуникации умения слушать.

Заключение

Нормативная составляющая коммуникативного поведения любого этноса складывалась в течение веков, закрепляясь в виде неписаных норм во фразеологическом фонде языка. В русском языке выделяется номинативное поле «коммуникативное поведение», представленное идиомами и паремиями.

Русское наивное сознание фокусировало внимание на разных сторонах общения – на речевой стороне коммуникации, на деятельности говорящего и слушающего, на моральных принципах, обуславливающих гармоничное общение. Вследствие этого в ФЕ, во-первых, особую значимость получает характеристика коммуникативных свойств речи. Во-вторых, установка на кооперацию для русского коммуникативного идеала приравнивается к этическому императиву. В-третьих, установка на значимость коммуникативного партнера является доминирующей для русской коммуникативной традиции.

Внутренняя дифференциация нормативной составляющей коммуникативного поведения стала основой аспектного анализа материала, в результате чего по данным фразеологии были реконструированы культурно-речевые, нравственно-прагматические и речедеятельностные правила русского коммуникативного поведения.

Культурно-речевые нормы в русском наивном сознании совпадают с риторическими “классическими” требованиями точности и ясности, логичности, выразительности, уместности, чистоты, содержательности, краткости. Отношение к этим правилам во фразеологии однозначно положительное, а отступление от коммуникативных качеств речи всегда осуждается за исключением нарушения качества чистоты речи. Брань и ссора как превышение стандарта в речевом общении получает отрицательную коннотацию, однако русские достаточно лояльно относятся к брани и считают ее вполне допустимым выражением какого-либо чувства и эмоциональной реакцией человека на ситуацию, поэтому ФЕ признают их неизбежность.

Нравственно-прагматический аспект коммуникативного поведения, ориентированный на аксиологическую доминанту, позволил выделить традиционно русские установки коммуникативной культуры, связанные с этическими ценностями. В ФЕ зафиксированы заложенные народной риторикой представления о ценностях, которые передаются от поколения к поколению. Нравственные ценности реализуются максимах правдивости, искренности, скромности, доброжелательности, уважительности как универсальных правилах для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

Важной особенностью русских ФЕ, характеризующих коммуникативное поведение, является амбивалентное отношение к этическим максимах. В частности, в народной культуре не абсолютизируется ценностная установка на правдивость и искренность речи, неоднозначно оценивается скромность в поведении. В соответствии с классификацией, предлагаемой Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 75] для всех типов норм, этические максимы коммуникативного поведения характеризуются относительностью (возможностью отклонений), рекомендательным, а не запретительным характером, вариативностью.

Речедеятельностный аспект коммуникативного поведения проявляется в стремлении к гармоничному протеканию акта общения, в удовлетворенности коммуникативных партнеров перлокутивным эффектом (практическим, информационным, психологическим). Анализ показывает, что ФЕ предписывают говорящему ориентироваться в поведении на слушающего, что проявляется в максимах количества, ответственности, гармонизации общения. Одновременно условием успешного общения является выполнение слушающим максимум слушания, очередности, адекватной оценки информации и собеседника. Зафиксированное в идиоматике отношение языкового коллектива к этому виду человеческой деятельности также является противоречивым. В ФЕ отражены «субъективные представления, которые окрашивают тезаурус скепсисом, юмором, иронией, часто нося амбивалентный характер» [Караулов 1992: 12].

С одной стороны, молчание как речевая деятельность предпочтительнее пустой болтовни, но, с другой стороны, молчание может препятствовать

успешному процессу общения, поэтому получает и отрицательную оценку во фразеологии. Ложь всегда отрицательно оценивается, однако иногда уместная ложь гораздо лучше правды. Для гармонизации общения и нейтрализации конфликта русские фразеологизмы, с одной стороны, предписывают прибегать к разумной шутке, похвале, но, с другой стороны, осуждают неуважительную шутку и угодливое восхваление. Итак, в некоторых фразеологизмах содержится рекомендация на обязательность выполнения действия, а в других эта обязательность отсутствует. Противоречивость коммуникативных правил «в известном смысле отображает противоречивость жизни. Знание альтернатив помогает говорящему и слушающему не столько в выборе правильной линии поведения (эти линии обе правильны; они лишь исключают друг друга), сколько позволяют говорящему, нарушающему одно правило за счет следования другому, оставаться в рамках допустимого» [Сперанская 1999: 138]. Для традиций национального общения важно «чувство меры».

В русской фразеологии находит выражение характеристика гендерных особенностей коммуникативного поведения. Например, чрезмерная болтливость присуща чаще всего женщинам (*Женское слово, что клей, пристаёт; У бабы волос длинный, а язык ещё длинней; Не ждет баба спроса, сама все скажет*). В ФЕ проявляется противопоставление женской болтливости и мужской сдержанности (*Курица гогочет, а петух молчит*). Женщина не контролирует себя в речи, она предпочитает браниться (*Перебранятся бабы – без переплевки не обойдется; Бабы бранятся, так платки с голов валяются*). За женской лестью часто скрывается опасность (*Женская лесть без зубов, а с костями сгложет*). Русской фразеологической системе свойственна высокая степень стереотипизации женского коммуникативного поведения.

Знание и соблюдение освященных традицией максим согласовывают коммуникативное поведение личности с законами поведения всего народа. Наш материал показал, что максима в русских ФЕ, характеризующих коммуникативное поведение, подается и в форме рекомендации, и через запрет, и последний преобладает. Данный факт объясняется тем, что «проявление нормы меньше

интересует людей, меньше беспокоит, чем отрицательное как отступление от нормы» [Гвоздарев 1989: 16]. Все фразеологизмы, содержащие запретительные максимы, обладают отрицательной коннотацией. Кроме того, максимы в ФЕ выражаются разными способами: прямыми прескрипциями, косвенными прескрипциями, а также имплицитным содержанием.

Основные конструкции для выражения прямых предписаний (“следует или не следует поступать так-то”) представлены императивом (*Придержи язык; Пошел на обед, носи (неси) словцо на привет; На ласковое слово не поддайся, а на грубое не гневайся*), глаголами в форме 2 лица единственного числа (*С бабой не сговоришь*), глаголами в форме 1 лица множественного числа со значением “совместного действия” (*Сядем рядком да поговорим ладком*); глаголами в форме инфинитива (*Много баять не подобает; Не все ворчать, надо и помолчать*). При этом большую часть составляют русских ФЕ с повелительными формами глагола, в которых «коммуникативное задание – выразить назидание, поучение, мораль-наставление – эксплицируется грамматическими средствами» [Бочина 2005: 23].

Косвенные прескрипции оформляются оценочными суждениями (“и это хорошо / плохо”) – *Слово крепче (лучше) печати; Язык – стяг, дружину водит; Правда лжи не любит; Вранью короткий век*); суждениями, констатирующими свойства людей и явлений (“бывает так”) – *Правду говорят малые дети да пьяные; Что сказано, то свято; Скажешь курице, а она – всей улице*; суждениями по аналогии (“это подобно тому”) – *Языком молоть – не дрова колоть, спина не заболит; Речи что снег, а дела что сажка; Сказанное слово – пущенная стрела*.

Некоторые фразеологизмы имплицитно выражают смысл предписания (*Доброе молчание чем не ответ?; Языком капуста не шинкуют; И стены имеют уши*).

Коммуникативная культура основана на нормативных составляющих, строгих предписаниях о стратегиях и тактиках межличностного общения. В качестве доминант коммуникативной культуры выступают категории риторики и прагматики, в целом общие по когнитивным основаниям для всего

цивилизированного человечества. Поэтому значительную часть нормативной составляющей коммуникативного поведения в ФЕ составляют универсальные коммуникативные качества речи и общепринятые максимы коммуникативного поведения. Этот факт указывает на тесное переплетение народов и культур.

Вместе с тем анализ фразеологических единиц позволяет делать вывод, что существуют национальные различия в обыденном представлении о значимости качеств хорошей речи. Так, в китайском языке качества правильности и логичности не зафиксированы в ФЕ. Русская национальная специфика коммуникативного поведения отмечена максимумом искренности, которая не представлена в постулатах П. Грайса, Р. Лакофф, Дж. Лича и др. Этот факт служит подтверждением стереотипа об особой искренности коммуникативного поведения русского народа.

ФЕ утверждают преимущество языка перед невербальным общением. Однако для участников коммуникации важно уметь применять как вербальные, так и невербальные средства общения. В работе рассмотрены фразеологизмы, в которых характеризуются невербальные нормы поведения, принятые в русской культуре. Например, уважительные позы (*Бить поклон; Поклониться – всегда пригодится*), жесты для выражения одобрения (*гладить по головке*), гармоничные жесты (*протянуть руку; С распростертыми объятиями*), уместное молчание (*Лучше молчать, чем пустое врать*), запрещение оскорбляющих действий или мимики (*Повернуться спиной; Показывать язык*), запрещение недоброжелательных взглядов (*Бирюком смотрит*), запрещение лицемерной мимики (*Глазами плачет, а сердцем смеется*), запрещение драки (*Распускать руки; Рукам золи не давай*), и т. п. Однако национальное своеобразие отмечается в отношении улыбки, которая в русской фразеологической системе получает отрицательную или ироническую коннотацию, тогда как в китайской ФЕ она выполняет функцию исключительного выражения доброжелательности и благожелательности.

Фразеологические единицы выступают в качестве знака языка и культуры, так как сохраняют в своем содержании следы традиционных культур и представляют собой один из самых важных источников знания о ценностях

народа. Во фразеологизмах прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами, эталонами и символами, которые проявляются как культурный код через образные выражения.

Как показал анализ материала, метафорическому переосмыслению в ФЕ чаще подвергаются номинации, характеризующие природные свойства объектов действительности. В частности, в русской фразеологической системе представлен телесный (соматический) код, а образами для описания речевого поведения в ФЕ часто служат основные анатомические органы человека, такие как *язык, рот, губы, зубы*.

Основными средствами, с помощью которых создается образность ФЕ, характеризующих коммуникативное поведение, являются метафора, сравнение, метонимия, гипербола и др. Наивысшая степень образности представлена во фразеологизмах, основанных на метафоре. В основе переноса часто лежат универсальные объекты живого и не живого мира. Так, и в русской, и в китайской фразеологии, активно используются *собака, конь, воробей, волна, дождь, ветер, золото, меч, нож, мед* и т. п. Однако именно метафорические номинации позволяют увидеть национальные особенности и культурные ценности разных народов. Например, в русском языке для характеристики коммуникативного поведения встречаются специфические предметы крестьянского быта (*мельница, помело, жёрнов, решето, веревочка, цепь* и т. п.), национальная пища (*пирог, пирожок*), оружие (*стрела, копье* и т. п.), птицы (*сорока, соловей, ласточка, ворона, петух, курица* и т. п.), природные явления (*туман, тень, волна, огонь, смола*), и др. В китайском языке используются те же культурные коды, но представлены другие животные (*утка, черепаха*) и растения (*лотос, цветок, дерево, зимняя тыква*), иные природные явления (*ветер, океан, небо, зима, камень, вода, река, мороз*), предметы (*кувшин, холст, шёлк*) и др.

Большая часть изучаемых фразеологизмов имеет прозрачную внутреннюю форму и построена на переосмыслении значения путем метафорического переноса по форме, размеру, качеству, звуку и т. п. Система метафор, лежащих в основе ФЕ, доказывает преимущественно органистический способ мышления

(активно использовались метафоры, восходящие к понятийным полям «вещный код», «пищевой код», «зооморфный код», «природный код», «природно-ландшафтный код», «человеческий код» (анатомические органы человека), «код направления», «цветовой код» и т. п.). Вместе с тем анализируемый материал позволяет выявить национально-специфические особенности в ассоциативно-образном восприятии действительности разными народами. Наиболее продуктивной в русской фразеологии является зооморфная и предметная метафоры. В китайском языке при характеристике коммуникативного поведения наиболее продуктивна природная метафора.

Таким образом, во фразеологии представлены этнокультурные стереотипы, которые регулируют коммуникативное поведение людей, учат этикету, формируют этические нормы. Фразеологические единицы, характеризующие коммуникативное поведение, подсказывают, как вести себя в той или иной ситуации, как нельзя делать и учат быть правильным, гармоничным, вежливыми, искренними, терпеливыми и дружелюбными.

Нормативная составляющая коммуникативного поведения, отражающая традиционные представления русских, остается релевантной до настоящего времени. Однако в реальной жизни коммуникативное поведение современного поколения отличается от народных ценностей общения. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении данных изменений.

Список использованной литературы

1. Абелева И. Ю. Речь о речи. Коммуникативная система человека / И. Ю. Абелева. – Москва : Логос, 2004. – 304 с.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Москва : Наука, 1975. – 276 с.
3. Ажнюк Б. М. Английская фразеология в культурно-этническом освещении / Б. М. Ажнюк. – Киев : Наукова думка, 1989. – 136 с.
4. Азнабаева Л. А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении / Л. А. Азнабаева. – Уфа : Башкир. ун-т, 1998. – 182 с.
5. Аллаярова Р. Р. Национально-специфические элементы семантики устойчивых словесных комплексов современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Р. Аллаярова ; Военный ун-т. – Москва, 1987. – 27 с.
6. Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии / Н. Н. Амосова // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 65–72.
7. Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. для высш. учеб. заведений / Г. М. Андреева. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 290 с.
8. Аннушкин В. И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции : учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2014. – 88 с.
9. Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс : учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 296 с.
10. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ, 1936. – 340 с.
11. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
12. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и в языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Наука, 1995. – 202 с.
13. Арутюнова Н. Д. Молчание : контексты употребления / Н. Д. Арутюнова //

- Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 106–117.
14. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
15. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – Москва : Наука, 1990. – С. 175–189.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
17. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке : основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Ростов. ун-т, 1964. – 315 с.
18. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
19. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. / Е. В. Бабаева. – Волгоград : Перемена, 2003. – 171 с.
20. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и ее источники / А. М. Бабкин. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 263 с.
21. Бай Юй Нормы коммуникативного поведения в китайской и русской афористике : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юй Бай ; Волгогр. гос. социально-пед. ун-т. – Волгоград, 2016. – 18 с.
22. Балашова Л. В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка / Л. В. Балашова // Прямая и непрямая коммуникация // под ред. В. В. Дементьева. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 93–108.
23. Баллы Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Иностр. лит., 1955. – 416 с.
24. Баллы Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Иностр. лит., 1961. – 392 с.
25. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов,

- Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
26. Баранов А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 312 с.
27. Бахарева Е. Н. Аспекты коммуникативного поведения женщины, представляющих различные культуры / Е. Н. Бахарева // Тендер : язык, культура, коммуникация. Мат-лы первой Междунар. конф. – Москва, 1999. – С. 17.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин / сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
29. Березович Е. Л. Байковый язык / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // Русская речь. – Москва : Наука, 2013. – № 1. – С. 112–119.
30. Блох М. Я. Речевое поведение и коммуникативная ответственность / М. Я. Блох // Взаимодействие направлений в современной лингвистике : сб. мат-лов конф. / под ред. О. В. Труновой. – Барнаул, 2005. – С. 3–6.
31. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АРГО, 1996. – С. 21–48.
32. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2001. – 408 с.
33. Борисова И. Н. Конфликтотенная ситуация в повседневном общении / И. Н. Борисова // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллект. моногр. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2006. – С. 89–125.
34. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Т. Г. Бочина ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 50 с.
35. Бочина Т. Г. Запретительно-побудительная пословица / Т. Г. Бочина // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. – 2005. – Т. 147. – № 2. –

- С. 23–34.
36. Бочина Т. Г. Синтаксический параллелизм и перлокутивная сила пословицы / Т. Г. Бочина // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : мат-лы XIII Конгресса МАПРЯЛ / ред. кол. : Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. – В 15 т. – Т. 8. – Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. – С. 48–53.
37. Бочина Т. Г. Пищевой код в русских паремиях / Т. Г. Бочина, Сайулэши // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения) : тр. и мат-лы / под общей ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. – 2015. – С. 60–62.
38. Бутовская М. Л. Язык тела : природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М. Л. Бутовская. – Москва : Научный мир, 2004. – 440 с.
39. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц / В. Н. Вакуров. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1983. – 175 с.
40. Варнавских Н. В. Прагматические ожидания получателя / Н. В. Варнавских // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания : Межвуз. сб. – В 2-х ч. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 178–182.
41. Васильева А. Н. Основы культуры речи / А. Н. Васильева. – Москва : Рус. яз., 1990. – 247 с.
42. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи : учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 539 с.
43. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 467–499.
44. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 384 с.
45. Вепрева И. Т. Фразеологический портрет души как главного органа

- психического мира русского человека / И. Т. Вепрева. // Agnieszka Wędkovska-Korczyk / Hienrich Pfandl (Hrsg.) Slavofraz 2016 : Фразеология и (наивная) психология. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2018. – С. 383–392.
46. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 1990. – 246 с.
47. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения : концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. – 84 с.
48. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
49. Вики Чтение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovar.wikireading.ru/1662444> (дата обращения : 02.03.2018).
50. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // тр. юбилейной науч. сессии Ленингр. гос. ун-та. – Ленинград : Ленингр. гос. ун-т, 1946. – С. 45–69.
51. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Академик А. А. Шахматов (1864-1920) : сб. ст. / под ред. С. П. Обнорского. – Москва, 1974. – С. 339–364.
52. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – 2-е изд., стереотип. – Москва : КомКнига, 2005. – 176 с.
53. Виткин Д. Ж. Правда о женщинах : 14 мифов сочиненных мужчинами / Д. Ж. Виткин. – Санкт-Петербург : Питер Пресс, 1996. – 256 с.
54. Власян Г. Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости / Г. Р. Власян // Вестн. Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та. – Нижневартовск, 2010. – № 3. – С. 29–39.
55. Володина Л. В. Деловое общение и основы теории коммуникации : учебно-методическое пособие / Л. В. Володина, О. К. Карпухина. –

Санкт-Петербург : С.-Петербур. гос. ун-т, 2002. – 56 с.

56. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. – Москва : МАКС Пресс, 2003. – С. 6–15.
57. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка : (в аспекте теории отражения) : учеб. пособие по спецкурсу для филологов / С. Г. Гаврин. – Пермь, 1974. – 269 с.
58. Газизов Р. А. Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей : на материале речевого этикета : дис. ... канд. филол. наук / Р. А. Газизов ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2001. – 229 с.
59. Газизов Р. А. Коммуникативное поведение немцев и русских в этикетных ситуациях общения / Р. А. Газизов // Русское и немецкое коммуникативное поведение : науч. изд. – Воронеж : Истоки, 2002. – Вып. 1. – С. 7–22.
60. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с.
61. Гак В. Г. Истина и люди / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – Москва : Наука, 1995. – С. 24–32.
62. Гвоздарев Ю. Л. Функции фразеологических единиц в русской речи / Ю. Л. Гвоздарев // Фразеологическая номинация : особенности семантики фразеологизмов : Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону : Ростов. гос. пед. ин-т, 1989. – С. 12–19.
63. Гепнер Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения / Ю. Р. Гепнер // Проблемы фразеологии : исследования и материалы. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – С. 54–69.
64. Гладкова А. Н. Концепт 'откровенность' в русской и английской языковых картинах мира / А. Н. Гладкова // Логический анализ языка : между ложью и фантазией. – Москва : Индрик, 2008. – С. 502–514.
65. Головин Б. Н. Основы культуры речи : учеб. пособие / Б. Н. Головин. – Москва : Высш. шк., 1980. – 335 с.
66. Головин Б. Н. Основы культуры речи : учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Б. Н. Головин. – 2-е изд., испр. – Москва : Высш. шк., 1988а. – 320 с.

67. Головин Б. Н. Как говорить правильно : заметки о культуре русской речи : научно-популярное изд. / Б. Н. Головин. – 3-е изд., испр. – Москва : Высш. шк., 1988б. – 160 с.
68. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения : дис. ... канд. филол. наук. / Е. И. Горошко ; Рос. АН ин-т языкознания. – Москва, 1996. – 179 с.
69. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : лингвистическая прагматика. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
70. Грейдина Н. Л. Основы коммуникативной презентации / Н. Л. Грейдина. – Москва : Восток-Запад, 2005. – 280 с.
71. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса : прагмалингвистический и когнитивный аспекты : моногр. / В. С. Григорьева. – Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2007. – 288 с.
72. Гудков Д. Б. Прецедентные тексты / Д. Б. Гудков // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – Москва : Гнозис, 2004. – С. 28–38.
73. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : мат-лы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 288 с.
74. Гулямова Д. Х. Лингвопрагматический аспект ролевых отношений коммуникатов-персонажей : дис. ... канд. филол. наук / Д. Х. Гулямова ; Ташкент. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. – Ташкент, 1990. – 140 с.
75. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.
76. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 600 с.
77. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи / В. В. Дементьев. – Саратов : Сарат. ун-т, 2016. – 396 с.
78. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом /

- Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
79. Дубровина К. Н. Проблемы сопоставительного изучения фразеологии / К. Н. Дубровина // Методология лингвистики и аспекты обучения языка : сб. науч. тр. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 1989. – 129 с.
80. Ефимов А. И. О языке художественных произведений / А. И. Ефимов. – 2 изд., испр. и доп. – Москва : Учпедгиз, 1954. – 288 с.
81. Жельвис В. И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения / В. И. Жельвис // Бытие в языке : сб. науч. тр. к 80-летию В. И. Жельвиса. – Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 258–289.
82. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1978. – 160 с.
83. Жуков В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – Москва : Высш. шк., 1986. – 309 с.
84. Зайцева Т. А. Иницирующие коммуникативные ходы в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Зайцева ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 1998. – 18 с.
85. Захарова Е. П. Коммуникативные категории и нормы / Е. П. Захарова // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – Саратов : Саратов. ун-т, 1999. – С. 163–179.
86. Звезгинцев А. Б. Коммуникативный менеджмент : рабочая кн. менеджера PR / А. Б. Звезгинцев. – Санкт-Петербург : Союз, 1997. – 267 с.
87. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий / Е. А. Земская // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 131–136.
88. Земская Е. А. Категория вежливости : общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка / Е. А. Земская // Zeitschrift für Slavische Philologie. – Band LYI, Heidelberg, 1997. – P. 271–301.
89. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. М. Розанова // Русский язык в его функционировании.

- Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. – Москва : Наука, 1993. – С. 90–133.
90. Зернецкий В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности / В. П. Зернецкий // Языковые процессы и единицы : Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1988. – С. 36–41.
91. Зимняя И. А. Речевая деятельность и психология речи / И. А. Зимняя // Основы теории речевой деятельности. – Москва : Наука, 1974. – С. 64–73.
92. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 1985. – 160 с.
93. Зубров Д. А. Концепт сердце в аспекте концептуальной систематики языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Зубров ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2009. – 21 с.
94. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц / Е. А. Иванникова // Проблемы фразеологии. Исследование и материалы. – 1964. – № 1. – С. 70–83.
95. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи : курс лекций / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Саввова. – Москва : ТК Велби, Проспект, 2007. – 344 с.
96. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. / О. С. Иссерс. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – 285 с.
97. Кажигалиева Г. А. Концепт «честь» : отражение национального характера и культуры в русских и казахских пословицах / Г. А. Кажигалиева // Вестн. Каз. нац. ун-та. им. аль-Фараби. Сер. филологическая. – 2012. – № 5–6 (139–140). – С. 55–58.
98. Казарцева О. М. Культура речевого общения : теория и практика обучения : учеб. пособие / О. М. Казарцева. – Москва : Флинта : Наука, 1998. – 496 с.
99. Казачук И. Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения) : моногр. / И. Г. Казачук. – Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2004. – 310 с.
100. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.

- Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
101. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
102. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья / Ю. Н. Караулов // Вопросы языкознания : теоретический журнал по общему и сравнительному языкознанию. – 1992. – № 6. – С.5–18.
103. Квон Е. С. Косвенная номинация и намек / Е. С. Квон // Вопросы романогерманской и русской филологии : Межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск, 2004. – Вып. 1. – С. 108–112.
104. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. – 180 с.
105. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации : дис. ... д-ра. филол. наук / А. В. Кирилина ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – Москва, 2000. – 369 с.
106. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки. – № 2 (23). – Москва, 2005. – С. 112–132.
107. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка : пер. с англ / Г. Клаус. – Москва : Прогресс, 1967. – 215 с.
108. Клецин А. Дилеммы гендерной социологии / А. Клецин // Гендерные исследования : феминистская эпистемология в социальных науках. – Харьков, 1998. – С. 178–193.
109. Ключев Е. В. Речевая коммуникация : успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е. В. Ключев. – Москва : РИПОЛ Классик, 2002. – 316 с.
110. Кобозева И. М. Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов / И. М. Кобозева // Методологические проблемы социальной лингвистики : сб. ст. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1986. – С. 78–92.
111. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. – 456 с.

112. Ковшова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов : лингвокультурологический подход / М. Л. Ковшова // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 115–120.
113. Козина Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта “грех” (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. О. Козина ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2003. – 20 с.
114. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
115. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100–115.
116. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2007. – 173 с.
117. Коноваленко И. В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Коноваленко ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2003. – 136 с.
118. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1978. – 141 с.
119. Костомаров В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.
120. Кошманова О. В. Концепт “скромность” в русской, американской и иранской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кошманова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 20 с.
121. Кравченко А. И. Культурология : учеб. пособие для вузов / А. И. Кравченко. – 2-е изд. – Москва : Академический Проект, 2001. – 670 с.
122. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность : (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
123. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций

- / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.
124. Кребер А. Л. Культура : критический обзор понятий и определений : пер. с англ. / А. Л. Кребер, К. Клакхон // Культурология. – Москва : Наука, 2000. – № 1. – С.105–193.
125. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
126. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 157 с.
127. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во 2-ой половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. – Москва : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1995. – С. 144–238.
128. Куготова М. С. Особенности репрезентации речевого поведения в паремиологической картине мира : на материале карачаево-балкарского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Куготова ; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2013. – 22 с.
129. Кузьменкова Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде (Лекции 1-8) / Ю. Б. Кузьменкова. – Москва : Пед. ун-т «Первое сентября», 2010. – 96 с.
130. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме : моногр. / Л. В. Куликова. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. – 392 с.
131. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Высш. шк., 1996. – 381 с.
132. Курбатова Н. В. Паремии, паремические выражения и народные суждения как отражение национально-культурной специфики языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Курбатова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 25 с.
133. Кънева Н. К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. К. Кънева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – 19 с.

134. Лаптева О. А. Нормативность некодифицированной литературной нормы / О. А. Лаптева // Синтаксис и норма. – Москва : Наука, 1974. – С. 5–42.
135. Лаптева О. А. Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией литературного языка / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1989. – № 4. – С. 111–127.
136. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии : о систематизации и методах исследования фразеологии / Б. А. Ларин // уч. записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1956. – Вып. 24. – № 198. – С. 200–225.
137. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах : моногр. / Т. В. Ларина. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2003а. – 315 с.
138. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур) : дис. ... д-ра наук / Т. В. Ларина ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2003б. – 495 с.
139. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
140. Латыпова Р. А. Нормы речевого поведения в зеркале английской и башкирской паремиологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. А. Латыпова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2003. – 20 с.
141. Левкович В. П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения / В. П. Левкович // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – Москва : Наука, 1976. – С. 212.
142. Лемяскина Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 195 с.
143. Леонтович О. А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами : дис. ... д-ра. филол. наук / О. А. Леонтович ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – 502 с.
144. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. –

- Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
145. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1974. – 368 с.
146. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва : Смысл, 1999. – 365 с.
147. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 447 с.
148. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 252 с.
149. Мартине А. Основы общей лингвистики : пер. с франц. / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Москва : Иностр. лит., 1963. – Вып. 3. – С. 366–566.
150. Мартурана У. Биология познания / У. Мартурана // Язык и интеллект : сб : пер. с англ. и нем. – Москва : Прогресс, 1996. – С.95–142.
151. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
152. Маякина М. А. Фразеологические словосочетания, описывающие невербальное поведение человека : коммуникативно-прагматический и лексикографический аспекты : на материале англоязычных художественных текстов : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Маякина ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2006. – 251 с.
153. Медведев А. Н. Притчи Шоу-Дао [Электронный ресурс] / А. Н. Медведев // Электронная библиотека (ModernLib.Ru). – Режим доступа : http://modernlib.ru/books/medvedev_aleksandr_nikolaevich/pritchi_shoudao/read_4 / (дата обращения : 05.03.2018).
154. Микаберидзе И. А. Этнонациональная специфика взаимодействия гетерогенных речевых каналов [Электронный ресурс] / И. А. Микаберидзе. – Режим доступа : <http://doc.knigi-x.ru/> (дата обращения : 15.02.2017).
155. Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике : семасиологический и лингвокультурологический аспекты : моногр. / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 1998. – 240 с.

156. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности : учеб.-методическое пособие / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2015. – 124 с.
157. Михальская А. К. Основы риторики : мысль и слово : учеб. пособие / А. К. Михальская. – Москва : Просвещение, 1996. – 416 с.
158. Моисеепко Л. А. Речевое поведение и интенции отправителя текста в теории речевых актов / Л. А. Моисеепко // Филология в образовательном пространстве Донского региона и ее роль в развитии личности. – Ростов-на-Дону : Ростов. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 93–97.
159. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. М. Мокиенко. – Москва : Высш. шк., 1980. – 207 с.
160. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 284 с.
161. Моторина Н. В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Моторина ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2014. – 184 с.
162. Муфазалова Л. С. Концепт совесть в русской картине мира / Л. С. Муфазалова // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – Иркутск : Иркут. нац. исследовательский техн. ун-т, 2011. – С. 352–358.
163. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Наумова ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2015. – 25 с.
164. Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 1977. – 346 с.
165. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / отв. ред. Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др. – Москва : Наука, 1982. – 150 с.
166. Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» / Т. М. Николаева // Славянское и балканское языкознание : проблемы лексикологии. – Москва : Наука, 1983. – С. 236.
167. Николова А. Ипостаси говорящего и способы их выражения в нарративе от

- первого лица / А. Николова // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры : сб. ст. по мат-лам. Междунар. науч. конф. (23-24 мая 2004 г.). – Чебоксары : Чуваш. ун-т, 2005. – С. 118–129.
168. Одинцов В. В. Композиционные типы речи / В. В. Одинцов // Функциональные типы русской речи : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – Москва : Высш. шк., 1982. – С. 130–217.
169. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.
170. Панченко Н. Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации / Н. Н. Панченко // Научный диалог. – 2012. – № 12. – С. 124–135.
171. Пикалова В. В. Этнокультурные нормы речевого поведения в паремиологических единицах английской и русской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Пикалова ; Военный ун-т. – Москва, 2005. – 24 с.
172. Пинтелеева Е. Л. Деловое общение : теория и практика : учеб. пособие / Е. Л. Пинтелеева. – Тверь : Твер. гос. техн. ун-т, 2000. – 199 с.
173. Попов Р. Н. Фразеологические единицы современного литературного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р. Н. Попов. – Москва : Высш. шк., 1976. – 200 с.
174. Потапова Р. К. Мужская и женская речь как объект специального исследования в криминалистике / Р. К. Потапова // Докл. второй Междунар. конф. : Гендер : язык, культура, коммуникации (22-23 ноября 2001). – Москва, 2002. – С. 264–273.
175. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс] // Банк сочинений. – Режим доступа : <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00760401190309313943> (дата обращения : 16.02.2018).
176. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск, 1986. – С. 10–17.

177. Почепцов Г. Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения / Г. Г. Почепцов // Языковое общение : единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С. 26–38.
178. Просвирнина И. С. Концепт «скромность» в русских и китайских паремиях / И. С. Просвирнина, Шао Жуй // Филология и культура. – 2013. – № 4 (34). – С. 97–104.
179. Просвирнина И. С. Концепт «скромность» в русской и китайской лингвокультурах : сопоставительный лингвокультурологический анализ / И. С. Просвирнина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – Волгоград, 2014. – № 5 (90). – С. 52–56.
180. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Педагогика-пресс, 1997. – 228 с.
181. Прохоров Ю. Е. Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 193 с.
182. Психология : учеб. для гуманитарных вузов / отв. ред. В. Н. Дружинин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 656 с.
183. Ратмайр Р. Русская речь и рынок : Традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Р. Ратмайр. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.
184. Рацен Т. Г. Лингвокультурная адаптация христианского именника в русских пословицах и поговорках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Рацен ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2000. – 26 с.
185. Рождественский Ю. В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок / Ю. В. Рождественский // Паремиологический сб. – Москва : Наука, 1978. – С. 211–230.
186. Романов А. А. Систематика регулятивных действий диалогического общения / А. А. Романов // Текст в речевой деятельности : пер., автоматическая обработка, лингвистический анализ : сб. науч. тр. – Москва, 1988. – С. 95–106.
187. Романова Е. А. Национально-культурная специфика концепта сердце в

- английской и немецкой языковых картинах мира / Е. А. Романова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – Волгоград, 2007. – С. 35–40.
188. Руднев А. Г. Проблема фразеологии : лекция курса «соврем. рус. лит. яз.» / А. Г. Руднев. – Ленинград, 1960. – 39 с.
189. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – С. 94–115.
190. Савенкова Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Ростов. ун-т, 2002. – 240 с.
191. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 541 с.
192. Сафаргалина А. Ш. Фасцинация как нарушение нормы в «качественной» прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А. Ш. Сафаргалина ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2008. – 26 с.
193. Сафаров Ш. Речевые действия этноспецифической личности / Ш. Сафаров // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 61–65.
194. Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы / А. П. Седых // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 51–56.
195. Семененко Н. Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Семененко ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2002. – 26 с.
196. Сендерович С. Ревизия юнговской теории архетипа / С. Сендерович // Логос. – 1995. – № 6. – С. 144–164.
197. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир // Статус лингвистики как науки. – Москва : Прогресс, 1993. – С. 259–265.
198. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С.

- 151–169.
199. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика, Лингвистика : сб. ст. – Смоленск : Смол. гос. пед. ун-т, 2004. – Вып. 5. – С. 5–11.
200. Слышкин Г. Г. Социокультурные и гендерные характеристики антропонимов в русском анекдоте / Г. Г. Слышкин // Докл. второй Междунар. конф. : Гендер : язык, культура, коммуникации (22-23 ноября 2001). – Москва, 2002. – С. 280–284.
201. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксис современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – Москва : Наука, 1981. – 219 с.
202. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Литература на иностранных языках, 1956. – 260 с.
203. Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2001. – 352 с.
204. Соколова В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – Москва : Просвещение, 1995. – 192 с.
205. Сперанская А. Н. Правила речевого поведения в русских поговорках : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Сперанская ; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1999. – 211 с.
206. Спивакова М. М. Концепт «честь» в русской языковой картине мира / М. М. Спивакова, Е. М. Спивакова // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. – 2014. – № 1. – С. 131–140.
207. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Halle, 1989. – S. 279–282.
208. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва : ИЯ РАН, 1996а. – С. 97–112.
209. Стернин И. А. Коммуникативное поведение и межнациональная

- коммуникация / И. А. Стернин // Этнолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – Москва, 1996б. – С. 75–81.
210. Стернин И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж : ВОИПКРО, 1996в. – 127 с.
211. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000а. – 27 с.
212. Стернин И. А. / Русское и Финское коммуникативное поведение / И. А. Стернин. – Воронеж, 2000б. – Вып. 1. – 99 с.
213. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Полиграф, 2001. – 227 с.
214. Стернин И. А. Системы и коммуникация : риторика / И. А. Стернин. – Воронеж : Кварта, 2002а. – 224 с.
215. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании / И. А. Стернин // Лингвистический вестн. – Ижевск, 2002б. – Вып. 4. – С. 87–94.
216. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. – 2-е изд. – Москва : ИЯ РАН, 2003. – С. 97–112.
217. Стернин И. А. Общение с мужчинами и женщинами / И. А. Стернин. – Воронеж, 2005. – 39 с.
218. Стернин И. А. Очерк американского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2001. – 206 с.
219. Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2003. – 185 с.
220. Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание : электронный учебник [Электронный ресурс] / И. П. Сусов. – 2005. – Режим доступа : <http://topuch.ru/uchebnik-modificirovano-v-avguste-2005-g-oglavlenie/index.html> (дата обращения : 15.03.2017.)
221. Тамаева Б. Лексико-семантическая группа слов казахского языка с семантикой уважительности-вежливости : автореф. дис. ... канд. филол. наук /

- Б. Тамаева ; Каз. гос. пед. ун-т. им. Абая. – Алма-Ата, 1992. – 21 с.
222. Тарланов З. К. Русские пословицы : синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1999. – 448 с.
223. Телия В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1966. – 86 с.
224. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1981. – 272с.
225. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
226. Телия В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Русский язык : Энциклопедия. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 605–607.
227. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
228. Токарев Г. В. В развитие учения В. Н. Телия о языке культуры : квазиэталон / Г. В. Токарев // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 113–121.
229. Торопцев И. С. К вопросу о возникновении фразеологизма и способов его отграничения от сходных с ним единиц / И. С. Торопцев // Уч. записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Москва, 1966. – Вып. 11. – С. 8–25.
230. Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы : функционально-семантический аспект / Т. П. Третьякова. – Санкт-Петербург : С.-Петербур. ун-т, 1995. – 128 с.
231. Труфанова И. В. Образ слушающего в языке / И. В. Труфанова // Филологические науки. – 1997. – Вып. 2. – С. 98–104.
232. Тюпа В. И. Жанр и дискурс / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – 2011. – № 15. – С. 31–42.
233. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф //

Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

234. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1974. – 206 с.
235. Фархутдинова Ф. Ф. Лингвокультурологическая диалогия В. Даля в парадигме идей и направлений современной русистики : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Ф. Ф. Фархутдинова ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2001. – 46 с.
236. Формановская Н. И. Русский речевой этикет : Лингвистические и методологические аспекты / Н. И. Формановская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 1987. – 158 с.
237. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – Москва : Высш. шк., 1989. – 159 с.
238. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 290 с.
239. Формановская Н. И. Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход : моногр. / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 216 с.
240. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В. П. Фурманова. – Саранск : Мордов. ун-т, 1993. – 124 с.
241. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 380 с.
242. Харлова М. Л. Невежливость и грубость в американской и русской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Харлова ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2016. – 295 с.
243. Хворостова О. В. Категория вежливости в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Хворостова ; Воронеж. областной ин-т. – Воронеж, 2009. – 176 с.
244. Хейзинга Й. Осень средневековья : пер. с Нидерланд. вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В. И. / Й. Хейзинга. – Москва : Прогресс, Культура, 1995. – 416 с.
245. Христолюбова Л. В. Характеризация коммуникативного акта средствами

- русской фразеологии (на материале устойчивых единиц с семей речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Христолюбова ; Урал. гос. ун-т. им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1992. – 18 с.
246. Христофорова О. Б. Особенности коммуникативного поведения народов Сибири и их роль в межкультурном общении / О. Б. Христофорова // Языковое сознание : формирование и функционирование : сб. ст. – Москва : Наука, 1998. – С. 224–231.
247. Чарыкова О. Н. Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии / О. Н. Чарыкова // Коммуникативное поведение славянских народов : русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004. – Вып. 19. – С. 216–220.
248. Человек как слово : сб. в честь Вардана Айрапетяна / С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров, В. В. Бибихин. – Москва : Языки славянской культуры, 2008. – 264 с.
249. Чернышова Е. Б. Коммуникативное поведение дошкольника / Е. Б. Чернышова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – Вып. 21. – 210 с.
250. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата : моногр. / Т. В. Чернышова. – Барнаул : Алт. ун-т, 2005. – 291 с.
251. Шаманова М. В. Коммуникативная категория в языковом мознании (на материале категории “общение” : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / М. В. Шаманова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 37 с.
252. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М Шанский. – Москва : Высш. шк., 1985. – 160 с.
253. Шаповалова О. Н. Управление коммуникативным поведением в общении : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Шаповалова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – Москва, 2002. – 191 с.
254. Шаховский В. И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор В. Н. Телия. Москва : АСТ-ПРЕСС Книга, 2006. 784 с. / В. И. Шаховский // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – Томск, 2007. – № 2. –

- C.116–120.
255. Шевченко Т. И. Различие в речевом поведении мужчины и женщины / Т. И. Шевченко // Социальная дифференциация английского произношения. – Москва : Высш. шк., 1988. – С. 81–87.
256. Шилова С. В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Шилова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1998. – 20 с.
257. Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках / Е. Н. Ширяев // Культурно речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2000. – С. 13–21.
258. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения / Т. В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 1. – С.72–77.
259. Шулежкова С. Г. Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке / С. Г. Шулежкова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. сер. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 374–383.
260. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука, 1974. – С.24–39.
261. Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения / Х. Я. Ыйм // Теория и модели знаний : тр. по искусственному интеллекту. – Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1985. – Вып. 714. – С. 217–237.
262. Юрьев, Владимирский. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон / Юрьев, Владимирский. – Санкт-Петербург : тип. В. А Тазанова, 1889. – 414 с.
263. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против» : сб. ст. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
264. Якубинский Л. П. Язык и его функционирование : избр. работы / Л. П. Якубинский / отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. – Москва : Наука, 1986. – 208 с.
265. Austin J. How to do things with words / J. Austin. – Oxford : Harvard Univ.

- Press., 1962. – 166 p.
266. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / ed. by Peter Cole. – Vol. 3 Speech Acts. Pragmatics. – N. Y. : Acad. Press., 1975. – P. 27–59.
267. Lakoff R. T. The logic of politeness or minding your P's and Q's / R. T. Lakoff // Papers from the 9th regional meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1973. – P. 292–305.
268. Lasswell Harold D. The structure and function of communication in society / Harold D. Lasswell // The Communication of Ideas / ed. By Lyman Bryson. – New York : The Institute for Religious and Social Studies, 1948. – P. 215–228.
269. Leech G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.
270. Searle J. R. Speech acts : an essay in the philosophy of language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 216 p.
271. 顾曰国. 礼貌, 语用与文化. 外语教学与研究. 第4期. 1992年. 第10–17页. (Гу Юэго. Вежливость, прагматика и культура / Гу Юэго // Преподавание и исследование иностранных языков. – 1992. – № 4. – С. 10–17.)
272. 赵冬生. 语用策略与实际行为的有效性. 辽宁医学院学报 (社会科学版). 第12卷第1期. 2014年. 第108–110页. (Чжао Дуншэн. Коммуникативная стратегия и эффективность фактического поведения / Чжао Дуншэн // Вестн. Ляонин. медицинского ин-та. Сер. общественных наук. – 2014. – № 1 (12). – С. 108–110.)

Список использованных словарей и справочников

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник : около 11000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
3. БСРП – Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина / под общ. ред. В. М. Мокиенко. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.
4. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва : АСТ-ПРЕСС Книга, 2009. – 784 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа / сост. В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984. – 612 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 7602 с.
7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 8 изд., стереотип. – Москва : Рус. яз, 2003. – 534 с.
8. КРР – Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
9. КЭС – Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения : 18.02.2018).
10. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/564b.html> (дата обращения : 12.01.2018)
11. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов на Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

12. Михайлова Л. М. 20000 русских пословиц и поговорок / Л. М. Михайлова. – Москва : Центрполиграф, 2009. – 384 с.
13. Народные пословицы и поговорки / сост. А. И. Соболев; [Предисл. проф. Н. В. Водовозова]; под ред. Н. Н. Велецкой. – Москва : Моск. рабочий, 1961. – 327 с.
14. НФЭ – Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН. – Режим доступа : <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHb66fb6dd80327f8c2096bb> (дата обращения : 07.02.2018).
15. Русские пословицы и поговорки / сост. Е. Ю. Нещименко. – Москва : РИПОЛ Классик, 2002. – 302 с.
16. СГТ – Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – Москва : Информация 21 век, 2002. – 256 с.
17. Ситникова А. Этимологический словарь русского языка / А. Ситникова. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 240 с.
18. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethics.academic.ru> (дата обращения : 06.02.2018).
19. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – 6-е изд. – Москва : Политиздат, 1989. – 447 с.
20. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и мелких выражений : более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок / под ред. В. И. Зимина. – Москва : АСТ-ПРЕСС Книга, 2012. – 736 с.
21. СРФИЭС – Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1997. – 704 с.
22. СФСРЯ – Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 352 с.
23. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под

- ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
- 24.ТСОШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82000 слов и фразеологических выражений) / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1175 с.
- 25.ТСРЯ, Т. I – Толковый словарь русского языка. Том I. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Астрель, Аст, 2000. – 848 с.
- 26.ТСРЯ, Т. II – Толковый словарь русского языка. Том II. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Астрель, Аст, 2000. – 528 с.
- 27.УФСРЯ – Учебный фразеологический словарь русского языка : пособие для учащихся нац. школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунёва, Н. М. Шанский. – Ленинград : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.
- 28.ФС – Фразеологический словарь // сост. М. Н. Степанова. – Санкт-Петербург : Виктория плюс, 2003. – 608 с.
- 29.ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
- 30.ФСРЯ-Молотков – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Рус. яз., 1987. – 543 с.
- 31.ФСРЯ-Тихонов – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – Москва : Высш. шк., 2003. – 336 с.
- 32.ФССРЯ – Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка : 7000 выражений и словосочетаний / Ю. А. Ларионова. – Москва : Аделант, 2014. – 512 с.
- 33.ФССЯ – Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 единиц / Науч.-исслед. Словарная лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 424 с.
- 34.ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. редакция : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва :

Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

35. Черных, Т. 1 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1999. – 624 с.
36. ШФСРЯ – Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1980. – 447 с.
37. ШЭСРЯ – Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 5-е изд., стереотип. – Москва : Дрофа, 2002. – 400 с.
38. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. В. Серов. – 2-е изд. – Москва : Локид-Пресс, 2005. – 852 с.
39. 李一华, 吕德申. 汉语成语词典. 四川 : 四川辞书出版社. 1985 年. 1168 页.
(Ли Ихуа, Люй Дэшэнь. Фразеологический словарь китайского языка / Ли Ихуа, Люй Дэшэнь. – Сычуань : Словарь, 1985. – 1168 с.)
40. 王涛. 汉语成语大辞典. 上海 : 上海辞书出版社. 2007 年. 1640 页. (Ван Тао. Большой китайский фразеологический словарь / Ван Тао. – Шанхай : Словарь, 2007. – 1640 с.)
41. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海 : 上海辞书出版社. 2001 年. 1130 页.
(Уэнь Дуаньчэнь. Большой словарь китайских пословиц / Уэнь Дуаньчэнь. – Шанхай : Словарь, 2011. – 1130 с.)
42. 新华字典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京 : 商务印书出版社. 1957 年. 711 页. (Синь Хуа Словарь / Словарное издательство АОНК. – Пекин : Бизнес, 1957. – 711 с.)
43. 周津琦. 汉语谚语词典. 北京 : 北京教育出版社. 2006 年. 1060 页.
(Чжоу Цзинци. Словарь китайских пословиц / Чжоу Цзинци. – Пекин : образование, 2006. – 1060 с.)

**Список русских фразеологических единиц,
характеризующих коммуникативное поведение**

ФЕ о коммуникативной функции языка (20 ФЕ)

Без языка и колокол нем.

Беседа дорогу коротает, а песня – работу.

Всяк язык Бога хвалит.

Глаза видят, брюхо просит, язык скажет, руки огребут.

Горе безъязыкому на чужой стороне.

Дитя не заплачет – мать не знает.

Дурак не может говорить, так руками рассуждает.

Кланяться горазд, а говорить не умеет.

Колокольню видим, а кабака допроситься можно.

Не ищут дороги, а спрашивают.

Не стать говорить, так и бог не услышит.

О чем дитя плачет – и мать не понимает.

Петух поневоле запоет, коли говорить не умеет.

Умный языком – глупый руками.

Язык до Киева доведет.

Язык доведет до кабака.

Язык с Богом беседует.

Язык языку весть подает.

Языком не вымелешь, так руками не вымолотишь.

Языком не расскажешь, так и пальцами не растычешь.

ФЕ о воздействующей функции языка (81 ФЕ)

«Есть» словко, как мед сладко, а «нет» словко, как полынь горько.

Более умирают от языка, нежели от меча.

Бритва скребет, а слово режет.
В зубах слово не завязнет.
Ветер горы разрушает, слово народы поднимает.
Ветер рушит горы, а слово – дружбу.
Востер язык, да дурной голове достался.
Выпустил словечко – не догонишь и на крылечке.
Губы да зубы – два забора, а языку удержу нет.
До чего язык не договорится!
Достается сычке от своего язычка.
Жало остро, а язык острее.
За грехи языка губы терпят.
Иных язык способней рук кормит.
Кабы на сороку не свой язычок.
Лучше запнуться ногою, чем языком.
Мал язык – горами качает.
Мал язык, а всем телом владеет.
Мал язычок, а горами кидает.
Мой язык – горами качает.
Мужик кочедыком, а чистоплюйка языком.
Мужик ражий, да язык-то вражий.
На язык нет пошрины.
Не ножа бойся – языка.
Не спеши языком, торопись кочедвком.
Не убьёшь словом, да опозоришь.
Ни ткаха, ни пряха, я язык как поаха.
Ножи точат на точилке, а язык на остроте.
Острое словечко колет сердечко.
Острый язык что бритва.
От молвы не уйдёшь.
От одного слова – да навек ссора.

От слова спасение, от слова и погибель.
От языка не уйдёшь.
От языка страдает голова.
Птицу кормом возьмешь, человека словом.
Рана от копья на теле, рана от речей – в душе.
Речь как меч: сечет и правого и виноватого.
Самое сладкое – язык, самое горькое – язык.
Свой язычок первый супостат.
Слова не стрела, а разит пуще стрелы.
Слово – ключ, которым открывает сердца.
Слово лечит, слово ранит.
Слово не нож, а до ножа доводит.
Слово не обух, а от него люди гибнут.
Слово не обух, в лоб не бьёт.
Слово не стрела, а в сердце язвит.
Слово не стрела, а к сердцу льнет.
Слово не стрела, а сердце насквозь разит.
Слово не чад, а глаза ест.
Слово сильнее силы.
Слово что пуля.
Слово, что железо, сколько куешь, столько и тянешь.
Словом и соловья не убьешь.
Словом человека не убьёшь.
Соловья баснями не кормят.
Сорвалось словцо – не схватишь за кольцо.
У него язык как бритва.
Язык – жернов, мелет, что не него попало.
Язык – стяг, дружину водит.
Язык – что вехотка, все подтирает.
Язык везде достанет.

Язык голову кормит, он же и до побоев доводит.

Язык голубит, язык и губит.

Язык до добра не доводит.

Язык до кия (побоев) доведёт.

Язык доведёт до кабака.

Язык мал, великим человеком ворочает.

Язык мой – враг мой.

Язык мягок, что хочет, то и лопочет.

Язык на замок не запрёшь.

Язык не лопатка, знает, где сладко.

Язык поит и кормит, и спину порет.

Язык телу якорь.

Язык хлебом кормит и дело портит.

Язык царствами ворочает.

Язык языку ответ дает, а голова смекает.

Язык, что кляп.

Языком что рычагом.

Языком, что кочедыком.

Языце, супостате, губителю мой!

ФЕ о коммуникативном качестве «правильность» (14 ФЕ)

Говорит, что родит.

Двух слов не свяжет.

Едва (с трудом) ворочать языком

Каша во рту

Лепечет, как сорока.

Ломаный язык

Ломать язык

Лыка не вяжет

На ломаном языке

Через губу не переплюнет.

Язык вывихнешь

Язык заплетается (заплетался)

Язык сломаешь

Язык сломать на нём

ФЕ о коммуникативных качествах «точность» и «ясность» (13 ФЕ)

Буква букву

Наводить (навести) тень на плетень (на ясный день)

Напускать (напустить) туману (тумана, туман)

Не в бровь, а в глаз

Разжевать и в рот положить

Русским языком говорить (сказать)

Русским языком говоря

Слово в слово

Слово толковое стоит целкового.

Строка в строку

Точка в точку

Ходить вокруг (кругом) да около

Черным по белому

ФЕ о коммуникативном качестве «логичность» (19 ФЕ)

В огороде бузина, а в Киеве дядька.

Говорит три дни, а все про злыдни.

Забегать вперед

Звонко занес, куда-то вынесешь!

Звонко поешь, где-то сядешь!

Начал за здравие, а кончил за упокой.

Начал с кувшина, кончил о бочке.

От слова до слова

Перевертывает с ветху на молодь.

По-церковному запел, да на плясовую свел.

Полно мотать, пора узел вязать.

Полно плести, пора домой брести.

Полно путать, пора узлы вязать.

Про одни дрожжи не говорят трижды.

Пункт за пунктом

С пятого на десятое

Слово слово родит, третье само бежит.

У всякого словца ожидай конца.

Хорошее слово хорошо один раз.

ФЕ о коммуникативном качестве «выразительность» (28 ФЕ)

Без красного словца ни на шаг.

Боек на язык (слова)

Владеть словом

Владеть языком

Говорит, как пишет.

Говорит, как река льется.

Дар слова

Для (ради) красного словца говорить (сказать), острить (состричь)

Заливаться (залиться) соловьем

Иметь язык, быть с языком

Как по писанному (говорить).

Красна речь умом.

Красную речь хорошо и слушать.

Кто не умеет говорить, портит разговор.

Плести языком кружева.

Ради красного словца не пожалеет и родного отца.

С языком

Сам на печке, нос в горшочке, а язык на речке.

Соловьем разливаться

Суконная речь

Суконный язык

Шерстяной язык

Шубный язык

Язык за порогом оставил.

Язык не подвешен

Язык отсохнет (отсох)

Язык плохо подвешен

Язык хорошо (неплохо, здорово) подвешен (привешен) у кого

ФЕ о коммуникативном качестве «уместность» (45 ФЕ)

В добрый час будь сказано.

В добрый час молвить, в худой промолчать.

Ваши речи в Евангелие, наши и в азабуку не годятся.

Глухой слушает, как немой речь говорит.

Говори на волка, говори и по волку.

Далеко (не туда) захватить

Дёргать (дёрнуть) за язык

Доброе слово сказать – посошок в руки дать.

Доброе смолчится, а худое смолвится.

Ему говоришь про попа, а он про Емелю – дурака.

Ему про Фому, а он про Ерему.

Заговаривать зубы кому

Золоты твои слова, да не вовремя сказаны.

Каждому слову свое место.

Какого гостя позовешь, с таким и побеседуешь.

Красное слово всегда впору.

Кто говорит, что хочет, услышит, чего и не хочет.

Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя.

Махать кулаками после драки.

Мерить на свой аршин

Метать бисер перед свиньями

Не в строку

Не все годится, что говорится.

Не забывай, где должно сказать, а где надо промолчать.

Не тот умен, кто много говорит, а тот, кто попусту слов не тратит.

Ни к селу ни к городу

Один про пироги, другой – про сапоги.

Один про Фому, другой – про Ерему.

Попадать в (самую) точку

Попали пальцем в

После дела за советами не ходят.

После норы не точат топоры.

Сам оглох, сам и кричит.

Сам поет – сам слушает.

Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати.

Слово к месту говорится.

Слово не мимо идет.

Слушайте сами, а я люблю говорить.

Толкуй с глухим хоть до завтра.

Умей вовремя сказать, умей и смолчать.

Хватить через край

Хорошее слово всегда к месту.

Что кого веселит, тот про то и говорит.

Что у кого болит, тот про то и говорит.

Я говорю про попа, ты про попадью, а он про попову дочку.

ФЕ о коммуникативном качестве «чистота» (115 ФЕ)

Бабы бранятся, так платки с голов валяются.

Базарная брань

Базарная ругань

Брани в глаза, хвали позаочь.

Бранить – себя тешить.

Бранное слово на гнев наводит.

Брань в боку не болит.

Брань делу не спорит.

Брань на вороту не виснет, а кулак в боку не киснет.

Брань на вороту не виснет.

Брань не дым – глаза не ест.

Брань не запас, а без нее ни на час.

Брань не киснет, ветер носит.

Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марает.

Брань очей не выест.

Бранью праву не быть.

Бранят – не в мешок валят.

В немир бьются, а б мир бранятся.

Вольно собаке на небо лаять.

Говори задорно, а не заборно.

Горлом не возьмешь, бранью не выпросишь.

Грызть голову

Грызутся – как собаки за кость.

Две невестки завсе котосятся.

Дерзкий на язык

Долго бабы перекидывались бранью, да вдруг и вцепились одна в одну.

Журливый да бранчивый веку не доживают.

За ветром в поле не угоняешься, а с бранчивой кумой не попрощаешься.

За малое судиться – большое потерять.

Заглазная брань, по указу государеву, тебе же на ворота виснет.

Заглазно и архиерея бранят.

Зуб за зуб браниться, зев в зев грызться.

Иному грубо, а иному любо.

Как ни колотись, а без брани не житье.

Крепкое словцо (слово)

Крыть матом

Кто кого за глаза поносит, тот того боится.

Кто ругается, у того лошадь спотыкается.

Метать икру

Милые бранятся – только тешатся.

Много бранился, а добра не добился.

Много воевал, да все потерял.

Молодые бранятся – тешатся, старики бранятся – бесятся.

Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится.

Мылить шею

Мыть голову

На все корки

На каждый час побранки не напасешься.

На крепкий сук точи топор, на брань умей давать отпор.

На чем свет стоит

На что с тем дружить, кто охочь браниться.

На что с тем мириться, кто охочь браниться?

Накрутить хвост (хвоста) кому

Намылить холку

Напившись, мужик и за рекою бранится, да ради его не утопиться (не в воду кинуться).

Начистить пряжку

Не бранись ни с кем, тем хорош будешь всем.

Не бранись: нечисто во рту будет.

Не бранись: что исходит из человека, то его и поганит.

Не выругавшись, дела не сделаешь.

Не выругавшись, огня не вырубешь, замка не отопрешь.

Не грубость нужна, а строгость важна.

Не обругавшись, и замка в клети не отопрешь.

Не прямота бранится, а задор.

Не сквернит в уста, а сквернит из уст.

Не хвали меня в очи, не брани за глаза.

Нецензурная брань

Нецензурные слова

Он до того дособачился, что только на собак не лает.

Отбранкою прав не будешь.

Отрыгнуть слово

Ошкуренный кус нейдет в горло.

Пару ласковых сказать

Перебранятся бабы – без переплевки не обойдется.

Площадная брань

Подрать с песком

Поливать грязью

Поливать руганью

Полно браниться, не пора ли подратиться.

Поповой собаки, отставного солдата да старой девки злее нет.

Поругаться – душу отвести; подратиться – сердце повытрясти.

Послать к чертовой бабушке.

Послать к чертям собачьим.

Послать куда следует

Постой, хайка, не взяла бы кайка.

Протиши нет в доме, все брань да свара.

Разделать под орех

Распекать на все (обе) корки кого

Распустить глотку (губы, горло)

Распустить язык

Расстегнуть рот

Ругательски ругать.

С брани люди сохнут, с похвальбы толстеют.

С бранчивым не набранишься.

С людьми браниться – никуда не годится.

С людьми мирись, а с грехами бранись!

С пьяным не бранись (не дерись), с богатым не тянись.

С пьяным, побранюсь, а с трезвым помирюсь.

С сыном бранись, на печь ложись, с зятем бранись, за скобку держись.

С тем не бранись, кому будешь кланяться.

Свой со своим бранится, сам помирится, а чужой пристанет – век постылым станет.

Смола не вода, брань не привет.

Снес дурака (брань), снесет и кулака.

Снимать стружку с кого

Собака лает, а бары едут.

Собака лает, ветер носит.

Собаке и на свой хвост вольно брехать.

Сперва побранюсь, а там помирюсь – литки будут!

Спорить – спорь, а браниться – грех.

Стяжкаются, помирятся.

Устраивать баню

Хорошо браниться, когда мир готов.

Худой мир лучше доброй брани.

Чего хвалить не умеешь, то не хули.

Черное слово

ФЕ о коммуникативном качестве «содержательность» (132 ФЕ)

Беседовать не устать, было бы что сказать.

Беседовать хорошо тогда, когда есть что сказать.

Бесполезных слов не говори, от произнесения слов полезных не отказывайся.

Бить язык

Бобы разводить (развести) с кем

Болтать языком

Болты-болтать

Боль от самой большой раны пройдет, а от дурного слова не пройдет.

В долгих речах и короткого толка нет.
В умной беседе быть – ума прикупить, а в глупой – и свой растерять.
Видно, у него чешется.
Во многословии не без пустословия.
Где много толков, там мало толку.
Глупые речи, что пыль на ветру.
Глупым словам – глупое ухо.
Говорил, говорил, а глядь – и нет ничего.
Говорит день до вечера, а слушать нечего.
Говорит много, а толку на грош, да и тот не хорош.
Говорит три дня, а все пустое.
Говорить было немало, да разума не стало.
Говорить впустую, что стрелять вхолостую.
Городить (нагородить) вздор (околесицу, ерунду, чепуху, чушь)
Городить пустое
Дельное слово бьет больнее палки.
Длинный язык – короткие мысли.
Длинный язык с умом не в родстве.
Досужие языки
Думка чадна, недоумка бедна, а все тошней пустослов.
Жевать (пережевывать) жвачку
Жевать мочалку
Жужжать в уши
За дурную речь – голову с плеч.
За словом в карман не лезет/не полезет
За умную речь хвалят, за дурную хают.
Заводить волынку
Зводить пластинку
Звонить языком
Зерна мели, а много не ври!

И красно, и пестро (говорит), да пустоцветом.
И красно, и пестро, да пустоцветом.
И красно, и пестро, да цветом пусто.
Из пустой головы – пустые слова.
Из пустой клетки – или сыч, или сова.
Колебать воздух
Красен словами, рассудком беден.
Красен словами, рассудком беден.
Красно поле пшеном, а беседа умом.
Крутить шарманку
Кто без устали болтает, в том толку не бывает.
Кто не подумав говорит, тот вздор творит.
Ладить (тянуть) одну и ту же песню
Лепеталось бы, да не дремалось.
Лить воду
Ля-ля разводить
Ляскать языком
Мелева много да помолу нет.
Мелева много, да помолу нет.
Мелет с утра до вечера, а послушать нечего.
Мелет, как пустая мельница.
Много говорено, да мало сказано.
Много говорить — перемота положить.
Много дыму, да мало пылу.
Много кудахтанья, а яиц нет.
Много сказать, нет толки.
Много трухи, да мало сена.
Молва трезвонится
Молоть вздор (галиматью, ерунду, чепуху)
На алтын – пользы, а на целковый – пустых слов.

На свашенькиных речах хоть садись да катись.

На словах густо, а в голове пусто.

Наговорил с три короба.

Наговорил, что наварил, а глядь – и нет ничего.

Не сходить с языка.

Неловкие слова вредят тому, кто их говорит.

Непродуманное слово, что незрелое яблоко.

Нести (понести) вздор

Нести (понести) дичь

Нести (понести) ересь (ерунду, чепуху, чушь, гиль, ахинею, белиберду, галиматью)

Нести (понести) околесицу

Нечего про то и говорить, чего в горшке не варить.

От многих слов нет прибыли, от одного нет убытка.

Открывать Америку

Пень – не околица, глупая речь – не пословица.

Переливать из пустого в порожнее

Петь (пропеть) с чужого голоса

Плести ахинею (ересь, околесицу)

Плести языком

Поет, что соловушка, да пуста головушка.

Полнится слухом

Пороть вздор (ахинею, галиматью, ерунду, дичь, чепуху, чушь)

Праздные языки

Пустая мельница и без ветру мелет.

Пустому слову тугое ухо.

Пустые разговоры оскомину набили.

Пустые речи уносят ветры.

Пустые слова что орехи без ядра.

Пустые языки

Разводить антимонии с кем

Разводить бодягу

Разводить канитель

Разводить тары-бары (тары да бары, тары-бары-растабары) с кем

Разводить турусы на колесах

Разводить узоры

Решетом воду носить

С тобой говорить – решетом воду носить.

С умным разговориться – что меду напиться.

Сказка про белого бычка

Сладки твои речи, да не лизать их.

Слов много, а складу нет.

Словам тесно, да мыслям просторно.

Смотреть со своей колокольни на кого, на что

Сорить словами

Стрелять – еще не значит быть стрелком, не тот речист, кто треплет языком.

Сучить языком

Толочь воду в ступе

Точить лясы (балясы, балы)

Травить баланду

Турусы на колесах

Тянуть канитель

Тянуть кота за хвост

У всех на устах

У короткого ума длинный язык.

Умную речь хорошо и слушать.

Хорошие слова, а всё не пряники.

Часто красиво говорят, а слушать нечего.

Чесать зубы

Чесать язык (языком)

Язык (языком) болтает, а голова не знает.

Язык (языком) мозолить

Язык (языком) молоть

Язык (языком) трепать

Язык (языком) трещать

ФЕ о коммуникативном качестве «краткость» (29 ФЕ)

Аркан ценится длиной, а слово – краткостью.

Без дальних слов (разговоров)

Без лишних слов (разговоров)

В двух словах

Где слова редки, там они имеют вес.

Держи язык короче.

Долгая песня

Коротко и ясно, оттого и прекрасно.

Коротко сказано, да много высказано.

Коротко, да узловато.

Коротко, да ясно; длинно, да ужасно.

Короткую речь слушать хорошо, под долгую речь думать хорошо.

Короток язык, так вытянут, а длинен, так окоротают.

Краткость – душа остроумия.

Краткость – сестра таланта.

Лучше скажи мало, но хорошо.

Можно много сказать и в короткой речи.

Мудра голова – короткий язык.

На два слова

Не много говорит, да много смыслит.

Не поддегивай: и так коротко.

Недолгая речь хороша, а долгая поволока.

С коротким языком жизнь длиннее.

Сболтнул бы коток, да язык короток.

Сказать редко да метко.

Слова хороши, если они коротки.

Умей сказать многое в немногих словах.

Хороша веревка длинная, а речь короткая.

Хорошая речь коротка.

Максима правдивости (285 ФЕ)

Аправлять арапа

Без обиняков

Без околичностей

Бойся клеветника, как злого врага.

Болтливая молва к правде ложь прибавлять любит.

Брехать – не пахать, брехнул да отдохнул.

Брехня, что мочало: спутана и без начала.

Бросать в лицо кому, что

Бросать грязь в кого

Будь прям, да не упрям.

В каждой лжи есть доля правды.

В мире, что в море, а молва, что волна.

В чем проврался, в том и поплатился.

Вешать лапшу на уши

Взять с потолка

Во лжи постоянства нет.

Водить за нос

Вола вертеть

Врал бы, да меру знал бы.

Врал до обеда, да и к ужину оставил.

Врал много, а перевернуть не умеет.

Вранье не введет в добро.

Вранье, что дранье: того и гляди, руку занозишь.

Вранью короткий век.

Врет – что помелом метет.

Врет по-печатному.
Врет сплошь, а перевернуть не умеет.
Врет, как в уброд бредет.
Врет, как водой бредет.
Врет, как по-писаному.
Врет, как сивый мерин.
Врет, что блины печет: только шипит.
Врет, что лыко дерет.
Врешь хорошо, да не в одно слово.
Ври, да не завирайся.
Ври, да помни; Врет – себя не помнит.
Все минется, одна правда останется.
Всяк правду знает, да не всяк ее бает.
Всяк правду хвалит, да не всяк ее сказывает.
Всяк про правду трубит, да не всяк ее любит.
Всякий правду любит, да не всякий ее скажет.
Втирать очки
Выложить душу кому
Высасывать из пальца
Где много слов, там мало правды.
Где не бывал, о том не сказывай.
Говори рьяно, да без обмана.
Говори смелее – будет вернее.
Говори смело, отчего спина засвербела.
Говори, да не заговаривайся.
Говори, да не проговаривайся.
Говорил бы много, да сосед у порога.
Говорит, как слепой о краске.
Говорить – смешно, утаить – грешно.
Говорить в глаза

Говорить загадками

Говорить обиняками

Говорить правду – терять дружбу.

Говоришь правду, правду и делай.

Говоря про чужих, услышишь и про своих.

Делай не ложью – всё выйдет по-Божью.

Доброе дело – правду говорить смело.

Дуть в уши

Един молвил остро, а два – стало пестро.

Ему семерых посади – всех до смерти заврет.

Живи не ложью – будет по-Божьему (по Божью).

За глаза и немой говорить умеет.

За одну правду хвалят, а за другую бьют.

За правое дело говори смело.

За правое слово умирают многи.

Замазать глаза кому

Заочная брань, по (указу государеву), тебе же на ворот виснет.

Заочную брань ветер носит.

Запрещение клеветы и сплетни.

Запрещение неправдивой информации.

Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай.

Злые языки

Злые языки страшнее пистолета.

Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь.

Знаючи говори, а не знаючи молчи.

И ложь иногда во спасение.

И ложь невзначай правду скажет.

И ложь правдою статься может.

И платье чисто, и речь честна.

Играть в загадки (в жмурки)

Играть в прятки (в жмурки)

Играть словами

Иной мелет, да никто ему не верит.

Как будто (будто, словно, точно) язык проглотил.

Как ни хитри, а правды не перехитришь.

Как резва ни будь ложь, а от правды не уйдешь.

Клевета как змея подкрадывается.

Клевета что стрела: человека разит.

Клевета, что уголь: не обожжет, так замарает.

Клеветники на том сеете раскаленные сковороды лижут.

Когда правды нет в сердце – слова пусты.

Коли не врет, так правду говорит.

Коли не ложь, так правда.

Красно врешь: за мною грош.

Кто врет, того бы под гнёт.

Кто врёт, тому бы бобра в рот.

Кто говорит ложно, тому верить невозможно.

Кто легко всему верит, скоро пропадет.

Кто лжет, тот и крадет.

Кто лжет, тот сохнет, а иному и впрок идет.

Кто любит лгать, того нельзя за друга принять.

Кто неправду творит кому, лихо тому.

Кто переносит вести, тому бы на день плетей по двести.

Кто правды не скажет, тот многих свяжет.

Кто привык лгать, тому трудно отстать.

Лгать мягко: язык ворочается, а свидетелей нет.

Легко сказать, нелегко доказать.

Лжа (ложь), что ржа: тлит.

Лжи много, а правда одна.

Лживому всегда не верят.

Лихо тому, кто неправду творит кому.
Ложь – конь во спасение.
Ложь белой ниткой шита.
Ложь бывает и проста, а клевета – всегда с умыслом.
Ложь в правду рядилась, да о правду и разбилась.
Ложь доводит до правды.
Ложь и обман вравне ненавистны.
Ложь ложью погоняет.
Ложь на глиняных ногах ходит.
Ложь на одной ноге стоит, а правда на двух.
Ложь на тараканьих ножках (того и гляди подломятся).
Ложь не живуща.
Ложь не красит человека.
Ложь свидетельства не требует.
Ложь стоит до правды.
Ложь стоит до улики.
Ложь что мелкая монета: на нее долго не проживёшь.
Ложью как хочешь верти, а правде путь один.
Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.
Лучше ложь ко спасению, нежели правда к гибели.
Лучше ложь сказать, нежели правду открывать.
Людская молва, что морская волна.
Маленькая ложь ведет за собой большую.
Мало правды в том, из кого сыплется много слов.
Молва – что волна: расходится шумно, а утишится – и нет ничего.
Морочить голову
На лжи правды не вырастишь.
На правду мало слов: либо да, либо нет.
На чужой рот пуговицы не пришьёшь.
На чужой роток не накинешь платок.

Навешать собак

Наговорил с три короба, да недорого возьмет.

Надуть в уши

Назвать (назвать) вещи своими (собственными) именами

Насыпать с три короба

Натянуть нос

Не будь правды, не стало бы и лжи.

Не всякому правду сказывай.

Не всяку (всякую) правду жене сказывай.

Не всяку правду муж жене (жена мужу) сказывает (а сказывает, так обманывает).

Не всякую правду жене сказывают.

Не говори обиняком, говори напрямиком.

Не говори правды – не теряй дружбы.

Не говори правды в глаза – постыл не будешь.

Не говорить было правды – не потерять было дружбы.

Не делай ложью – всё выйдет по-Божью.

Не знаешь, так не говори.

Не из чести переносят вести.

Не обманешь – не продашь.

Не солгать, так и правды не сказать.

Не стыдись говорить, коли правду хочешь объявить.

Не хвались, ложь, – правда слушает, да тебя и скушает.

Нет дыму без огня.

Ну и народ! Постою у ворот – скажут, на улице была.

Обводить вокруг пальца

Обманщик и себе до обеда не верит.

Обули Филю в чертовы лапти.

Один раз обманешь – другой не поверят.

Оставить с носом

Открывать душу кому, перед кем

Пей да ешь, а правду режь.
Перемыть косточки (кости) кому
По правде говоря (сказать)
По саже хоть гладь, хоть бей – все черно.
По совести говоря (сказать)
По чести говоря
По чистой совести говорить
Повести речь (разговор) околицей (околицами).
Положа руку на сердце
Посеешь ложь – не вырастет рожь.
Правда всем глаза режет.
Правда глаза колет.
Правда дружество портит.
Правда истомилась, лжи покорилась.
Правда как оса: лезет в глаза.
Правда лжи не любит.
Правда не речиста.
Правда ненависть родит.
Правда с ложью не дружат.
Правда уши дерет.
Правда шутки не любит.
Правдивое слово – сила.
Правду (говоря) сказать
Правду говорить – друга не нажить.
Правду говорить – милу не быть.
Правду говорить – многим досадить.
Правду говорить – никому не угодить.
Правду говорить – себе досадить.
Правду говорят малые дети да пьяные.
Правду не ситом сеять (не в сито сеять, не в сито бить).

Правду о себе только подслушать можно.
Правды не говори – постыл не будешь.
Правды не переспоришь.
Правды, что шила в мешке, не утаишь.
Проврался, что прокрался: люди долго помнят.
Проглотить язык
Против явности спорить – только вздорить.
Прямоковое слово, что рогатина.
Прямое слово рожком торчит.
Пудрить мозги
Пускать пыль в глаза
Раз солгал, а на век лгуном стал.
Разбирать по косточкам кого, что
Разводить вавилоны
Рассказывать сказки (басни)
Рать стоит до мира, ложь до правды.
Резать (рубить) правду-матку (в глаза) кому
Резва заморская ложь, а от нашей правды не уйдешь.
Рот не ворота, клином не запрешь.
Рубить сплеча
С брехни люди не мрут, только веры им больше нет.
С ложью правда не дружит.
С правдой шутить – что с огнем.
Сила слова в правде.
Скажешь с ноготок, а перескажут с локоток.
Скажешь слово, а прибавят десять.
Сказал, как узлом завязал.
Сказать не велят, утаить нельзя.
Сказки сказывать
Сказывай тому, кто не знает Фому, а я брат ему.

Сколько не таимничать, а будет сказаться.
Сладкая ложь лучше горькой правды.
Слишком много слов топит правду.
Слова вязнут на языке.
Слова не идут (не шли) с языка у кого
Со лжи люди не мрут, а вперёд веры неймут.
Со лжи люди не мрут, а вперёд им не верят.
Со лжи люди хоть не мрут, а впредь им веры не дают.
Собака брешет, ветер носит.
Соврёт – недорого возьмет.
Соврешь – не помрешь, да вперед не поверят.
Спорила правда с кривдой да притомных не стало.
Стыдно сказать, а грех утаить.
Судить да (и) рядить
Суды да (и) пересуды
Так врет, что выноси святых, да и сам уходи.
Так врет, что ни себе, ни людям передышки не дает.
Так врет, что под ним ни одна лавка не устоит.
Так врет, что с души прет.
Так врет, что со стороны слушать тошно.
Так врет, что уши вянут, что в глазах зеленит.
Так завирается, что дома не ночует.
Так соврал, что за пазуху не уберешь.
Так соврет, что не знаешь, как и быть.
У лжи короткие ножки.
Умная ложь лучше глупой правды.
Умная ложь лучше правды.
Устами младенца глаголет истина.
Хлеб-соль ешь, а правду режь.
Хоть и косо сел – говори прямо.

Чёрное за белое выдавать

Честна не кудрявая речь, а правдивая.

Честно говоря (сказать)

Честное слово и буйную голову смиряет.

Что знает, все скажет, и чего не знает, и то скажет.

Что лживо, то и гнило.

Что просится, то и скажется.

Что слово, то и ложь.

Что ступит, то соврет.

Чтобы правду сказать, много слов не нужно.

Чужой рот – не огород, не приставишь ворот.

Чужой рот – не свои ворота, не затворишь.

Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь.

Чье правое дело, тот говорит смело.

Шла молва, да и была такова.

Ябедника на том свете за язык вешают.

Язык не поворачивается (не повернулся, не повёртывается) у кого

Язык повернулся (повернётся) у кого

Языком кружева плетет.

Языком плетет, что коклюшками.

Максима искренности (72 ФЕ)

В глаза забавляют, а за очи ругают.

В ноги кланяется, а за пяты кусает.

В очи льстив, а за очи лжив.

Вести двойную игру

Вилять хвостом

Виться вьюном

Возносить (превозносить) до небес

Встречай не с лестью, а с честью.

Где льстят, там клеветают.

Глазами плачет, а сердцем смеется.
Говорит бело, а делает черно.
Говорит направо, а глядит налево.
Говорит прямо, а делает криво.
Говорит, что дипломат, да дела не идут на лад.
Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша).
Горько плачет, а вприсядку пляшет.
Действовать на два лагеря.
Держать камень за пазухой (на кого-либо, против кого-либо)
Дурно в очи хвалить, а за очи хулить.
Женская лесть без зубов, а с костями сгложет.
И речисто, да нечисто.
Идти против своей совести
Изливать (свою) душу кому, перед кем, в чём
Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.
Кривить душой
Кривить совестью
Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.
Кто много целует, редко не укусит.
Кумушкины слезки на базаре дешевы.
Ласкатель – тот же злодей.
Ласковый взгляд, да на сердце яд.
Лестное слово что вешний лед.
Лесть без зубов, а с костями съест.
Лесть да месть дружны.
Лесть словно зубами съест.
Лестью и душу вынимают.
Лить крокодиловы слезы
Лихва да лесть дьяволу в честь.
Льстец под словами – змей под цветами.

Медовый язык, да каменное сердце.

Медом-сахарычем рассыпаться

На языке мёд, а в сердце лёд.

На языке мед, а под языком лед.

Называет другом, а обирает кругом.

Не годится в неправде язык шевелить, чтобы в очи хвалить, а за очи хулить.

Открывать душу кому, перед кем

Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.

Петь (пропеть) дифирамбы

Петь сладкие речи

Поднимать/поднять на щит

Ползти (извиваться) ужом

Прикидываться невинным ягненком.

Прикинуться невинной овечкой.

Птицу кормом, а человека лестью обманывают.

Птицу кормом, а человека словом обманывают.

Речами тих, да сердцем лих.

Речи с сердцем не согласны.

Речи сахарные, а за пазухой камешек.

Речи слышим, да сердце не видим.

Речи у него сладки, да кусает за пятки.

Речи, что мед, и дела, что полынь.

Речи, что снег, а дела, что сажа.

Речист, да на руку нечист.

Сидеть между двух стульев

Скажет вдоль, а сделает поперек.

Сладко бает, да дела не знает.

Словами, что листьями стелет, а делами, что иглами колет.

Служить двум господам.

Стоять (ходить) на задних лапах (лапах)

У лицемера хвалы горшок, а у завистливого хулы мешок.

Хвалит петуха за то, что хвалит он Кукушку.

Языком гладок, а душою гадок.

Максима скромности (30 ФЕ)

Больше знай, да меньше бай, а то язык отрежут.

В пустой бочке и звону много.

Всякая жаба себя хвалит.

Всякая харя сама себя хвалит.

Говори с другими поменьше, а с собою побольше.

Знай более, а говори менее.

Знай больше, а говори меньше.

Кто хвалился, тот с горы свалился.

Много знай да мало бай.

Не всегда говори то, что знаешь, но всегда знай то, что говоришь.

Не смотри высоко, глаза запорошишь.

Не тот беден, кто прибедняется, не тот богат, кто похваляется.

Не тот дурак, кого люди хвалят, тот дурак, который сам хвалится.

Не хвали сам себя, есть много лучше тебя.

Не хвались, а Богу помолись.

Пустая бочка пуще гремит.

Сам не хвались, как люди похвалят.

Сам поет соловьем, не зная о чем.

Себя хай, а людей не хай.

Слышал звон, да не знает, где он.

Хвалилась кобыла, что с возом горшки побила.

Хвалилась синица, что море зажжет.

Хвалился, да с горы и свалился.

Хвались, да назад оглянись!

Хвались, да не поперхнись (не подавись)!

Хвалу, и честь, и славу – и дурак любит.

Хвастай, хвастай, да сам и хрястай.

Хвастлива собака скорее околеет.

Хвастливое слово гнило.

Чем похвалишься (хвалился), тем и подавишься (подавился).

Максима доброжелательности (65 ФЕ)

Бирюком смотрит

В чем живет смех, в том и грех.

В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив.

Волком смотрит

Выдавить улыбку

Глядит, как змея из-за пазухи.

Добра не мыслишь, и худа не говори.

Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит.

Доброе слово дом построит, злое слово дом разрушит.

Доброе слово и кошке приятно.

Доброе слово окрыляет.

Доброе слово сотни пустых стоит.

Доброе слово человеку что дождь в засуху.

Добрые слова лучше мягкого пирога.

Добрый привет и кошке люб.

Жало остро, а язык острей того.

За худые слова слетит и голова.

Злой на язык

Злой язык – злое оружие.

Злой язык чей, у кого

И смех и горе.

И смех и грех.

И собака знает ласково слово.

Кроткое слово гнев побеждает.

Кто смешлив, тот и слезлив.

Ласковое слово – что весенний день.

Ласковое слово не трудно, а скоро.

Ласковое слово пуше дубины.

Ласковое слово самому ничего не стоит, а другому много дает.

Медведем смотрит

Мягкое слово кости не ломит.

Мягок язык, а жалит больно.

На добрый привет – добрый ответ.

На ласковые речи и змея из норы выползает.

Не говоря худа, хорошо говорить не будешь.

Недоброе слово больней огня жжет.

Недоброе слово что огонь жжет.

Остр (острый, остёр) на язык

От приветливых слов язык не отсохнет.

Плохо жить без работы, худо без доброго слова.

По привету и собачка бежит.

Покорное слово гнев укрощает.

Пошел на обед, паси (неси) словцо на привет.

Приветливое слово гнев побеждает.

Протянуть руку

С распростертыми объятиями кого-л.

С тобой разговориться, что меду напиться.

Смех без причины – признак дурачины.

Смотреть зверем

Сядем рядком да поговорим ладком.

Твоими бы устами мед пить.

Улыбаться до ушей

Хорошая речь лучше меда.

Хорошая речь слаще меда.

Хорошего пирожка приятно покушать, сладкую речь приятно послушать.

Хорошее слово – половина дела.
 Хорошую речь хорошо и слушать.
 Худо жить без ласкового слова.
 Худого слова и сладким медом не запьешь.
 Чья речь сладка, тот и змею из норы выманит.
 Язык как бритва у кого
 Язык мягок, что хочет, то и лопочет.
 Язык мягок: что хочет, то и мелет.
 Язык острее иглы (бритвы).
 Ястребом смотрит

Максима уважительности (42 ФЕ)

Бить поклон
 Бить челом
 В просьбе поклон не в потерю.
 Валяться в ногах у кого
 Вежества не купи, а умелось бы говорить.
 Воздавать / воздать почести кому-либо
 Воротить нос
 Клади крест по-писаному, поклон веди по-ученому.
 Крутить носом
 Ломать шапку перед кем-л.
 Насвистеть в уши
 Не всех поименно, а всем по поклону.
 О чем не сказывают, о том не допытывайся.
 Обливать грязной водой
 Обливать грязью
 Обливать помоями
 Обнажать / обнажить голову перед кем-либо
 Оказывать / оказать честь кому-либо
 От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет.

Питать уважение к кому-л.

Плевать в глаза

Плевать в лицо

Повернуться спиной к кому-либо

Подносить пилюлю

Показать шиш (дулю, кукиш, фигу)

Показывать язык кому-либо

Поклониться – всегда пригодится.

Поклониться – голова не отвалится (не отломится, не переломится).

Поклоном поясницы не переломишь.

Поклоном спины не надсадишь, шеи не свихнешь.

Ползать на коленях перед кем

Преклонять колена

С поклону голова не заболит.

Склонять голову перед кем-либо, чем-либо

Смешивать с грязью

Смотреть сверху вниз на кого

Снимать шляпу

Состроить гримасу

Стоять на коленях перед кем-либо

Строить рожи

Топтать в грязь

Яйца курицу не учат.

Максима количества (237 ФЕ)

Бабий язык – чертово помело.

Бабий язык, куда ни завались, достанет.

Бабу не переговоришь.

Бабушкины (бабьи) сказки

Беседлив, как тюлень.

Бесструнная балалайка – “Болтун, пустомеля”.

Бойся вышнего, не говори лишнего!
Болтай, болтай, недалеко до Валдай.
Болтать как сорока.
Болтливому молчанье в тягость.
Болтливость часто причиняет больше зла, чем злость.
Болтовня денег не стоит.
Болтун не ждет спроса, а сам все скажет.
Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить.
Болтун сам на себя наговаривает.
Болтуна бросил в ад, а он и там заговорил: «Дрова сырые».
Больше говорить – больше согрешить.
Большой говорун – плохой работун.
Брюзжит, как муха в осень.
Будь смелым не языком, а делом.
Велеречье часто наносит увечье.
Великое слово без дела-ничтожное.
Вертит языком, что корова хвостом (что качадыком).
Ветряна мельница да баба бездельница мелют без устатку.
Во многом глаголании несть спасения.
Воздух словами не наполнить.
Волос долог, а язык длинней.
Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке.
Вот тебе сахарный кусок, заткни себе роток.
Всего не переговоришь.
Всякая сорока от своего языка погибает.
Всякое молчание лучше ворчания.
Где баба, там рынок; где две, там базар.
Где много слов, там мало дел.
Говори меньше – умнее будешь.
Говорили сегодня, говорить и завтра.

Говорить – беда, а молчать – другая.
Говорить не устать, было бы что сказать.
Говорят, хорош, а дела ни на грош.
Горлом дело не спорится.
Гусь да баба – торг.
Давать (дать) волю языку
Два гуся, две бабы – ярмарка.
Дерзок на язык, да скромн на почин.
Длинный (долгий) язык (язычок) у кого
До разговора охотник – плохой работник.
Доброе молчание лучше пустого болтания.
Доброе молчание лучше худого ворчания.
Долго не говорит – ум копит, а вымолвит – слушать нечего.
Ешь калачи, да поменьше лепечи!
Женское слово, что клей, пристаёт.
Жёрнов мелет – мука будет; язык мелет – беда будет.
Журлива что свекровь.
За бабой покидай последнее словцо.
За твоим языком не поспеешь босиком.
Зажми рот, да не говори с год.
Зажмурь кадык!
Закрой (заткни) поддувало!
Закрой варешку!
Замолчал, как воды в рот набрал.
Замолчал, как рыба в пироге.
Застегнуть роток на все пуговицы (пуговицы)
Заткни рот (глотку)!
Заткни рот рукавицей!
Заткни фонтан (красноречия)!
Заткни хайло онучей!

Знать сороку по язычку.

И клочит и валяет, и гладит и катает языком.

И строчит, и валяет, и гладит, и катает, а все языком!

И шьет, и порет, и лощет и плющит языком.

Играть в молчанку

Из разговора ши не сваришь: нужны капуста и мясо.

Как неживой

Как немой

Как партизан/партизанка (на допросе)

Как пень

Как сорвалось (с языка), так и брякнулось (и собралось).

Как сорока с хвостом, так и он с языком.

Как сфинкс

Как там говорить, где не дадут и рта открыть.

Как убитый

Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать.

Красен словами, рассудком беден.

Красноплый заговорит, всех слушателей переморит.

Кто мало говорит, тот больше делает.

Кто меньше толкует, тот меньше тоскует.

Кто много бает – мало помогает.

Кто много болтает, тому часто попадает.

Кто много болтает, тот беду на себя накликает.

Кто много говорит, тот мало делает.

Кто словом скор, тот в деле не спор.

Кто языком штурмует, не много навоюет.

Курица гогочет, а петух молчит.

Легко сказать, да нелегко орла поймать.

Легче сказать, чем сделать.

Лепetalось бы, да не дремалось.

Лепечет как сорока.

Лишнее говорить – себе вредить.

Лишнее говорить – только делу вредить.

Лишнее слово досаду наводит и до стыда доводит.

Лишними разговорами только дело портить.

Лучше быть тихослову, а не болтослову.

Лучше молчать, чем пустое врать.

Лучше недосказать, чем пересказать.

Лучше отмолчаться, чем огрызаться.

Люди брешут – языками чешут.

Мала ворона, да рот широк.

Мельница мелет – мука будет, язык мелет – беда будет.

Меньше говори, да больше делай.

Меньше говорить – меньше грешить.

Много баять не подобает.

Много всего говорится, да не все в дело годится.

Много говорить – перемота положить.

Много говорить голова заболит.

Мозоли на языке набить.

Молоть языком

Молча губами не разводи!

Молчанием город не возьмешь.

Молчать как камень (каменный)

Молчать, так и дела не скончать.

Молчит как мертвый

Молчит, как стена

Муха невелика, да ворчит.

На думах – что на вилах, на словах – что на санях, на деле – что в яме.

На словах – блажен муж, а на деле – векую шаташася!

На словах – что на гусях, а на деле – что на балалайке.

На словах города строит, а на деле ничего не стоит.
На словах его хоть выспись, а на деле и головы не приклонишь.
На словах, что на перинке, а проснешься – наголе.
На словах, что на саях, а на деле, что на копыле.
На что перевирать, лучше смолчать.
На языке густо, а на деле пусто.
На языке у кого-либо
Наговорил столько, что и в шапку не соберешь.
Наговорят-набают, чего и сами не знают.
Наш брат Исайка – без струн балалайка.
Не болтай наугад, клади слово в лад.
Не все ворчать, надо и помолчать.
Не говори, когда нужно молчать.
Не молчи, когда нужно говорить.
Не спеши языком, спеши делом.
Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на дело туп.
Не язык, а помело.
Нем (Бессловесен) как рыба
Немая беседа
Один рот, а и тот дерет.
Одна голова – два языка.
Осла узнают по ушам, медведя – по когтям, а болтуна – по речам.
Остёр на язык, а к делу не привык.
Острый язык – дарование, длинный язык – наказание.
От многих слов нет прибыли, от одного нет убытка.
От одних слов толку мало.
От слова не сбудется.
От языка страдает голова.
Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.
Перемалчиваться взапуски

По разговорам всюды (годится), а по делу некуды.
Помогай делом, а не языком.
Пропадать, пропасть за язык.
Работать языком
Развязать (развязывать) язык (языки)
Разговорами каши не сварить.
Разговорчив, как устрица.
Распускать (распустить) язык (языки)
Рассказчики не годятся в приказчики.
Речи королевские, а дела нищенские.
Речи слышали, да дел не видим.
Рожь колосиста, баба голосиста.
Рот нараспашку, язык на плечо.
С бабой не сговоришь.
С его языком только на почте работать – конверты клеить.
Сам с вершок, а слов с горшок.
Сама сорока скажет, где гнездо свила.
Сболтнешь – не воротишь.
Сказать легко, да сделать трудно.
Сколько ни говорить, а с разговору сытым не быть.
Скоро сказано, кабы да сделано.
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.
Скоро то говорится, а не скоро делается.
Слов иной раз перебор, а дел нехватка.
Слов много, а дела мало.
Слова замерли
Слова остаются словами.
Словами горю не помочь.
Словами и туды и сюды, а делами никуды.
Словами шубу не сошьешь.

Словами, как лаком, дела покрывает.
Соловей поет, не знает о чем.
Сорочий язык
Сошлись кой о чем помолчать.
Тихое молчание никому не ответ.
Трещит как сорока.
Три бабы – базар, а семь – ярмарка.
Ты ему слово, а он тебе десять.
Ты, язычок, смалчивай: за тебя я бедку плачивал.
У бабы волос длинный, а язык ещё длинней.
У драчуна руки чешутся, у болтуна – язык.
У него ласточкин роток: зевок с локоток.
У него язык длинен.
У языка костей нет, как хочет, так и ворочается.
Ум язык на замке держит.
Хорош у слова, да плох у дела.
Хороши слова, да все не пряники.
Хороший рассказчик – плохой приказчик.
Чем завираться, лучше молча почесаться.
Чем меньше сказано, тем скорее исправлено.
Шила и мыла, гладила и катала, пряла и ложила (а всё языком).
Щедр на слова, да скуп на дело.
Щи хлебай, да поменьше бай.
Эка понесла: ни конному, ни крылатому не догнать.
Язык – жёрнов: мелет, что на него ни попало.
Язык – что жёрнов: мелет и пшеницу, и мышиный помёт.
Язык без костей
Язык без костей – мелет почём зря.
Язык без костей – что хочешь плети.
Язык без костей намелет на семь волостей.

Язык без костей потешает гостей.

Язык без костей, а кости ломает.

Язык без костей: что хочет, то и лопочет.

Язык болтает, а ветерок продувает.

Язык впереди ног бежит.

Язык до добра не доведет болтуна.

Язык как помело.

Язык медовый, а дела водянистые.

Язык отнялся

Язык развязывается (развязался)

Язык у роти, як чёрт у болоти.

Языком – и так и сяк, а на деле – никак.

Языком гору свернет – на работе места не найдет.

Языком и лаптя не сплетёшь.

Языком капусты не шинкуют.

Языком молоть – не дрова колоть, спина не заболит.

Языком не спеши, а делом не ленись.

Языком туда и сюда, а на деле никуда.

Языком что помелом возит.

Языком, что решетом, так и сеет.

Язычком-то берет, а к делу не льнет.

Максима ответственности (147 ФЕ)

Брать (своё) слово назад (обратно)

Брать себя в руки

Бросать слова на ветер

Бросаться словами

Будешь следить за языком – он охранит тебя, распустишь его – он тебя предаст.

Будь своему слову господин.

Быть по-сказанному, как по-писаному.

В зубах не удержал, а в губах не удержишь.

Вертеться на кончике языка
Вертеться на языке у кого-либо
Взвешивать свои слова
Висеть на языке (на кончике языка)
Все мы говорим, да не все по-говоренному выходит.
Выдумав слово, говори.
Выносить сор из избы.
Выпустил словечко, не догонишь и на крылечке.
Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймашь.
Говори не спеши и людей не смеси.
Говори подумав, садись осмотревшись.
Говори так, чтоб надолго стало.
Говори, да оглядывайся.
Говорить – не работать: торопиться не надо.
Говорить не думая, что стрелять не целясь.
Говоришь по совету (секрету, тайком, совестно), а выйдет по всему свету.
Господин своему слову
Давать слово
Дашь языку волю – голове тесно будет.
Дергать за язык
Держать рот на замке
Держать своё слово
Держать себя в рамках приличия
Держать язык на привязи
Держи кулак в кармане, а язык – на аркане.
Держи собаку на цепи, а язык – на семи.
Держи язык за замком
Держи язык за зубами.
Держи язык на веревочке.
Дёрнуло за язык

До трех дней трое знали, а после трех – весь мир узнал.

Доказчику первая мука.

Долго думал, да хорошо сказал.

Доносчику первый кнут.

Егор оповестил Фому, а тот – белому свету всему.

Если сумел пообещать, не заставляй три года ждать.

Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

За посул денег не берут.

За собой слова не удержал – за людьми не удержишь.

Закусить губу

Замкнуть рот на замок (замочек)

Звонить (раззвонить, трезвонить) во все колокола

Знала бы насадка, узнает и соседка.

И дорого бы дал за словечко, да не выкупишь.

И стены имеют уши.

Конь вырвется – догонишь, а сказанного слова – не воротишь.

Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь.

Кормить завтраками

Крепка окова, а еще крепче слово.

Кричать на всех перекрестках

Крутится на языке

Кто за язык дёргал кого

Кто не подумав говорит, тот вечно вздор творит.

Кто сказал и сделал – человек, кто не сказал и сделал – лев, кто сказал и не сделал – осел.

Лукавый тянет за язык

Мазнуть губы

Много обещают – ничего не дают.

Мозать по губам

На духу сказано, так знай грудь да подоплека.

На первый посул не сдавайся.

Нарушать (своё слово)

Не бросай слова на ветер.

Не дав слова, крепись, а дав – держись.

Не давай волю языку на пиру, во хмелю и во гневе.

Не молвя слова, крепись, а молвя слово держись.

Не слово хозяин хозяину, а хозяин слову хозяин.

Не спеши голову рубить, прикажи наперед речь говорить.

Недолго думано, но хорошо сказано.

Оброненное слово языком не слизнёшь.

От слова до дела – бабушкина верста.

От слова до дела – сто перегонов.

От слова до дела – целая верста.

Петух скажет курице, а она всей улице.

Плевка не перехватишь, слова не воротишь.

Придержи (попридержи) язык (язычок)

Придерживать (придержать) язык (язычок)

Прикусить язычок

Проситься (проситя) на язык

Свинья скажет борову, а боров всему городу.

Сдерживать себя

Скажешь – не воротишь, напишешь – не сотрешь, отрубишь – не приставишь.

Скажешь курице, а она – всей улице.

Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол.

Скажешь тайком, а услышишь явком.

Сказал бы словцо да сучок в избе есть.

Сказал кум куме, кума свату, а сват брату, и пошел разговор со двора на двор.

Сказал, как ножницами отрезал.

Сказал, как топором отрубил.

Сказал, как узлом завязал.

Сказал, что небосвод низок, так и ходи согнувшись.

Сказанного не воротишь, потерянного не наедешь.

Сказанное слово – пущенная стрела.

Сказанное слово и топором не вырубешь.

Сказанное слово не может вернуться.

Сказано – не доказано, надо сделать.

Сказано – сделано.

Слово – закон, держись за него как за кол.

Слово – олово.

Слово – солома: загорится – не зальёшь.

Слово выпустишь, так и крюком (валом) не вытащишь.

Слово держать – не по ветру бежать.

Слово крепче (лучше) печати.

Слово крепче стали.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь.

Слово сказал, так на нем хоть терем клади.

Слово, пока оно у тебя во рту, – твое, а как вылетит – чужое.

Слово, сказанное без соображенья, подобно выстрелу без прицела.

Сначала скажет, после думает, что сказал.

Сор из избы не выноси, а в печи топи.

Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу.

Сперва подумай, а там и скажи!

Сулить завтраки

Сулить золотые горы

У дурака, как у пьяного, что на уме, то и на языке.

У него рот без застёжек.

У него слово – закон.

У него, как у дурака, что на уме, то и на языке.

У слова хвоста нет: не поймаешь.

Уговор дороже денег.

Уговорец – кормилец.

Уговорец – святое дело.

Удерживай слово, когда оно навредить может.

Чёрт (бес, леший, нелёгкая) дёрнул (дернула) за язык кого

Чёрт дёрнул кого сказать что-л.

Что сказано, то свято.

Чужой тайны не продавай (поверяй).

Язык без привязи, что сундук без замка.

Язык вперёд (наперёд) ума рыщет.

Язык говорит, а голова и не ведаёт.

Язык говорит, а голова не варит.

Язык держи, а сердце в кулак сожми.

Язык есть, а ума нет.

Язык зудит, чешется (зачесался) у кого

Язык и то поведает, чего голова не ведаёт.

Язык лепечет, а голова не ведаёт.

Язык мой – враг мой: прежде ума глаголет.

Язык мой – враг мой: прежде ума говорит.

Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет.

Язык свербит у кого

Максима гармонизации общения (195 ФЕ)

Браниться бранись, а на мир слово покидай!

Браниться бранись, а рукам воли не давай!

Была вина, да прощена.

В бою согласие крепче стали.

В глаза не хвали, за глаза не кори.

В доме, где есть ссоры, нет достатка.

В драке нет умолоту.

В закрытый рот и муха не залетит.

В ссорах да во вздорах пути не бывает.

В чём осудишь, тому сам послужишь.
В шутках правды не бывает.
В шутках правды нет.
В шуточках часто правда бывает.
Вавилонское смешение языков (вавилонское столпотворение и смешение языков)
Век прошутишь, слово проживешь.
Временем бранись, а в пору мирись.
Всякая ссора красна мировою.
Всякая шутка надвое растворена: кому смешно, а мышке за беду.
Всякий смех тридцать лет у ворот стоит, дотуда не отойдет, пока не отсмеет.
Выбивать почву из-под ног
Где согласие и лад, там дело – клад.
Где ссора, там нет удачи.
Гладить по головке
Гладить против шерсти кого
Говори, да не спорь, а хошь спорь, да не вздорь.
Говорит хорошо, а замолчит – еще лучше.
Говорить на разных языках
Говорить разными языками
Горе молчать не будет.
Давать волю рукам.
Дай волю языку, скажет то, чего не знает.
Дают – бери, бранят – беги.
До двух раз прощают, а в третий бьют.
До трех раз прощай!
Добрая шутка дружбы не рушит.
Доброму человеку в ссоре всяко нехорошо.
Дракою прав не будешь.
Драчливый петух голенаст живет.
Драчливый петух жирен не бывает.

Других не суди, на себя погляди.

Дурак не рассудит, а умный не осудит.

Есть (имеется) зуб

За молчание деньги платят.

За хлебом – солью всякая шутка хороша.

Забрал себе в голову, так хоть тресни!

Забрасывать камнями

Затыкать рот

И в доброй драке на хлеб не придет (а в худой и на квас не выручишь).

И за молчание гостинцы дают.

Из двух спорщиков умнее тот, кто первый замолчит.

Из похвал шубы не сошьешь.

Иметь (держат) зуб

Иная похвала стоит (хуже) брани (поношения).

Иной смех плачем отзывается.

Как тут говорить, где не дадут рта отворить?

Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать.

Конем воевать, копьем штурмовать, а голосом нет.

Красен разговор, да не спор.

Кстати бранись, а и не кстати, да мирись!

Кстати побранись, а кстати и помирись.

Кстати промолчать, что большое слово сказать.

Кстати промолчать, что доброе слово сказать.

Кстати смолчать – что хорошее слово сказать.

Кто людей веселит, за того весь сеет стоит.

Кто молчит, не грешит.

Кто молчит, тот двух научит.

Кто молчит, тот соглашается.

Кто не любит шуток, над тем не шути.

Кто рождается – кричит, кто умирает – молчит.

Кто умеет беситься, тому ни с кем не ужиться.

Кто шутки любит, того все любят.

Кто шутки пошучивает, тот на себя плеть покручивает.

Кто шуток не понимает, с тем не шути.

Лад и согласие – в любом деле счастье.

Легче ссоры избегать, чем ее прекращать.

Лишний спор – лишняя склока.

Лучше умная хула, чем дурацкая похвала.

Люби ссору, люби и мир.

Метать громы и молнии

Молчан-собака да тихий омут опасны.

Молчан-собака из-под подворотни хватает.

Молчан-собака не слуга во дворе.

Молчание – знак согласия.

Молчание лучше слов.

Молчанкой никого не обидишь.

Молчанье – золотое словечко.

Молчанье ссору гасит.

Молчи – за умного сойдешь.

Молчи, коли Бог разуму не дал!

Молчок – сто рублей.

Мутить воду

На вкус, на любовь да на цвет спора нет.

На одном вече, да разные (не одни) речи.

На разных языках

На словах, как на гусях, а рук не подымай!

Над другими посмеешься, над собой поплачешь.

Над другом шути, пока краска в лицо не вступит.

Над кем посмеешься, тот над тобою поплачет.

Найти (обрести, находить, искать, искать и находить) общий язык с кем-либо

Наступать на ногу (ноги) кому
Не бей кулаком – ударь словом.
Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.
Не будет добра, коли меж своими вражда.
Не до шуток
Не за всяким тычком гонись.
Не кивай на людей пальцем (перстом), не указали б на тебя и всей рукой.
Не силой борются, – уменьем.
Не смейся другу, не изжив веку.
Не смейся чужой беде: своя на гряде.
Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах.
Не спорь, молчи: рассердишь – круче перевру.
Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит да хвостом виляет.
Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает.
Не хвали в очи, не брани за глаза.
Не хвались, на коня садясь, а хвались, когда слезешь.
Не хвастайся осведомленностью, гордись молчанием.
Не шути над тем, что дорого другому.
Не шути с таким ты шуток, кто на всяко слово чуток.
Невольная ошибка прощается.
Недобранка лучше перебранки.
Нелады да свары хуже пожара.
Нет греха бодливому сломать рога.
Нет лучше шутки как над собою.
О вкусах не спорят.
Общий язык
Осуждая друга, посмотри за собою.
Плохая дружба лучше хорошей ссоры.
Плохая шутка баламутка.
Поднять руку на кого-л.

Полно браниться, не пора ль помириться.

Положить ружье

Похвалы не кормят и не греют.

Похвальное слово гнило бывает.

Пройми копьем, пройми языком.

Противное противному уступай.

Развязывать язык кому, у кого

Распускать руки

С кем побранюсь, с тем и помирюсь.

С кумом бранюсь, на пиве мирюсь, а с чужим побранюсь, винцом зальюсь.

Сказал красно – по избам пошло; а смолчится – себе пригодится.

Сказанное слово – серебро, несказанное – золото.

Сколько ни бранится, а быть помириться.

Слово – олово, молчание – золото.

Слово – серебро, молчание – золото.

Снять стружку

Собака лает, соловей молчит.

Совать (свой) нос

Согласие к хорошему приводит, а спор противников находит.

Согласие лучше каменных стен.

Споруйся до слез, а об заклад не бейся.

Ссора до добра не доводит.

Твое молчание приятнее музыки.

Тем не шути, в чем нет пути.

Тем не шутят, что в руки не дают.

Точить зуб (зубы)

Тут не до смеху.

Тут не до смешков.

Тянуть за язык

У бодливого барана лоб всегда в крови.

Укорный кусок в горло нейдет.
Умей пошутить, умей и перестать.
Умей сказать, умей и смолчать.
Умей шутить, умей и отшучиваться.
Умеючи пошутить – людей повеселить.
Умный молчит, когда болтун ворчит.
Умный молчит, когда дурак говорит.
Устраивать базар
Устраивать концерт
Устраивать представление
Хорошо ты поёшь, да мне плясать неохота.
Хоть горшком назови, только в печку не ставь.
Хоть кол на голове теши – он все свое.
Хочешь в ссоре верх взять – скажи, что виноват.
Чего хвалить не умеешь, того не хули.
Что завязано ртом, рукой не развязать.
Что пользы в ссорах?
Чужими руками жар загребать
Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.
Шут в дружбе неверен.
Шути, да оглядывайся.
Шутил, шутил, да и вышутил.
Шутить хорошо до краски.
Шутка в добро не введет.
Шутки шутить
Шутки шутить – людей мутить.
Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой.
Шутку шутить – всех веселить.
Шуту в дружбе не верят.
Шутя люди мед пьют.

Языком болтай, а рукам воли не давай.

Языком и щелкай и шипи, а руки за пазухой держи!

Языком играй, а руками не рассуждай!

Языком не расскажешь, так и пальцами не растычешь.

Языком, как хочешь, а рукам воли не давай!

Языком, как хошь, а рукам – не ворошь.

Максима очередности (9 ФЕ)

Две собаки дерутся, третья не суйся!

Муж с женой ругайся, а третий не мешайся.

Один говорит – красно, двое говорят – пестро.

Отвечает тогда, когда его не спрашивают.

Петь хорошо вместе, а говорить порознь.

Свои собаки гложись, а чужие не вяжись.

Свои собаки грызутся, чужая не суйся!

Свой со своим бранится, сам помирится, а чужой пристанет – век постылым станет.

Чужих слов не перебивай.

Максима слушания (54 ФЕ)

Бог дал два уха, а язык один.

Больше слушай, поменьше говори, не зря у тебя два уха и один только язык.

Вахромей, разумей: кого корят, а тебе в глаза говорят.

Великое молчание – то ли не ответ.

Всякий совет к разуму хорош.

Где слова для приветов, там улыбка для ответов.

Говори мало, слушай много, а думай еще больше.

Два раза выслушай, один раз скажи.

Для чего у нас два уха, а язык один? – Для того, чтобы человек больше слушал, а меньше говорил.

Доброе молчание чем не ответ?

Доброе молчанье любому делу отвечанье.

Доброму слушателю немного слов.
Дорога ложка к обеду, а слово к ответу.
Как окликнется, так и аукнется.
Каков привет, таков и ответ.
Красна речь слушаньем, (а беседа смиреньем).
Красно поле пшеном, а речь слушанием.
Кто говорит, ничего не узнает – кто слушает узнает много.
Кто говорит, тот сеет.
Кто добрых людей не слушает, тот богу спорник.
Кто слушает – собирает (пожинает).
Кто слушает, тот и скушает.
Кушай (Ешь) варёное, да слушай говореное!
Лучше помолчать, если нечего сказать.
Любишь говорить – люби и слушать.
Люди говорят, так люди и слушают.
Мало говоря, больше услышишь.
Меньше бы говорил, да больше бы слушал.
Молчание – это лучший ответ, который ты можешь дать болтуну.
На всякие приветы надобно иметь ответы.
На всякий спрос – ответ.
На добрый привет добрый и ответ.
На каждое почему есть потому.
На некоторые вопросы следует отвечать молчанием.
Не любо – не слушай, а врать не мешай.
Не слушал начала, так жди конца.
Не стыдно молчать, когда нечего сказать.
Не торопись отвечать, торопись слушать.
Ни ответа ни привета.
Обед узнают по кугианью, а ум – по слушанью.
По вопросу и ответ.

Поменьше говори, побольше услышишь.

Послушай, прежде чем говорить.

Слово к ответу, а хлеб к обеду.

Слушай больше, а говори меньше.

Слушай ухом, а не брюхом.

Слушайся добрых людей, на путь наведут.

У него на всякий спрос есть ответ.

Уха – два, а язык – один.

Учись хорошо слушать, если хочешь, чтобы приятно было слушать.

Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай!

Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Хорошо говорит, да было бы что слушать.

Хорошо, кто хорошо говорит, но еще лучше, кто хорошо слушает.

Максима адекватной оценки собеседника и его высказывания (43 ФЕ)

Всякого слушай, а верь не всякому.

Говорят наобум (глум), а ты бери на ум.

Говорящий много часто ошибается.

Дурака слушать, пирога не кушать.

За шутку не сердись, а в обиду не вдавайся.

И в маленькой голове рождаются великие мысли.

И глупый ино молвит слово в лад.

Ино за неволю слово молвится.

Иногда не надо слушать, что люди говорят.

Иное слово пропускай мимо ушей.

Каков муж, такова речь.

Каков разум, таковы и речи.

Каков ум, такова и речь.

Какова голова, такова и речь.

Какова речь, таков и склад.

Каковы свойства, таковы и речи.

Кум говорит наобум, а кума бери на ум.
Ложь на охотника, а не любо – не слушай.
Лошади узнают друг друга по ржанию, а люди – по разговору.
Людским речам вполовину верь.
Людских (лихих) речей не переслушать.
Мал соловей, да голос велик.
На ласковое слово не поддайся, а на грубое не гневайся.
На ласковое слово не сдавайся, на противное не обижайся.
На льстивы речи не мечись, на грубую правду не сердись.
На правду не сердись.
На шутку не сердятся.
Не велик сверчок, да громко поёт.
Не верь своим очам, верь моим речам!
Не верь ушам, верь очам – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.
Не всё то правда, что бабы врут.
Не всё то правда, что говорится (что люди говорят).
Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывае.
Не гляди, каков в плечах – слушай, – каков в речах.
Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жальце в запасе.
Не смотри как горло дерет, смотри как дело ведет.
Ныне люди слезам не верят, а охти мне нипочем.
Обед узнают по кушанию, а ум по слушанию.
По речам узнают человека.
Слушать его можно, а верить нельзя.
Соловей птичка невеличка, а заголосит, так лес дрожит.
Суди по человеку, а не по его словам.
Я тебе говорю на глум, а ты бери на ум.

**Список китайских фразеологических единиц,
характеризующих коммуникативное поведение**

ФЕ о коммуникативной функции языка (2 ФЕ)

出门问路， 入乡问俗 – досл. “Выходя из дому, спрашивай дорогу; приехав в деревню, узнай местные обычаи”.

怕问路， 要迷路 – досл. “Бояться спрашивать дорогу – сбиваться с дороги”.

ФЕ о воздействующей функции языка (1 ФЕ)

剑伤皮肉， 话伤灵魂 – досл. “Меч ранит тело, а слово ранит душу”.

ФЕ о коммуникативных качествах «точность» и «ясность» (2 ФЕ)

牙白口清 – досл. “Белые зубы, чистый рот”.

嘴清舌白 – досл. “Чистый рот, белый язык”.

ФЕ о коммуникативном качестве «выразительность» (7 ФЕ)

出口成章 – досл. “Говорит, как пишет”.

口若悬河 – досл. “Из уст словно река изливается”.

妙语连珠 – досл. “Сыпать красными словами”.

三寸不烂之舌 – досл. “Язык в три цуня и без изъяна”.

舌灿莲花 – досл. “Сияющий язык как цветок лотоса”.

娓娓而谈 – досл. “С жаром говорить”.

语惊四座 – досл. “Ошеломить людей сказанными словами”.

ФЕ о коммуникативном качестве «уместность» (4 ФЕ)

词不达意 – досл. “Слова не выражают нужной мысли”.

对症下药， 看场合说话 – досл. “Назначать лекарство в соответствии с болезнью, говорить в соответствующей ситуации”.

割草顺风向， 说话看对象 – досл. “Косить траву по ветру, говорить в соответствии с собеседником”.

离题万里 – досл. “Десять тысяч ли от обсуждаемых тем”.

ФЕ о коммуникативном качестве «чистота» (2 ФЕ)

恶语伤人六月寒 – досл. “Брань ранит как мороз летом”.

狗咬狗，一嘴毛 – досл. “Собака кусает собаку – останется только шерсть”.

ФЕ о коммуникативном качестве «содержательность» (6 ФЕ)

白水挤不出油来， 废话找不到内容 – досл. “В чистой воде нет масла, в болтливости нет содержания”.

话说三遍淡如水 – досл. “Говорить три раза – пресно как вода”;

话说三遍狗也烦 – досл. “Хорошее слово повторяют три раза – даже у собаки появится отвращение”.

空勺塞到嘴边没味道， 空话听到耳里没味道 – досл. “У пустой ложки нет вкуса, в пустых словах нет смысла”.

枯树无果实， 空话无价值 – досл. “Засохшее дерево не даёт плодов, пустое слово ничего не стоит”.

听君一席话， 胜读十年书 – досл. “Послушать вашу речь, это лучше чем десять лет учебы”.

ФЕ о коммуникативном качестве «краткость» (2 ФЕ)

言简意赅 – досл. “Слова лаконичны (просты), а мысль полна”.

长话短说 – досл. “Длинное предложение надо кратко говорить”.

Максима правдивости (10 ФЕ)

肚子有病话就软， 有了真理胆就壮 – досл. “Тот, у кого болит живот, говорит вяло, бессильно, а с правдой говорит смело”.

含血喷人 – досл. – “Плевать на людей кровью”.

开门见山 – досл. “Открыть дверь и увидеть горы”.

饶舌调唇 – досл. “Длинный язык мешает правду с ложью”.

说真话的人， 才算忠诚 – досл. “Тот, кто говорит правду, является настоящим честным человеком”.

一次说了谎， 到老人不信 – досл. “Один раз обманешь до старости не поверят”.

真理不一定是顺耳的 – досл. “Человеку может быть неприятно выслушивать правду”.

直言不讳 – досл. “Говорить без обиняков”.

忠言逆耳 – досл. “Правдивые слова режут слух”.

煮饭要有米，说话要有理 – досл. “Готовить обязательно с рисом, говорить обязательно правду”.

Максима искренности (2 ФЕ)

口蜜腹剑 – досл. “На устах мед, а за пазухой меч”.

笑里藏刀 – досл. “За улыбкой прятать нож”.

Максима скромности (12 ФЕ)

别人夸，一枝花；自己夸，烂冬瓜 – досл. “Другие похвалят тебя, то ты – цветок; а сам себя похвалишь, то ты – прелая зимняя тыква”.

博学的人大话少，浅薄的人爱吵吵 – досл. “Эрудированный человек мало говорит, невежественный человек любит хвалиться”.

好汉不夸当年勇 – досл. “Удалец не хвалится своей былой смелостью”.

满壶全不响，半壶响叮当 – досл. “Полный кувшин не гремит, наполовину пустой звенит”.

莫在人前夸海口，强中还有强中手 – досл. “Не хвастайтесь перед другими, среди сильных ещё есть сильнее”.

谦虚的人大话少，骄傲的人爱吵吵 – досл. “Скромный человек мало говорит, гордый человек любит хвалиться”.

桃李不言，下自成蹊 – досл. “Персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей”.

天不言自高，地不言自厚 – досл. “Небо не хвалится своей высотой, земля не хвалится своей глубиной”.

眼睛长在额头上 – досл. “Глаза находятся на лбу”.

痒要自己抓，好要别人夸 – досл. “Место, где чешется, надо чесать своими руками; а свои достоинства другие похвалят”.

自称好，烂稻草 – досл. “Хвалить самому себя – гнилая рисовая солома”.

自夸没人爱，残花没人戴 – досл. “Никто не любит хвастливого человека, никто не хочет надеть завядший цветок.”

Максима доброжелательности (12 ФЕ)

百把宝剑砍不掉志气，一句恶语能毁掉铁汉 – “Сто драгоценных мечей не могут срубить волю, а одно злое слово может подорвать стального мужчину”.

恶语 – досл. “злой язык”.

冷雨打不湿衣裳，恶言不多伤心肠 – “Холодный дождь не вымочит одежду, а злой язык, хоть мало, ранит сердце”.

良言一句三冬暖 – досл. “Доброе слово как тепло зимой”.

千金买笑 – досл. “Тратить сокровище – купить одну улыбку”.

人无笑脸休开店 – досл. “Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин”.

伸手不打笑脸人 – досл. “Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу”.

笑脸聚得天边客 – досл. “Улыбающееся лицо привлекает гостей на краю света”.

笑容可掬 – досл. “Улыбка во всё лицо, рот до ушей”.

笑迎四方客 – досл. “Улыбка встречает гостей из всех краев”.

言善非难 – досл. “Говорить добрые слова не трудно”.

与人善言，暖于布帛 – досл. “Доброе слово теплее, чем холст и шёлк”.

Максима уважительности (7 ФЕ)

爱徒如爱子，尊师如尊父 – досл. “Любите ученика как своего сына, уважайте учителя как своего отца”.

敬人自敬，薄人自薄 – досл. “Уважайте других – вас тоже уважают; относитесь язвительно к другим – к вам так же относятся”.

君子以仁存心，以礼存心. 仁者爱人，有礼者敬人. 爱人者人恒爱之，敬人者人恒敬之 – досл. “В сердце гуманного человека – доброта, этикет. Гуманный человек любит других людей, вежливый человек уважает других людей. Того, кто любит других, также всегда любят другие; того, кто уважает других, другие также всегда

уважают”.

老吾老以及人之老，幼吾幼以及人之幼 – досл. “Уважайте старших людей, как своих родителей; Относитесь ласково к детям, как своим детям”.

人敬我一尺，我敬人一丈 – досл. “Человек уважает меня степенью один чи, я уважаю его степенью один чжан”.

一日为师，终身为父 – досл. “Тот, кто был моим учителем только один день, является моим отцом на всю жизнь”.

尊长前，声要低，低不闻，却非宜 – досл. “Перед старшим нужно понизить голос, но не настолько, чтобы не было слышно”.

Максима количества (15 ФЕ)

百舌之声 – досл. “Голос сотных языков”.

沉默的像个石头 – досл. “Молчать как камень”.

多嘴多舌 – досл. “Много ротов, много языков”.

君子要少说多做，而后近于仁者 – досл. “Достойный человек должен меньше говорить, но обязательно быть ближе к гуманности и справедливости”.

君子欲讷于言，而敏于行 – досл. “Быть медлительным в речи, а быстрым в действии”.

敏于事而慎于言 – досл. “Будь быстр в делах, но осторожен в речах”.

宁做蚂蚁腿，不做麻雀嘴 – досл. “Даже ноги муравья лучше, чем рот воробья”.

贫嘴恶舌 – досл. “Длинный рот, злой язык”.

贫嘴贱舌 – досл. “Длинный рот, подлый язык”.

说起话来没个完，一到干活就摇头 – досл. “Разговаривать – бесконечно, а работать – качать головой”.

四两鸭子半斤嘴 – досл. “Одна утка, половина клюва”.

言多必失 – досл. “Много говоришь – обязательно ошибешься”.

言多伤行 – досл. “Много слов вредит поведению”.

一口三舌 – досл. “В одном рту три языка”.

长舌之妇 – досл. “Женщина с длинным языком”.

Максима ответственности (7 ФЕ)

三缄其口 – досл. “Трижды завязать себе рот”.

三思而后行 – досл. “Трижды подумать, затем сделать”.

食言 – досл. “Съесть свое слово”.

守口如瓶 – досл. “Держать рот, подобно (закупоренной) бутылке”.

一诺千金 – досл. “Одно обещание – тысяча золотых”.

一言既出驷马难追 – досл. “Слово вылетело – на четверке коней не догонишь”.

一言九鼎 – досл. “Одно слово – девять Дин”.

Максима гармонизации общения (13 ФЕ)

矮子面前，莫说短话 – досл. “Говоря с карликом, не говорите о коротышке”.

沉默是金 – досл. “Молчание – золото”.

打人不打脸，说话不揭短 – досл. “Ударите человека – не ударьте в лицо; Говорите – не упрекайте недостатки”.

得理让三分 – досл. “Идти на уступки другим, когда получить причину”.

话不可说尽，事不能做绝 – досл. “Не говорите все в словах, оставляйте выход в делах”.

话到舌尖留半句 – досл. “Когда слово дошло до кончика языка, остановитесь наполовину”.

君子动口，小人动手 – досл. “Благородный убеждает словами, подлец – кулаками”.

让人一步自己宽 – досл. “Идти на уступки другим – расширять свою дорогу”.

忍一忍风平浪静，退一步海阔天空 – досл. “Терпеливость – ветер стих и волны успокоились, уступчивость на шаг – океан обширный и небо бесконечное”.

乌龟莫笑鳖，都在泥里歇 – досл. “Одной черепахе не пристало смеяться над другой – обе сидят в грязи”.

五十步笑百步 – досл. “(Воины), отступившие на 50 шагов насмеются над отступившими на 100 шагов”.

宴席上吵架 – 不欢而散 – досл. “Рассориться на банкете – разъезжаться с

неприятным осадком в душе”.

一争两丑， 一让两有 – досл. “Одна сторона спорит, обе стороны потеряют лицо; одна сторона уступит, обе стороны получают выгоду”.

Максима очередности (1 ФЕ)

以言为讳 – досл. “Запрещается перебивать слова другого”.

Максима слушания (2 ФЕ)

有问必答 – досл. “На все вопросы должен быть найден ответ”.

智者善于倾听 – досл. “Умный человек умеет внимательно слушать”.

Максима адекватной оценки собеседника и его высказывания (3 ФЕ)

观其行而知其言， 闻其言而知其心 – досл. “По поведению узнают речь человека, по речам узнают ее душу”.

人心隔肚皮， 看人看行为 – досл. “Чужое нутро за кожей живота не разглядеть, поэтому по поведению узнают человека”.

受到表扬不要笑， 挨了批评不要跳 – досл. “Приняв комплимент, не смейтесь; подвергшись критике, не прыгай”.